Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ)

1937

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

И. В. СТАЛИН

Портрет художника Н. Казбек

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

Доклад товарища СТАЛИНА
на Пленуме ЦК ВКП(б)
3 марта 1937 г.

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I

Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и

небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева—Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

> «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны,— шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани,— все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и дивер-

сантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III

Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в отол-

телую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать

рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеймить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплоатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил,— такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов,— такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и совет-

ской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты,—это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане,—стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей **технически.** Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организа-

ции. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей **политически,** злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом,— забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в об-

ласти социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого,— появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением,— порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей

перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой,— какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства,— в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год,— все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и для-

тельность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение,— будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об ов-

ладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и итти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на-чеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплоататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам,— чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР,— чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что, так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это доста-

точно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,— генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров,— вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-

время выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные **«Партийные курсы».** На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные **«Ленинские курсы».** На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные **«Курсы по истории и политике партии».** На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,— наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное **«Совещание по вопросам внутренней и международной политики».** Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. **(Аплодисменты.)**

Заключительное слово товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 г.

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов — ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правилен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, беряеь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы.

Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы,— тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой

огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что они нарушают большевистское правило подбора работников, которое исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит — проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики,— все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессионалистских и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит — обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

> «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увиливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни нашей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку,— было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как не-

охотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг — «овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше — пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок,— это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

6) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для

того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит, ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит:

во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните должно быть известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко — это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс,— вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот на-

шелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2 600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся,— полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам,— и если к этой сумме прибавить не полпроцента не

участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не **усвоил** программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если итти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто **признает** программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об **усвоении** программы, а о **признании** программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, всуе болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями.

Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз — два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует — поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует — поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и нехватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. **(Аплодисменты.)**

«Звезда» и «Правда» и царская цензура

«Поставив ежедневную рабочую газету,— писал В. И. Ленин в июле 1912 г.,— петербургские рабочие совершили крупное,— без преувеличения можно сказать, историческое дело. Рабочая демократия сплотилась и укрепила себя при невероятно трудных условиях. Разумеется, о прочности рабочей демократической печати у нас говорить не приходится. Всем прекрасно известно, каким преследованиям подвергаются рабочие газеты.

Но при всем том, создание «Правды» остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих» [1].

Сказанное Владимиром Ильичем сохраняет свою силу и для предшественницы «Правды»—«Звезды».

Непосредственным руководителем «Звезды» в дни ленской забастовки был товарищ Сталин, вернувшийся в Петербург после объезда ряда районов по поручению ЦК. Товарищ Сталин принимает ближайшее участие в организации газеты «Правда» и становится во главе ее редакции. Товарищем Сталиным была разработана платформа «Правды» и составлен первый номер газеты.

Об организации «Правды», крупнейшей ее роли в борьбе пролетариата товарищ Сталин писал:

«Это было в середине апреля 1912 года, вечером, на квартире у т. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я как нелегал, сидел в «бесте» у «неприкосновенного» Полетаева), сговорились о платформе «Правды» и составили первый номер газеты...» [2].

Ближайшее участие в работе «Правды» принимали ученики и соратники Ленина и Сталина тт. Свердлов, Молотов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев и др.

«Технические и материальные предпосылки газеты были уже даны, благодаря агитации «Звезды», сочувствию широких масс рабочих и массовым добровольным сборам денег для «Правды» на заводах и фабриках. «Правда» была поистине результатом усилий рабочего класса России и прежде всего Питера. Без этих усилий она не могла бы существовать» [3].

«Звезда» и «Правда» были теснейшим образом связаны с широкими массами рабочих. Они издавались на средства рабочих.

Из общего количества 7 095 рабочих групп, материально помогавших рабочей печати, ликвидаторов поддерживала лишь 1 421 группа, или 20%, большевиков же — 5 674 группы, или 80%. Таким образом, если ликвидаторы пользовались сочувствием всего лишь одной пятой организованных рабочих, то большевики за 2½ года объединили вокруг своих лозунгов четыре пятых сознательных рабочих России [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 45.
[2] «Правда» № 98, 5 мая 1922 г.
[3] Там же.
[4] Цифры взяты из ст. В. И. Ленина «Рабочий класс и рабочая печать». В. И. Ленин, Соч. т. XVII, стр. 417.

Это же подтверждается данными об удельном весе рабочих и нерабочих сборов на большевистские и ликвидаторские газеты (с 1 января по 13 мая 1914 г.).

Основным источником средств большевистских газет были сборы от рабочих групп. Они составляли 87,7% общей суммы всех сборов.

Источником же ликвидаторских газет являлись, главным образом, денежные поступления от нерабочих групп. Они составляли 56,3% к общей сумме сборов.

«Вывод ясен:— писал Ленин,— ликвидаторская газета не рабочая газета, а буржуазная газета. Она содержится, главным образом, на средства богатых друзей из буржуазии»[1].

И действительно, из каждого рубля сборов большевистская пресса получала 87 коп. от рабочих и 13 коп. от не рабочих, ликвидаторская же — лишь 44 коп. от рабочих и 56 коп. от других групп»[2].

«Звезда» и «Правда» были большевистскими газетами, тесно связанными с широкими пролетарскими массами. Они являлись организаторами миллионов.

«Правда» воспитывала и кадры большевистских литераторов, первых рабкоров большевистской печати. В то же время «Правда» давала направление всей легальной рабочей печати, находившейся в руках большевиков (страховые журналы и т. д.). «Правда» была огромным организационным аппаратом, при помощи которого Центральный комитет российской социал-демократической партии (большевиков) ежедневно и ежечасно разговаривал с рабочим классом на родном и понятном ему языке.

Это был период решительной борьбы большевиков за сохранение нелегальной партии, за организацию подпольных кадров, за организацию масс рабочего класса, за ленинские «неурезанные лозунги», против ликвидаторов и заклятого врага нашей партии Троцкого.

Как известно, в этот период Иудушка-Троцкий в своих изданиях — сперва в «Венской правде», а позже — в «Борьбе» сплачивал беспринципный блок всех антиленинских групп. Троцкий всеми мерами боролся против создания большевистской «Правды», в целях срыва выпуска большевистской газеты прибегал к клевете и инсинуациям, апеллировал к буржуазным органам печати и т. д.

Ленин и Сталин вели решительную борьбу против примиренческой позиции прикрытых троцкистов — Каменева, Зиновьева, Рыкова и других, стремившихся свести борьбу за революцию к компромиссам, к примирению с антиленинскими группировками и тем самым срывавших дело мобилизации и сплочения рабочего класса.

Это был решительный период борьбы нашей партии за широкое использование в условиях царского режима легальных форм организации рабочего класса, за изгнание из легальных организаций всех ликвидаторов (меньшевиков). «Лозунг «снять с постов меньшевиков» был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения» (Сталин)[3].

На «Звезду» и «Правду» царское правительство обрушилось всем своим аппаратом полицейских, жандармов, цензоров. На большевистские газеты градом сыпались всевозможные репрессии: аресты, штрафы, конфискации.

17 декабря 1911 г. департамент полиции в разосланном секретном циркуляре губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру писал:

«...министр внутренних дел, обращая внимание на издающиеся в некоторых местностях империи газеты и журналы левого и в особенности социал-демократического направления и исходя из тех соображений, что агитация социал-демократических организаций и пропаганда идей последних посредством легальной печати должна быть всемерно прекращена и в будущем не допускаема,

---

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 421.

[2] Цифры взяты из статьи В. И. Ленина «Рабочий класс и рабочая печать» В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 421.

[3] «Правда» № 98, 5 мая 1922 г.

преподал указание в том смысле, что за подобными газетами и журналами надлежит иметь непрестанное наблюдение, подвергая их ответственности в случае нарушения изданных по сему предмету обязательных постановлений или возбуждая против них в установленном порядке уголовное преследование» [1].

Циркуляр министерства внутренних дел являлся директивой об усилении репрессий на рабочую печать, и цензура не замедлила приступить к его реализации. За январь — апрель 1912 г. Петербургский комитет по делам печати из вышедших 33 номеров «Звезды» конфисковал 19 номеров, т. е. больше половины, в то время как за весь предыдущий 1911 г. из 36 вышедших номеров «Звезды» было конфисковано одиннадцать.

22 апреля 1912 г. в день выхода № 1 «Правды» вышел последний номер (33/69) «Звезды», продолжавшей затем издаваться под видоизмененным названием «Невская звезда», до 5 октября 1912 г.

Почти за два года своего существования «Звезда» и «Невская звезда» подверглись органами цензуры следующим репрессиям:

	Подвергались репрессиям номера			
	Всего	Конфисковано	Оштрафовано	Общая сумма штрафов (в рублях)
«Звезда»				
С 16 декабря 1910 г. по 31 декабря 1911 г. вышло 36 номеров	18	11	7	3 115
С 1 января по 22 апреля 1912 г. вышло 33 номера	20	19	1	500
«Невская звезда»				
С 26 апреля по 5 октября 1912 г. вышло 27 номеров	11	9	2	1 000
Итого из 96 номеров	49	39	10	4 615

Еще большим репрессиям подвергалась «Правда». Девять раз она закрывалась постановлениями Петербургского комитета по делам печати и приговорами Петербургской судебной палаты и окружного суда. И каждый раз она опять появлялась на свет,— старая большевистская «Правда»,— но лишь под видоизмененным названием [2].

Таким образом, из 645 вышедших номеров «Правды» подверглись репрессиям 194 номера. Из них 155 конфисковано, 36 оштрафованы на сумму 16 550 руб. и за 3 номера редакторы отсидели 9 месяцев. В среднем подвергался репрессиям каждый 3—4-й номер газеты.

За какие статьи «Правда» подверглась репрессиям?

Если в первые месяцы подвергались репрессиям статьи политического характера, то затем, главным образом,— статьи о рабочем движении, стачках, о мате-

---

[1] См. стр. 41.

[2] Мы приводим библиографическую справку о «Правде»:

1. «Правда». № 1 вышел 22 апреля 1912 г., последний номер, № 151(355)— 5 июля 1913 г.

2. «Рабочая правда». № 1 вышел 13 июля 1913 г., последний номер (№ 17) — 1 августа 1913 г.

3. «Северная правда». № 1 вышел 1 августа 1913 г., последний номер (№ 31) — 7 сентября 1913 г.

риальной поддержке стачечников и пр. Это свидетельствует о том, что большевистская «Правда» преследовалась как рабочая газета.

Особенно усилились репрессии в мае — июле 1914 г. Это были дни героической борьбы российского пролетариата под руководством великой партии Ленина—Сталина.

Следующая таблица дает представление о характере репрессий, которым подвергалась «Правда» за 2 года и 2½ месяца своего существования.

Название газет	Всего вышло номеров	Всего было репрессий	Из них: Конфисковано номеров	Из них: Оштрафовано номеров	Из них: На сумму (в руб.)	Из них: Арест без замены штрафом	Подвергался репрессиям каждый номер
1. «Правда»	355	76	52	21	10 300	3 номера 9 месяцев	3—4-й
2. «Рабочая правда»	17	14	12	2	1 000	—	1—2-й
3. «Северная правда»	31	24	21	3	1 250	—	1—2-й
4. «Правда труда»	20	14	13	1	250	—	1—2-й
5. «За правду»	52	26	23	3	1 300	—	2-й
6. «Пролетарская правда» . .	34	12	12	—	—	—	3-й
7. «Путь правды»	92	16	12	4	1 650	—	5—6-й
8. «Рабочий»	9	4	3	1	300	—	2-й
9. «Трудовая правда»	35	8	7	1	500	—	4—5-й
Всего . . .	645	194	155	36	16 550	3 номера 9 месяцев	3—4-й

В ответ на расстрел 3 июля митинга путиловцев, стотысячной лавиной поднялся революционный Петербург, а за ним весь пролетариат России. Забастовки протеста против расстрела путиловцев превратились в мощное движение сотен тысяч пролетариев против лихорадочно подготовляемой империалистической войны. От 130 до 150 тысяч рабочих бастовали ежедневно в те исторические дни июля 1914 г.

Массовыми репрессиями ответил царизм на грандиозный размах рабочего движения в Петербурге. Готовясь к войне, буржуазия и самодержавие должны были во что бы то ни стало очистить тыл от революционной «заразы». Им нужно было разгромить рабочее движение накануне войны для того, чтобы погнать солдатские массы в бой во время войны.

Еще накануне июльских событий петербургское охранное отделение заблаговременно произвело ряд арестов работников большевистского подполья.

Из 35 номеров «Трудовой правды» 7 номеров были конфискованы и 1 номер подвергся штрафу. Репрессиям, таким образом, подвергался каждый 4—5-й номер газеты.

Еще накануне июльских событий, 30 июня 1914 г., начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице полковник Попов

4. «Правда труда». № 1 вышел 11 сентября 1913 г., последний номер (№ 20) — 9 октября 1913 г.

5. «За правду». № 1 вышел 1 октября 1913 г., последний номер (№ 52) — 5 декабря 1913 г.

6. «Пролетарская правда». № 1 вышел 7 декабря 1913 г., последний номер, № 16(34) — 21 января 1914 г.

7. «Путь правды». № 1 вышел 22 января 1914 г., последний номер (№ 92) — 21 мая 1914 г.

8. «Рабочий». № 1 вышел 22 апреля 1914 г., последний номер (№ 9) — 7 июля 1914 г.

9. «Трудовая правда». № 1 вышел 30 мая 1914 г., последний номер (№ 35) — 8 июля 1914 г.

представил специальный доклад товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому о необходимых мероприятиях для ликвидации рабочих газет и, в первую очередь, большевистской «Трудовой правды».

Полковник Попов, указывая на громадное влияние газеты на рабочие массы, вместе с тем обращал внимание Джунковского на недостаточность репрессивных мер, обычно применяемых полицией. «Принимаемые меры репрессии,— писал он,— цели не достигают потому, что они обрушиваются не на главных руководителей движения.

Если к примеру против газеты начато судебное преследование, то к ответственности судебной не привлекаются истинные руководители и вдохновители такового в лице крупных и интеллигентных партийных работников.

К ответственности привлекается так называемый «официальный редактор», являющийся рядовым партийным работником.

То же самое и с конфискациями газет. Пока комитет по делам печати выносит постановление о конфискации, почти весь тираж газеты исчезает из типографии, и прибывшие полицейские чины едва находят несколько сот экземпляров».

Жандармский полковник Попов предлагал, во-первых, приступить к массовому изъятию наиболее крупных работников большевистского подполья и, во-вторых, усилить конфискации и штрафования газеты.

«Истощив в неравной борьбе,— заканчивал свою записку полковник Попов,— свои материальные фонды и лишившись опытных деятелей революционной и газетной работы, названные органы печати были бы поставлены в тяжелое положение и в силу необходимости принуждены были бы на-нет свести свое тлетворное воздействие на массы населения империи.

Несомненно, что задетые наиболее чувствительным образом революционные подпольные центры вслед за арестами своих видных и ценных представителей постараются вызвать в распропагандированных ими кругах рабочих известного рода брожения и попытки к протестующим выступлениям, в форме резолюций протеста, забастовок и даже, может быть, демонстративных уличных выступлений.

Но даже частичные успехи подобной агитации не должны смущать и задерживать настойчивой работы в этом направлении правительственных органов, так как решительное проведение в жизнь проектируемых мероприятий быстро ослабит все в указанном направлении начинания революционной среды»[1].

На докладе полковника Попова товарищ министра внутренних дел Джунковский написал: «Вполне согласен. Исполнить».

Охранка заработала во-всю. № 32 «Трудовой правды» от 4 июля 1914 г. благополучно прошел через комитет по делам печати. Но яркое описание расправы полиции над путиловцами, разумеется, не могло понравиться «блюстителям порядка». И, вопреки существовавшим законам, полиция отбирала этот номер у газетчиков.

За Нарвской заставой полицией производились обыски у газетчиков на квартирах, и находимые номера «Трудовой правды» конфисковывались.

На № 33 «Трудовой правды» был наложен арест. Редактор был привлечен к судебной ответственности. Депутат Государственной думы большевик Бадаев за статью «После расстрела», помещенную в этом номере, был привлечен к ответственности.

На № 34 «Трудовой правды» был тоже наложен арест за статьи: «Трудовая правда» на осадном положении», «Фабриканты начинают сдаваться», «Митинги и демонстрации», «На темы дня», «Резолюции тульских рабочих».

Редактор газеты за помещение этих статей был привлечен к ответственности.

Но этого охранке оказалось мало. Газета так или иначе все же проникала в рабочие кварталы и будировала рабочие массы, несмотря на свой вынужденный эзоповский язык.

---

[1] Главное управление по делам печати, д. № 1, 1912 г., л. 30.

Редакция «Трудовой правды» была главной штаб-квартирой большевиков. Отсюда шло руководство всем движением.

«В этот период беспорядков,— писал полковник Попов,— представители подпольных партийных организаций являлись в редакции своих органов печати не только для дачи сведений в «хронику» газет, но и за получением указаний, в какую сторону направлять русло рабочего движения, и таким образом редакции социалистических газет являлись штабами революционного движения, откуда шли все распоряжения».

Полиции и жандармерии нужно было навсегда покончить с этим очагом революции — большевистской «Трудовой правдой».

Вечером 8 июля 1914 г. помещение редакции было занято полицейским нарядом. Обыск особых результатов не дал, но аресту подверглись почти все сотрудники «Трудовой правды» и приходившие за директивами партийные работники. Всего в помещении редакции было арестовано 30 человек.

О разгроме большевистской «Трудовой правды» начальник охранного отделения писал:

«В помещении редакции «Трудовая правда», при входе наряда полиции для обыска, было застигнуто 32 человека и вскоре же туда пришли еще 7 человек. После личного обыска всех этих лиц, оказавшегося безрезультатным, 9 человек были освобождены, остальные 30 человек арестованы. В помещении редакции оставлена полицейская засада, которой на другой день задержаны 7 человек. Кроме того, арестованы на квартирах по ордерам охранного отделения 4 человека, причастные к изданию указанной газеты.

По обыску в помещении редакции оказалось: весь литературный материал строго систематизирован в отдельных папках с рукописями по каждому профессиональному обществу рабочих и культурно-просветительным обществам образования; в них собраны доставляемые резолюции фабричных и заводских рабочих, собраний обществ, хроникерский материал и т. п. На каждой почти рукописи следы карандаша, выправляющего их и придающего этим сочинениям однородный агитационный характер, марксистского направления...

Вскоре же после сего, около 10 часов вечера 8 июля с. г., в редакцию пришел член Государственной думы Бадаев, который настойчиво заявлял желание присутствовать при обыске и пользоваться телефоном в редакции по своему усмотрению; после отказа исполнить его желание он удалился. Во все время переговоров с ним производящего обыск офицера, продолжавшихся около 15 минут, Бадаев умышленно не снимал шляпу, хотя ему было неоднократно указано, что все присутствующие находятся без шляп...

О всех привлеченных по настоящему делу к переписке лицах исследование закончено...».

Разгром большевистской «Трудовой правды» и арест при этом ряда крупных работников большевистского подполья был сильным ударом по рабочему движению России. Был разгромлен один из крупнейших большевистских центров, являющийся руководителем и организатором миллионов трудящихся.

Большевистская «Правда» была разгромлена. Но всей своей деятельностью она, под руководством Ленина и Сталина, в огромной степени способствовала грядущим победам рабочего класса в великой социалистической революции.

«Правда» была органом, который связывал широкие массы сознательных рабочих, пробуждал к борьбе и политической деятельности несознательных, организовывал движение, объединял подпольную и легальную работу большевиков. Чрезвычайно характерна тесная связь газеты «Правда» с думской фракцией большевиков и всей ее деятельностью. При выборах в IV Думу «Правда» сыграла огромную роль. Она призывала рабочих участвовать в выборах, привлекать к выборам своих товарищей, следить, чтобы фамилии рабочих избирателей не были пропущены в списках. Она помещала целый ряд корреспонденций, посвященных выборам. В свою очередь думская фракция большевиков деятельно участвовала в работе «Правды». К этому ее призывал и ЦК партии. Немедленно после открытия

IV Думы большевики—депутаты Думы опубликовали в «Правде» обращение к рабочим: «Мы приглашаем вас, товарищи, поддерживать «Правду», распространять ее, снабжать материалом...» [1].

В конце февраля 1914 г., после ночного налета полиции на редакцию «Правды» без ордера и предписания, после разгрома редакции думская фракция внесла в Государственную думу запрос о незаконных конфискациях «Правды».

Черносотенное большинство Думы провалило запрос. Но речи большевиков в Думе по этому вопросу усилили сборы на газету и количество подписчиков.

Просматривая документы, можно обнаружить характерную особенность — почти каждый номер газеты подписывает новый редактор. Напрасно полиция пыталась выявить настоящую редакцию газеты. После конфискации очередного номера «Правды» в тюрьму на 3—4 месяца садился рядовой партиец, иногда беспартийный рабочий,— редактор, издатель. Но редакция оставалась неуловимой, оставалась на своем посту, вела борьбу за партию, за сплочение рабочего класса.

«В центре этой борьбы за партийность,— писал Сталин,— за создание массовой рабочей партии стояла «Правда». Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций,— она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к одной определенной цели. Тов. Ленин писал еще в «Что делать» (1902 г.), что хорошо поставленная общерусская боевая газета должна быть не только коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Именно в такую газету превратилась «Правда» в период борьбы с ликвидаторами за сохранение подполья и завоевание легальных рабочих организаций. Если верно то положение, что без победы над ликвидаторами не было бы у нас той партии, сильной своей сплоченностью и непобедимой своей преданностью пролетариату, которая организовала Октябрь 1917 года,— то столь же верно и то, что упорная и самоотверженная работа старой «Правды» в значительной мере подготовила и ускорила эту победу над ликвидаторами. В этом смысле старая «Правда» была несомненно предвестницей будущих славных побед русского пролетариата» [2].

★

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде, в фондах Главного управления по делам печати и Петербургского комитета по делам печати. Документы подготовлены к печати старшими научными сотрудниками архива М. Л. Лурье и Л. И. Полянской.

I

«Звезда»

Свидетельство на право издания газеты «Звезда» [3] 5 ноября 1910 г. [4]

Свидетельство. № 2728.

Выдано от с.-петербургского градоначальника, на основании ст. 4 отд. VII высочайше утвержденных 24 ноября 1905 г. правил о повременных изданиях на выпуск в свет в г. С. Петербурге газеты «Звезда» по следующей программе:

1) передовые статьи по вопросам внутренней и иностранной жизни, 2) телефонные и телеграфные известия, 3) корреспонденции из про-

[1] «Правда» № 90 от 11 декабря 1912 г.
[2] «Правда». № 98, 5 мая 1922 г.
[3] «Звезда» выходила в свет с 16 декабря 1910 г. по 22 апреля 1912 г.
[4] С.-Петербургский комитет по делам печати, 1910 г., д. № 66.

винции и заграницы, 4) литературные и научные фельетоны, 5) отчеты о заседаниях Государственной думы и совета, 6) хроника городской жизни, 7) судебная хроника, 8) театр и музыка, 9) торгово-промышленные и биржевые известия, 10) смесь, 11) спорт, 12) справочный отдел, 13) иллюстрации текущих событий, 14) объявления.

Срок выхода в свет от одного до шести раз в неделю.

Подписная цена на год 3 руб., на шесть мес. 1 р. 50 к., на один мес. 30 коп.

Издатель — Константин Степанович Еремеев. Местожительство: Самсониевский пр., № 101, кв. 4.

Ответственный редактор — он же.

Издание будет печататься в типографии Березина (Ивановская ул. № 14).

Гербовый сбор уплачен.

За градоначальника помощник его Лысогорский. Старший инспектор типографий Бутовский.

Из письма директора департамента полиции Н. Зуева начальнику главного управления по делам печати А. Бельгарду, 29 апреля 1911 г.[1]

«Звезда» — орган большевистской фракции названной революционной партии; цель издания помянутой газеты, выходящей на средства Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, а также думской социал-демократической фракции и на добровольные пожертвования,— популяризация деятельности фракции среди рабочих и крестьянских масс и борьба с образовавшимися в среде социал-демократов течениями, известными под названиями «ликвидаторов» и «отзовистов». Приступая к изданию «Звезды», редакция решила, что этот орган будет выходить еженедельно и что программа его должна носить сначала литературно-бытовой характер, а затем постепенно к моменту выборов в IV Государственную думу сделать газету ежедневной и резко уже партийной.

Н. Зуев.

Циркуляр департамента полиции губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру, 17 декабря 1911 г.[2]

Характерной чертой социал-демократического движения в течение последнего времени (1910—1911 гг.) является широкое развитие легальной партийной прессы в России. Этому способствовало, с одной стороны, продолжающееся затишье непосредственно революционной деятельности, развал существовавших организаций, повышение умственного уровня и идейных запросов рабочей массы, в особенности ее более сознательных элементов; с другой стороны, стремление литераторов социал-демократического направления использовать время затишья для пропаганды наиболее основных идей марксистской[3] философии, программы и тактики и тем самым революционизировать массы, подготовляя их к будущей активной деятельности.

Эта литературная деятельность выражается в издании целого ряда газет и журналов соответственного направления, причем состав редакций и сотрудников помянутых органов печати зачастую подбирается из лиц, заведомо принадлежащих к революционным партиям, как об

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 28.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 12, л. 2.
[3] В тексте стоит «моралистской».

этом свидетельствуют эти же органы, печатая на столбцах своих изданий фамилии принимающих участие в данном издании.

По докладе изложенных сведений г. министр внутренних дел, обращая внимание на издающиеся в некоторых местностях империи газеты и журналы левого и, в особенности, социал-демократического направления и исходя из тех соображений, что агитация социал-демократических организаций и пропаганды идей последних посредством легальной печати должна быть всемерно прекращена и в будущем недопускаема, преподал указание в том смысле, что за подобными газетами и журналами надлежит иметь непосредственное наблюдение, подвергая их ответственности в случае нарушения изданных по сему предмету обязательных постановлений или возбуждая против них в установленном порядке уголовное преследование.

Об изложенном департамент полиции имеет честь сообщить вашему превосходительству, прося обратить самое серьезное внимание на означенное явление и принять к руководству преподанные г. министром внутренних дел указания.

Товарищ министра внутренних дел Золотарев.
За директора С. Виссарионов.

Отношение С.-Петербургского градоначальника главному управлению по делам печати, 24 декабря 1911 г.[1]

Вследствие отношения от 19 текущего декабря, за № 14631, имею честь уведомить главное управление по делам печати, что когда 20 ноября сего года последовало постановление С.-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на № 30 газеты «Звезда», это постановление было немедленно приведено в исполнение полицией 3 уч. Московской части. В присутствии старшего помощника пристава названного участка матрицы этого номера были разорваны, а стереотип снят с машины и разбит. Тираж этого номера не превышал 15000 экземпляров, хотя редакция этой газеты имела намерение отпечатать большое количество экземпляров, но в типографии не оказалось нужного сорта бумаги, на которой печатался этот номер. Обыкновенно, как только стереотип окажется отлитым, за недостатком шрифта типография немедленно приступает к разбору гранок. Поэтому предположение о вторичном отпечатании этого номера никакими данными не подтвердилось. Такого рода предположение могло быть вызвано тем, что в день ареста на № 30 газеты «Звезда» редакция названной газеты, предчувствуя, что на этот номер может быть наложен арест, ни одного номера в свою редакцию не направила, а вывезла все полученные ею из типографии экземпляры неизвестно куда и постепенно начала распространять этот номер, так как в день наложения на него ареста, благодаря принятым мерам, инкриминированный номер не мог получить обычного распространения.

Свиты его величества генерал-майор Драчевский.

Представление С.-Петербургского комитета по делам печати с приложением справки о судебных преследованиях и административных взысканиях, наложенных на газету в 1911—1912 гг., 3 января 1912 г.

Выходящая в 1911 г. в Петербурге еженедельная газета «Звезда» уже с первых своих №№ обратила на себя особое внимание Комитета по делам печати определенностью и резкостью проводимых ею социал-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 88.

демократических идей и непримиримой враждебностью к нашему государственному и общественному строю, проникающей все помещаемые в ней статьи. Как видно из прилагаемой справки, из 39 вышедших пока в свет №№ этого издания — 12 №№ были арестованы Комитетом и инкриминированы большею частью по таким тяжким статьям уголовного закона, как пп. 1, 2 и 6 ст. 129 уг. ул. и сверх того 7 №№ были препровождены с.-петербургскому градоначальнику вследствие нарушения в них п. п. 1 и 3 обязательного постановления от 21 марта прошлого года.

Имея в виду, что ни арест отдельных номеров, ни штрафы, налагаемые на редакцию с.-петербургским градоначальником не оказывают никакого влияния на изменение преступного направления этой газеты, С.-Петербургский комитет имеет честь представить о вышеизложенном главному управлению по делам печати и просить, не признает ли оно возможным ныне же, не ожидая рассмотрения судом учиненных уже судебных преследований по существу, возбудить вопрос о приостановлении этого издания согласно ст. 1235[15] уст. уг. судопроизводства.

Председательствующий А. Катенин.

Справка о тех номерах еженедельной газеты «Звезда», в содержании которой[1] С.-Петербургским комитетом по делам печати усмотрен был состав преступления или нарушение обязательного постановления с.-петербургского градоначальника от 21 марта 1911 г.[2]

1) возбуждено преследование по №№
За 1911 г.

№ 8—по п. 1 ст. 1034[4] ул. о нак. (Арест отменен).
№ 10—по п. 1 ст. 129 уг. ул. (Арест отменен).
№ 20—по пп. 2 и 6 ст. 129 уг. ул. (Арест утвержден).
№ 21—по п. 1 ст. 129 уг. ул. (Арест отменен).
№ 22—по п. 6 ст. 129 уг. ул. (Арест утвержден).
№ 25—по п. 1 ст. 129 уг. ул. (Арест утвержден).
№ 27—по ст. 1034[5] ул. о нак.
№ 30—по п. 1 ст. 129 уг. ул.
№ 32—по п. 2 ст. 1034[4] ул. о нак.
№ 36—по п. 1 ст. 129 уг. ул.

За 1912 г.

№ 1 (37)—по п. 1 ст. 129 уг. ул.
№ 3 (39)—по пп. 1 и 2 ст. 129 уг. ул.

2) Сообщено с.-петербургскому градоначальнику о нарушении обязательного постановления от 21 марта 1911 г. в №№:

За 1911 г.

№ 6—по п. п. 1 и 3 обязат. постановления.
№ 9—по п. 1 отд. 14 обязательного постановления.
№ 12—по п. 1 отд. 14.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] С.-Петербургский комитет по делам печати, 1910 г., д. № 66, лл. 18—19.

№ 13— по п. 1 обязательного постановления.
№ 24— по п. 3 обязательного постановления.
№ 34— по п. 1 обязательного постановления.
№ 35— по пп. 1 и 3 обязательного постановления.

Верно. Секретарь Недачин.

Представление С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 31 января 1912 г.[1]

В № 30 газеты «Звезда» от 20 ноября 1911 г. помещены статьи под заглавиями: «Четыре года» и «Запрос прочитан», а также заметка в отделе «Хроника» о митинге рабочих на Балтийском судостроительном заводе в С.-Петербурге и корреспонденция из Самары. Статьи написаны по поводу предъявленного в Государственной думе запроса по делу о социал-демократической фракции Государственной думы второго созыва, причем авторы, высказывая требование о пересмотре означенного дела, выражают уверенность, что пересмотр этот «возможен лишь в политических, а не юридических формах», и что теперь, когда «подлинно» стало известно, что «все дело социал-демократических депутатов, сосланных на каторгу, подделано, спровоцировано при непосредственном участии охранного отделения», рабочий класс «обязан к проявлению активности, к беспрерывной планомерной деятельности». «Настало новое время, говорится в заключении второй статьи, пришли новые дела, требуют рук и осуществления. Часы уныния, часы забвения и упадка уже прошли, уже миновали нас. Мы опять на дороге торной, тяжелой, полной лишений и страданий, но радостной высшей радостью, и там впереди ждет нас бесконечное счастье исполнения жгучей воли нашего класса». Того же предмета касается и заметка в «Хронике», заключающая в себе краткое изложение резолюции, принятой рабочими Балтийского судостроительного завода и выражающей требование «немедленного освобождения невинно осужденных борцов за народное дело социал-демократических депутатов второй Государственной думы. Корреспонденция из Самары представляет собою обращение «группы сознательных рабочих города Самары» к голодающему крестьянству, в каковом обращении содержатся, между прочим, следующие слова: «не надейся на подающих тебе копейки и думай думу крепкую, как бы самому, совместно с твоим голодным братом, городским рабочим, взяться за окончательное избавление своих детей от физического голода и духовного рабства... Мы надеемся, что представители рабочих и крестьянства сделают все, чтобы осветить должным образом весь ужас вымирания деревни от голода и отупения всего русского народа от политического рабства».

Усматривая в указанных статьях, заметке и корреспонденции признаки преступного деяния, караемого п. 1 ст. 129 уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) возбудить судебное преследование, по силе вышеуказанной статьи закона, против редактора газеты «Звезда» и 2) наложить арест на № 30 этого издания на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати во исполнение предложения его от 18 января сего года за № 766.

Председательствующий А. Катенин.

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 116.

Представление С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 23 февраля 1912 г.[1]

В дополнение к представлению своему об инкриминировании № 12 газеты «Звезда» С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати, что кроме заметки «К делу с.-д. фракции II Государственной думы» Комитетом признаны преступными по своему содержанию еще статьи под заглавием: 1) «Красный призрак» и 2) «Не оправдали надежд».

Первая из этих статей написана по поводу забастовки английских углекопов, причем автор старается внушить читателям мысль о том, что всеобщая забастовка, как показал опыт применения ее в России, является наилучшим средством для того, «чтобы выбить из рук господствующего класса политическое оружие его господства» и что со времени русской революции опыт применения всеобщей стачки должен быть достоянием всего пролетариата. Содержание этой статьи — самой по себе и в особенности в сопоставлении с напечатанной в заметке «К делу с.-д. фракции II Государственной думы» резолюцией шотландских рабочих — дает вполне достаточное основание усмотреть в ней признаки преступного деяния, караемого по п. 1 ст. 129 уг. ул.

Что касается статьи под заглавием «Не оправдали надежд», то содержание ее сводится к доказательству того, что аграрный вопрос в России может быть решен лишь совместными усилиями рабочих и крестьян, так как в стране, где помещики владеют 62 миллионами десятин земли и где огромной крестьянской массе «куренка и то негде выпустить»,— «в такой стране даже хозяйственные и благонадежные мужики, поскольку они не окончательно порвали с крестьянством, не могут не поворачивать против контрреволюционных помещиков». Таким образом, статья направлена к возбуждению вражды крестьян к помещикам и заключает в себе признаки преступления, предусмотренного п. 6 ст. 129 уг. ул.

За председательствующего А. Андрияшев.

Представление С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 3 марта 1912 г.[2]

В № 32 газеты «Звезда» за 1911 г. помещена статья под заглавием «Социал-демократические депутаты II Думы и международный пролетариат».

В содержании этой статьи говорится, что французские социалисты в полном согласии с социалистическими представителями России внесли предложение немедленно начать во всех странах агитацию в пользу пересмотра дела социал-демократических депутатов II Думы. Агитация должна выразиться, между прочим, в устройстве во всех странах митингов протеста. Автор статьи находит, что эти задачи не по силам какой-либо оппозиционной партии и считает призванным к этому делу рабочий класс, при этом высказывается, что русским рабочим легче будет «бороться за лучшее будущее» при наличии сочувствия пролетариата всего мира; «уже теперь,— заканчивает автор,— когда этот протест пролетариев всего мира только еще организуется,— и то чувствуется свежая бодрость».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 127.
[2] Главное управление по делам печати, 1 отд., 1911 г., д. № 25, л. 141.

Усматривая в изложенном наличность возбуждения русских рабочих к устройству митингов для целей протеста, каковое преступное деяние карается п. 2 ст. 1034 ул. о наказ., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) возбудить против лиц, виновных по сему делу, судебное преследование в силе вышеуказанного узаконения и 2) наложить арест на тот же номер газеты «Звезда» на основании ст. 1213 уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати во исполнение предложения от 29 февраля сего года за № 2784.

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 6 апреля 1912 г.[1]

В № 26(62) от 5 сего апреля газеты «Звезда» напечатана статья Рябина под заглавием «Голодный вопрос»[2]. Статья эта имеет своей целью убедить читателей в том, что вопрос о причинах голода в России стоит в непосредственной связи с крестьянским вопросом вообще и что единственное средство к вполне правильному разрешению его заключается в «наделении крестьян землею без выкупа». Вместе с тем автор призывает «крестьянскую демократию» поддержать на предстоящих выборах в Государственную думу ту партию, которая ставит на своем знамени требование именно такого разрешения означенного вопроса.

Приняв во внимание, что в выражении «наделение крестьян землею без выкупа» разумеется, несомненно, принудительное и безвозмездное отчуждение частновладельческих и всяких иных, не принадлежащих крестьянам, земель, С.-Петербургский комитет по делам печати усмотрел в содержании названной статьи признаки преступного деяния, караемого п. 2 ст. 129 уг. ул. Ввиду этого комитет постановил: 1) возбудить, на основании приведенной статьи закона, судебное преследование против редактора газеты «Звезда», а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, и 2) наложить на № 26(62) означенной газеты арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания С.-Петербургский комитет по делам печати имеет часть представить Главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 5 апреля за № 778[3].

За председательствующего А. Андриянов.

Отношение екатеринославского губернатора В. Якунина товарищу министра внутренних дел А. Лыкошину 12 апреля 1912 г., № 7516[4].

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Александр Иванович.

Согласно телеграфному сообщению вашего высокопревосходительства от 8 апреля с. г., за № 4534, о наложении ареста на № 27 газеты «Звезда», мною своевременно были приняты все меры к недопущению распро-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 188.
[2] Статья В. М. Молотова.
[3] Определением СПБ судебной палаты, 13 апреля 1912 г. арест, наложенный на № 26, был отменен.
[4] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 225.

странения среди населения арестованных №№ газеты. Тем не менее арестованные №№ газеты в продаже в г. Екатеринославе появились и, как оказалось, по строжайшему расследованию, местные продавцы газет получают таковые багажем по железной дороге и при том или же в день получения извещения об аресте их или же еще ранее, почему я полагаю, что некоторые редакции столичных газет выпускают свои издания для распространения в провинции несколькими днями ранее указанного на них числа, вследствие чего не представляется возможным своевременно предупредить распространение среди населения арестованных №№ газеты, о чем и доношу на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

В. Якунин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 18 апреля 1912 г.[1]

В № 31(67) сего апреля газеты «Звезда» напечатаны статья А. Рябинина под заглавием «К организации»[2] и «Митинги протеста и резолюции»: а) от собравшихся на митинге рабочих Трубопрокатного завода, б) Шелкоткацкой мастерской Пантелеева и в) фабрики Беккера.—Как в статье, так и в резолюциях заключается явный призыв рабочего класса к революционной борьбе за коренное изменение существующего политического строя.

В виду сего комитет по делам печати, усмотрев в содержании названной статьи и резолюциях признаки преступления, караемого п. I ст. 129 уг. ул., постановил: возбудить судебное преследование, по силе вышеуказанной статьи закона, против редактора газеты, а на № 31(67) этого издания наложить арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 17 апреля за № 929[3].

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 20 апреля 1912 г.[4]

В № 32(68) от 19 сего апреля газеты «Звезда» помещены статьи под заглавиями: «Тронулась»[5] и «Под свежим впечатлением». Как первая, так и вторая из этих статей заключают в себе элементы возбуждения против существующего политического строя, изображая строй этот совершенно непригодным с точки зрения интересов рабочего класса и истинных потребностей страны, нуждающейся «в народной конституции, в народном парламенте, в свободе слова, печати, собраний, статей и союзов» и лишенной всего этого по воле «работодателей». Сверх того, в том же номере газеты в отделе «Митинги, протесты и резолюции» помещены резолюции рабочих фабрики Кожевникова, завода Леснера, группы булочников городского района (в С.-Петербурге) и группы рабочих в Нахичевани на Дону, представляющие собою прямой призыв к

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 223.
[2] Статья В. М. Молотова.
[3] Арест, наложенный на № 31, был отменен приговором СПБ судебной палаты от 23 ноября 1912 г.
[4] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 231.
[5] Статья И. В. Сталина.

«массовой организованной борьбе» за коренное изменение существующих условий политической жизни.

Усмотрев в содержании названных статей, в связи с означенными резолюциями рабочих, признаки преступления, караемого п. 1 ст. 129 уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить судебное преследование по силе вышеуказанной статьи закона против редактора газеты «Звезда», а на № 32 этого издания наложить арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 19 апреля за № 951 [1].

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 19 июля 1912 г. [2].

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 28, от 10 апреля сего года, газеты «Звезда», в котором помещена статья К. Л. под заглавием: «В Австро-Венгрии». В статье этой описывается митинг, организованный в Праге чешской социал-демократической рабочей партией для выражения протеста «по делу депутатов социал-демократической фракции II Государственной думы» и приводится речь, произнесенная на названном митинге чешским социал-демократом Рудольфом Ярошем. В своей речи Рудольф Ярош, между прочим, сказал следующее: «Нас считают неприятелями славянства, потому что мы поднимаем голос против русского правительства. Неправда это. Мы знаем одно: на Руси из сто-миллионного населения 90 процентов стонет под таким игом абсолютизма; к настоящему протесту приводит нас только та мысль, чтобы наши братья были избавлены от насилия и гнета. Через несколько минут здесь будет русский делегат, который расскажет вам, как живется прогрессивному человеку».— В том же № газеты напечатано стихотворение Ф. Шкулева, начинающееся словами: «Гуди, набат»... Стихотворение это представляет собою обращенный к народу явный призыв к борьбе против существующего строя:

«Гуди, набат, сильней над Русью...
Гуди призывом благодатным,
Чтоб наш измученный народ
Разрушил цепи роковые
И сбросил вековечный гнет...»

Усмотрев на основании изложенного, в названных статье и стихотворении, признаки преступлений, караемых ст. 128 и п. 1 ст. 129 уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) возбудить судебное преследование против редактора газеты «Звезда», а равно и других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу, и 2) наложить на № 28 означенного издания арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати, в дополнение к донесению своему от 10 апреля сего года за № 834 [3].

За председательствующего, член комитета Лебедев.

---

[1] Конфискованные экземпляры № 32 (68) «Звезды» были уничтожены по приговору СПБ судебной палаты от 23 ноября 1912 г.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 262.

[3] Об уничтожении арестованных экземпляров № 28 «Звезда».

Отношение прокурора С.-Петербургской судебной палаты главному управлению по делам печати, 14 февраля 1913 г.[1]

В дополнение к отношениям моим от 21 февраля, 2 марта, 12 и 21 апреля и 4 мая 1912 г. за №№ 2100, 3398, 4537, 4526 и 5700, имею честь уведомить ваше сиятельство, что издатели №№ 1, 3, 7, 12, 13, 20, 27, 30, 31 и 33 газ. «Звезда» за 1912 г. крестьяне Степан Васильев Ермаков и Василий Порфирьев Барашков, обвиняемые по 128, 1, 2 и 6 п.п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. и 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак., приговором С.-Петербургской судебной палаты, состоявшимся 23 ноября 1912 г. и вошедшим в законную силу в отношении первого 10 января 1913 г. и в отношении второго 14 декабря 1912 г., присуждены к заключению в крепости: первый, на основании п.п. 1 и 6 ч. 1 ст. 129 и ст. 60 уг. ул., на один год шесть месяцев и второй, на основании п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 129 уг. ул., п. 3 ст. 1034[4] ул. о нак. и ст. 60 уг. ул., на два года шесть месяцев, с заменою сих наказаний, в случае надобности, согласно прим. 2 к ст. 19 уг. ул. Тот же Ермаков, по обвинению его в распространении стихотворений: «Позор тому» и «Слетались орлы» и статей: «Персидские дела», «Красный призрак», «К делу социалистической фракции» и «Подъем рабочего движения», а также вышеназванный Барашков, по обвинению его в распространении стихотворений»: «Зимняя сказка», «Буря народная» и статей: «Митинги и протесты», «Резолюция протеста» и «К организации» признаны по суду оправданными, за отсутствием состава преступления в означенных произведениях. Тем же приговором палаты арестованные экземпляры №№ 1, 3, 12, 20, 27 и 30 газеты «Звезда» за 1912 г. постановлено уничтожить; арест, наложенный определениями С.-Петербургской судебной палаты от 17 февраля, 9 и 30 апреля и 11 июля 1912 г. на №№ 7, 13, 31 и 33 названной газеты снять. Означенный приговор в отношении личной ответственности Барашкова постановлено считать поглощенным приговором о том же Барашкове особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты от 10 июля 1912 г.

За прокурора судебной палаты Н. Громов.

Сообщение главного управления по делам печати С.-Петербургскому комитету по делам печати, 19 марта 1913 г.[2]

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты отношением от 14 февраля сего года за № 1876 уведомил главное управление по делам печати, что приговором С. Петербургской судебной палаты, от 23 ноября 1912 г., между прочим, постановлено арестованные экземпляры № 20 газеты «Звезда» за 1912 г. уничтожить.

Принимая во внимание, что за напечатание № 20 газеты «Звезда» за 1912 г. против редактора ее судебного преследования не возбуждалось, а равно на указанный номер газеты не налагалось ареста, главное управление по делам печати отношением от 2 сего марта, за № 3247, обратилось к прокурору С.-Петербургской судебной палаты с просьбою не отказать в надлежащем разъяснении по сему предмету.

Ныне отношением от 13 сего марта за № 3569 прокурор С.-Петербургской судебной палаты уведомил главное управление по делам печати, что уголовное преследование относительно № 20 от 20 марта 1912 г. газеты «Звезда» (по поводу статьи «Рабочие и выборы») было возбуждено не учреждениями по делам печати, а предложением про-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1911 г., д. № 25, л. 286.
[2] СПБ Комитет по делам печати, 1912 г., д. № 66, лл. 56, 58.

курора С.-Петербургского окружного суда от 28 мая 1912 г. за № 994 на имя судебного следователя 3 участка г. С.-Петербурга по п. 3 ст. 1043[4] ул. о нак.

Приговором С.-Петербургской судебной палаты по делу о Василии Барашкове от 23 ноября 1912 г. указанное обвинение было признано доказанным, причем судебная палата, между прочим, постановила экземпляры № 20 за 1912 г. газеты «Звезда» уничтожить.

Об изложенном главное управление по делам печати сообщает С.-Петербургскому комитету по делам печати для сведения.

И. д. начальника главного управления по делам печати
граф Татищев.

II

«Невская звезда» [1]

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 8 мая 1912 г. [2]

В С.-Петербургский комитет по делам печати представлен № 4 от 8 сего мая газеты «Невская звезда», в котором обращают на себя особое внимание статьи: 1) «Сельские рабочие» и 2) «Жертвам золота» (Письмо в редакцию), врача Э. Абрамовича.

Первая статья, являющаяся по форме обращением сельскохозяйственных рабочих в думскую социал-демократическую фракцию, изображает прибалтийских помещиков эксплоататорами и угнетателями сельского рабочего населения, говорит о нарушении администрацией «и тех немногих законов, которые пытаются оградить права рабочих», и заявив, что «на благодеяния сверху мало уже кто рассчитывает», призывает рабочих объединиться для «сплоченной борьбы» за улучшение своего положения.

Преступное деяние это предусмотрено п. 6 ст. 129 уг. ул.

Вторая статья рисует в беспросветном тоне картину бесправного и ужасающего по своей обстановке положения Ленских приисковых рабочих, губящих здоровье и силы для добывания золота «господам жизни», и затем призывает этих рабочих продолжать начатое дело, помня, что оно является делом всего рабочего класса и что оросившая его рабочая кровь придала ему характер политической борьбы.

Преступное содержание изложенной статьи карается п.п. 1 и 6 ст. 129 уг. ул.

В виду изложенного, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить судебное преследование по силе п.п. 1 и 6 ст. 129 уг. ул., против редактора газеты «Невская звезда», а на № 4 этого издания наложить арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 8 мая сего года за № 1152[3].

Председательствующий А. Катенин.

---

[1] «Невская звезда» выходила в свет с 26 апреля по 5 октября 1912 г.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 82, л. 7.

[3] Арестованные экземпляры № 4 «Невской звезды» приговором СПБ судебной палаты от 11 октября 1912 г. было постановлено уничтожить.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 28 мая 1912 г.[1]

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 8 (от 27 сего мая) газеты «Невская звезда», в котором помещены следующие статьи, обращающие на себя внимание с точки зрения уголовного закона: 1) стихотворение, начинающееся словами: «Мы кузнецы, и дух наш молод»...— Ф. Шкулева, 2) «Национализм» — Л. В., 3) «По России. Одесса. Среди тружеников моря» — Ильи Колосова, 4) «На фабриках и заводах. С.-Петербург. Невский судостроительный завод. Корабельная мастерская».— Старого рабочего и 5) «На железных дорогах. Главные вагонные мастерские Николаевской железной дороги» — Н. А. Ш.

Вышеназванное стихотворение написано в сильных выражениях, проникнутых революционным настроением и направленных к тому, чтобы возбудить народ к бунту. В соответствии с содержанием этого стихотворения находится заключительная часть статьи под заглавием «Национализм», где говорится, что русская «националистическая политика отливает всеми цветами азиатизма» и что для искоренения такого национализма необходимо начать борьбу против первопричины — капиталистического строя.

Изложенное образует собою состав преступления, предусмотренного п. 1 ст. 129 уг. ул. изд. 1903 г.

Три остальные статьи говорят о положении рабочих, занятых в Черноморском торговом флоте, на Невском судостроительном заводе и в вагонных мастерских Николаевской железной дороги. В этих статьях рисуются крайне тяжелые условия труда рабочих, изображается «безграничная эксплоатация», «грубое отношение», «выжимание соков из рабочих» и «издевательства над рабочими», после упрека рабочим в покорности, молчании и неподдержании забастовки, делается решительное указание на необходимость объединения в мощные профессиональные союзы для борьбы и завоевания того, что было добыто борьбою в 1905—1907 гг.

Преступное деяние это карается п. 1 ст. 1034 [3] ул. о нак.

Усмотрев в содержании первой статьи и стихотворения признаки преступления, караемого п. 1 ст. 129 уг. ул. и в трех последних статьях — признаки преступления, караемого п. 1 ст. 1034 [3], С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить судебное преследование, по силе вышеуказанных статей закона, против редактора газеты «Невская звезда»; а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, а на № 8 этого издания наложить арест на основании ст. 1213[10] устава уг. судопроизводства.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 27 сего мая сего года за № 1326.

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 23 ноября 1912 г.[2]

В № 17 газеты «Невская звезда» помещены статьи, под заглавием: «Социальное значение китайской революции» и «Демократия и народ-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 82, л. 15.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 82, л. 99.

ничество в Китае»[1]. В первой из этих статей, заимствованной из брюсселевской социалистической газеты «Le Peuple» и принадлежащей известному деятелю китайской революции Сун-Ят-сену, доказывается, что революция в Китае, приведшая к установлению в стране республиканского образа правления, еще не может почитаться законченной, так как за политическим переворотом должен последовать переворот социальный, цель которого заключается в передаче во владение народа всех источников общественного богатства, а прежде всего и главным образом — земли. Вторая статья, принадлежащая русскому автору Вл. Ильину, имеет целью показать, что «представитель боевой и победоносной китайской демократии, которая завоевала себе республику, ставит перед нами совершенно независимо от России, от русского опыта, от русской литературы чисто русские вопросы». Решает «один из самых серьезных вопросов, которые встали перед Россией в ее революционную эпоху, наступившую с 1905 г.». При этом, хотя русский автор и не считает возможным согласиться со всеми рассуждениями китайского революционера, тем не менее он приветствует «боевой, искренний демократизм» Сун-Ят-сена, его «Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплоатируемым, веру в их правоту, в их силу», его «цельный демократизм с требованием республики». По категорическому заявлению г. Вл. Ильина, социал-демократия вообще, русская социал-демократия в особенности, должна усвоить из идеологии китайского революционера, их представителя «действительно великой идеологии действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и бороться с вековыми угнетателями», — все истинно революционное, «заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы».

На основании изложенного, С.-Петербургский комитет по делам печати усматривает в содержании названных выше статей признаки преступных деяний, караемых п.п. 1 и 2 ст. 129 уг. ул., о чем имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 15 июля сего года за № 1737[2].

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 4 декабря 1912 г.[3]

В № 22 газеты «Невская звезда» от 19 августа сего года обращают особое внимание следующие три статьи.

1) Статья В. Фрея «Кадеты и аграрный вопрос»[4], в которой автор, после целого ряда нападков[5], на представителей землевладельческого класса, проводит ту мысль, что аграрный вопрос в России может быть успешно разрешен только согласно демократической программе, а именно только после принудительного отчуждения всей помещичьей земли в пользу трудового народа. Такое содержание этой статьи дает основание применить к ней п.п. 2 и 6 ст. 129 уг. ул.

2) Рассказ Ивана Сибиряка «Кассирша», в котором проводится та мысль, что если рабочие желают быть сильными экономически, то они

---

[1] Статья В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 26—31.
[2] Арест № 17 «Невской звезды» отменен решением суда 7 декабря 1912 г.
[3] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 82, л. 105.
[4] Статья В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 117—118.
[5] Так в подлиннике.

должны быть в то же время сильны и политически; в виду этого они должны стремиться к коренному изменению всего русского строя. Статья эта может быть подведена под действие п.п. 1 и 2 ст. 129 уг. ул.

3) Наконец в маленьком фельетоне под заглавием: «Лапоть и сапог» (басня) проводится мысль о том, что для крестьян необходимо объединиться вместе, как это уже сделали рабочие и что сплоченной организацией крестьянство в случае если бы правительство пожелало ввести такую разорительную для него реформу, как выселение на отруба, могло бы перейти в открытое сопротивление. Такое содержание этой басни дает основание усмотреть в ней признаки преступления, караемого п. 1 ст. 129 уг. ул.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 19 августа сего года за № 1988 [1].

Председательствующий А. Катенин.

III

«Правда» [2]

Свидетельство № 3393 [3].

Выдано от с.-петербургского градоначальника, на основании п. 17 прилож. к ст. 114 уст. о ценз. и печ. (по продолж. 1906 г.) на выпуск в свет в г. С.-Петербурге газеты «Правда», по следующей программе: 1) статьи по вопросам внутренней и иностранной жизни и политики, 2) корреспонденции из России и заграницы, 3) телеграфные и телефонные сообщения, 4) беллетристика и стихотворения, 5) фельетоны и библиография, 6) научные статьи по всем отраслям знания, 7) отчеты о заседаниях Государственной думы и совета, 8) земство и городское самоуправление, 9) экономические вопросы и торгово-промышленная жизнь, 10) хроника, 11) театр и музыка, 12) художественный отдел, 13) смесь, 14) спорт, 15) справочный отдел, 16) сатира и юмор, 17) иллюстрации, портреты, рисунки и каррикатуры, 18) объявления.

Срок выхода в свет: от одного до семи раз в неделю.

Подписная цена: на 1 г.—4 р. 50 к., на 6 м.—2 р. 25 к., на 3 м.—1 р. 15 к., на 1 м.—40 к.

Издатель Николай Гурьевич Полетаев. Местожительство: 8 Рождественская ул., д. № 41.

Ответственный редактор: Михаил Егорович Егоров. Местожительство: Измайловский полк, 7 рота, д. № 3—5.

Издание будет печататься в типографии Березина (Ивановская ул., д. № 14).

Гербовый сбор уплачен.

С.-Петербург, апреля 10 дня 1912 г.

За градоначальника помощник его, камергер высочайшего двора Лысогорский.

---

[1] Определением СПБ судебной палаты 14 декабря 1912 г. наложенный на № 22 арест был отменен.

[2] «Правда» выходила в свет с 22 апреля 1912 г. по 5 июля 1913 г.

[3] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, л. 1.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 24 апреля 1912 г.[1]

В № 2 ежедневной газеты «Правда» от 24 сего апреля обращают на себя особое внимание: 1) статья А. Р. «Итоги Ленской трагедии», 2) стихотворение Александра Колючего «Сильная грудь...», 3) стихотворение Григория Шапиро «Наш путь...» и 4) Ал. Богданова «Цветок», стихотворение в прозе.

В ст. «Итоги Ленской трагедии» внушается рабочим, что пред ними выдвинут с особенной настойчивостью вопрос о самоорганизации для защиты своих интересов и даже своей жизни. Придавая предполагаемым организациям характер отнюдь не культурный и мирный и противопоставляя их состоятельным классам и главным образом государственной правительственной власти, автор дает указание, что деятельность этих самоорганизаций должна выражаться в политических забастовках, направленных к улучшению положения рабочего класса, и в «дружных протестах рабочих» на подобие нынешних рабочих беспорядков. Эта мысль о необходимости для рабочих вести политическую борьбу за свободу выражена также в стихотворениях Александра Колючего и Григория Шапиро; но наиболее ярко и притом в революционной окраске она освещена в стихотворении в прозе «Цветок», в каковом произведении революционное возбуждение переходит уже в прямой призыв к борьбе за свободу.

Усматривая в изложенном наличность состава преступления, караемого п. 1 ст. 129 уг. ул., изд. 903 г., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить судебное преследование по силе вышеуказанной статьи закона, против редактора газеты «Правда», а на № 2 этого издания наложить арест на основании ст. 1213[10] уст. уг. судопроизводства.

О вышеизложенном с препровождением инкриминируемого издания С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 24 сего апреля за № 990.

Председательствующий А. Катенин.

Отношение главного управления по делам печати прокурору С.-Петербургской судебной палаты, 28 апреля 1912 г.[2]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 6 от 28 апреля сего года ежедневной рабочей газеты: «Правда», в коем напечатана статья под заглавием: «Охота смертная», представляющая собою сплошное издевательство и глумление над правительством и допускающая в своем содержании полное искажение правительственных действий и заведомо ложные о них утверждения, рассчитанные на унижение правительства и возбуждение к нему вражды.

Усмотрев в содержании этой статьи признаки преступления, караемого п. 3 ст. 1034[4]— ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить, по силе вышеприведенного узаконения, судебное преследование против редактора названного издания (Измайловский полк, 7 рота, д. № 3—5), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по сему же делу, и, на основании ст. 1213[10]— устава уг. судопроизводства, наложить арест на № 6 газеты «Правда»

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, л. 10.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, л. 17.

О таковом постановлении С.-Петербургского комитета главное управление по делам печати, на основании ст. 1213[15]— уст. уг. судопр., считает долгом сообщить вашему превосходительству, присовокупляя, что о наложении ареста на № 6 вышеназванного издания, экземпляр коего при сем прилагается, распоряжение уже сделано.

И. д. Начальника главного управления по делам печати

гр. Татищев.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 26 октября 1912 г.[1]

В № 147, от 19 сего октября, ежедневной газеты «Правда» помещены статьи, под заглавиями: «Воля уполномоченных»[2] и «Рабочая демократия и вопрос о крестьянской земле». Полемизируя против так называемого ликвидаторского течения в среде социал-демократической рабочей партии, автор первой статьи указывает, как на важнейший аргумент против означенного течения, на наказ, выработанный рабочими и принятый для руководства социал-демократических депутатов в IV Государственной думе. Наказ этот, по его утверждению, выражает собою волю всего рабочего класса, от которой не может и не должен уклоняться ни один представитель социал-демократической партии. Содержание наказа заключается в следующем. В нем говорится «прежде всего о задачах пятого года, о том, что задачи эти остались неразрешенными, что экономическое и политическое положение страны делает разрешение их неминуемым. Освобождение страны, по наказу, может быть достигнуто борьбой, борьбой на два фронта: против феодально-бюрократических пережитков, с одной стороны, и против изменнической либеральной буржуазии с другой. Причем надежным союзником рабочих может быть лишь крестьянство. Но борьба может быть победоносная лишь при условии гегемонии пролетариата. Чем больше сознания и организованности у рабочих, тем лучше они выполняют роль вождя народа. А так как думская трибуна является при данных условиях одним из лучших средств организации и просвещения масс, то рабочие и посылают в Думу депутата с тем, чтобы он, а также вся социал-демократическая фракция IV Думы защищали коренные задачи пролетариата, полные и неурезанные требования страны»...

Во второй статье, также направленной против ликвидаторского течения в социал-демократии, доказывается, что одною из важнейших и самых неотложных задач настоящего времени является не «пересмотр законодательства о земле», как то утверждают ликвидаторы, а полный переход земли к крестьянам, на необходимости каковой меры настаивает более последовательная часть социал-демократической партии. «Переход земли к крестьянам, без всякого отягощения платежами, без всяких ограничений, один только способен,— говорит автор,— вывести крестьянство из того невозможного, невыносимого положения, в котором оно находится в настоящее время».

Такое содержание этой статьи дает полное основание усмотреть в ней признаки преступлений, караемых п.п. 1 и 2 ст. 129 уг. ул.

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, л. 183.
[2] Статья И. В. Сталина.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 19 октября сего года за № 2489.

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 3 ноября 1912 г.[1]

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 154, от 27 октября 1912 года, газеты «Правда, в котором обращают на себя особое внимание следующие две статьи.

1) Статья, под заглавием: «Обыкновенная ревизия и чрезвычайное положение» написана в тоне вражды и недоверия к правительству и вся основана на том утверждении, что правительство во всех серьезных случаях прибегает к испытанному рецепту, а именно: назначает сенаторскую ревизию, но как только острота момента пройдет, тогда данные, добытые ревизией, хоронятся в отделе «благих пожеланий». Так было поступлено, по мнению автора, и в деле расследования Ленских событий.

Изложенное образует собою состав преступления, караемого п. 3 ст. 1034[4] ул. о нак.

2) В заметке, под заглавием «Митинг протеста. Путиловский завод», говорится о митинге-протесте против смертных приговоров 17 матросам флота в Севастополе и против приговора к каторжным работам 106 матросов того же флота — по делу о готовившихся беспорядках в Черноморском флоте. Здесь же говорится о вынесенной соответственной резолюции протеста, а также о резолюциях протеста против войны на Балканах, против куцого закона о страховании рабочих и против преследования и закрытия рабочих организаций. Заметка эта, помещенная на страницах пролетарской газеты, указывает рабочим избранный уже путь массового воздействия, являющийся по существу незаконным, возбуждение к чему предусмотрено п. 2 ст. 1034[4]— ул. о нак.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 27 октября сего года за № 2565.

Председательствующий А. Катенин.

Из донесения С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 19 января 1913 г.[2]

В № 15(219) газеты «Правда», от 19 января сего года, напечатаны статьи, под заглавиями: 1) «Жизнь учит»[3], 2) «Обзор печати». Перепечатка из № 2 журнала «Новое печатное дело» и 3) «О рабочей печати. (Резолюция рабочих-кожевников)».

Первая статья под заглавием: «Жизнь учит» обращена к тем, «кто искренно интересуется судьбами освободительного движения в нашей стране». Как известно, под освободительным движением разумеется революционное движение, и автор утверждает, что «между освободительным движением в целом, с одной стороны, и рабочим движением, с другой, существует самая тесная, неразрывная связь». «Лучшим ба-

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. 202, ч. I, л. 195.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, лл. 290—291.

[3] Статья В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 279—280.

рометром всей общенародной освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих». Наиболее революционный 1905 год дал самый высокий подъем стачечной волны; затем она стала падать до перелома в 1911 году. 1912 год, по словам автора, знаменует громадным числом стачек наступление «новой эпохи». «От отдельных частных вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса. Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных нестроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о всей совокупности этих нестроений, в целом речь идет не о реформах, а о реформе» — так автор внушает рабочим, напоминая им революционный лозунг 1905 года. Далее он говорит, что «живая борьба» отбрасывает, как ненужные, требования частичных прав и что разговоры о том, будто «не надо итти дальше лозунга «свобода коалиции», ибо иначе-де массы не поймут нас и не мобилизуются,— оказались пустыми и праздными разговорами оторванных от жизни людей». Автор заявляет, что «живые, реальные миллионные массы мобилизовались именно под самыми широкими, старыми, неурезанными формулами», разумея, очевидно, под этими формулами всю полноту революционных требований. «Только эти формулы,— продолжал он,— зажигали энтузиазм масс».

«Бодрое, свежее, могучее движение самих масс,— так приветствует автор революционный подъем рабочих,— отметает, как негодную ветошь, искусственные, высиженные в кабинетах, рецепты и идет вперед, все вперед».

Во второй статье в перепечатке из № 2 «Нового печатного дела» говорится: «Рабочий класс не ждет подачек ни от кого, он не предается надеждам, а действует, осуществляя на деле сам свои желания, зная хорошо, что освобождение его может быть делом его собственных рук, что он сам кузнец своего счастья».

В третьей статье, под заглавием «О рабочей печати» помещена резолюция рабочих-кожевников, в которой последние высказывают свое осуждение деятельности газеты «Луч», так как эта газета «отказалась от боевого лозунга «вперед», она говорит, что прежде мирное культурное развитие своих сил, а затем борьба; «Луч» забывает,— подчеркивается в резолюции,— что при данных условиях русской жизни это совершенно немыслимо и что только неустанной борьбой рабочие завоюют свое право на такое развитие».

Изложенное содержание статей, помещенных в газете «Правда», указывает, что названная газета вступила на путь революционной агитации среди рабочих, внушает им освободительные лозунги 1905 года и, призывая к борьбе, возбуждает к бунтовщическим деяниям, предусмотренным п. 1, ст. 129 уг. ул., изд. 1903 г.

В виду того, что газета «Правда», являющаяся, как известно, органом фракции большевиков социал-демократической партии, неоднократно привлекалась к судебной ответственности за целый ряд статей преступного содержания, а также принимая во внимание крайнюю опасность, проистекающую от совершенно открытой революционной пропаганды, на путь которой вступила газета «Правда», С.-Петербургский комитет по делам печати признал необходимым просить суд о приостановке названной газеты до судебного приговора, на основании ст. 1213[18] уст. уг. судопроизводства.

Председательствующий А. Катенин.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 9 февраля 1913 г.[1]

В № 27 (231) газеты «Правда», от 2 февраля сего 1913 года, напечатаны статьи: 1) «Не забывать, а помнить» и 2) «Кое-что о стачках»[2] И.

В первой статье, написанной по поводу амнистии, говорится: «О каком забвении говорят господа либералы, когда заходит речь об ожидаемой юбилейной амнистии. Кто и что должен забыть. В глухих казематах, в безлюдных одиноких углах отдаленной России стонут тысячи лучших сынов ее...» «В то время, когда почти вся Россия замерла в каком-то оцепенении, скованном путами реакции, глухо неслись стоны из-за высоких стен казематов». «Можно ли все это забыть»,— спрашивает автор и отвечает, что амнистия, о которой он говорит, это «амнистия не забвения, а, наоборот, амнистия, которая помнит все то, за что страдали тысячи людей». «Ничто не должно быть забыто» — внушает автор и, отметив последние политические выступления студентов и рабочих, делает из них одобрительный вывод: «Не забыли,— повторяет авангард передовой демократии,— и, стряхивая апатию и уныние, занимает передовые посты». Одобрив такое боевое настроение авангарда, т. е. студентов и рабочих, автор решительно заявляет, что он зовет не в сторону забвения, а наоборот: «мы вместе со всей демократией зовем вспомнить старые неурезанные требования, помнить тех, кто боролся и страдал за них».

Таким образом автор выставляет на своем знамени «старые неурезанные требования», под которыми не трудно увидеть революционные лозунги, если вспомнить, что в лице газеты «Правда» призывает к этим лозунгам большевистская фракция социал-демократической рабочей партией, вместе с тем автор, провозглашая революционные лозунги, восхваляет уже покаранных за эти требования преступников и дает прямое указание не забывать их, как борцов, чем и возбуждает к бунтовщическим деяниям, предусмотренным п. 1 ст. 129 уг. ул. изд. 1903 года.

В связи с изложенной статьей находится и вторая под заглавием: «Кое-что о стачках», в которой говорится, что в России на очереди стоят демократические глубокие преобразования и поэтому необходимы стачки, носящие «общенародный характер». «Выступление пролетариата, как гегемона (руководителя), в о п р е к и анти-демократическим настроениям либералов — вот, что самое важное и исторически-своеобразное в наших стачках». Речь идет, поясняется далее, не о частичных требованиях «свободы коалиции» или «открытой партии», которые не соответствуют данному положению вещей, а ставится вопрос «о всем характере движения», к которому «сознательные рабочие ставят плюс», т. е. одобряют.

Таким образом в этой статье, как и в предыдущей, рабочим указывается очередной задачей развернуть весь характер движения, долженствующий, очевидно, проявляться в форме революционных выступлений, каковое преступное деяние карается п. 1 ст. 129 уг. ул.

Об изложенном С.-Петербургский комитет имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 2 сего февраля за № 271[3].

Председательствующий А. К а т е н и н.

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, л. 329.
[2] Статья В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 297—298.
[3] Приговором СПБ судебной палаты от 27 марта 1913 г. арестованный № 27 (231) «Правды» было постановлено уничтожить.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 11 февраля 1913 г., № 352[1]

В № 25 (229) газеты «Правда», от 31 января сего года, в отделе «Государственная дума» напечатаны «Речь с.-д. Петровского» по поводу объяснений, данных министром народного просвещения Л. А. Кассо Государственной думе вследствие ее запроса.

Названная речь является частичным извлечением из стенографического отчета заседания Государственной думы от 30 января с. г. и, так как она не поставлена в связь со всеми остальными произнесенными до и после нее речами других членов Думы, то и не обладает, согласно решению сената от 11 декабря 1907 года по делу крестьянина Ивана Федорова, иммунитетом оглашенных в законодательном учреждении речей, а посему подлежит обсуждению с точки зрения преступности ее содержания на общем основании уголовного закона.

Обращаясь к существу речи с.-д. Петровского, должно сказать, что она представляет собою сплошное революционное воззвание, ярко и определенно направленное к тому, чтобы напомнить учащейся молодежи о ее активной роли в революции 1905 года, указать ей на необходимость, конечно, в интересах революционного движения, объединения с борющимися пролетариатом и крестьянством и возбудить ее к выступлению вместе с этими союзниками против существующего государственного строя.

Преступное деяние это предусмотрено п. 1 ст. 129 уг. ул. изд. 1903 г.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 31 января сего года за № 251.

Председательствующий А. Катенин.

Письмо директора департамента полиции С. Белецкого начальнику главного управления по делам печати С. Татищеву, 10 марта 1913 г.

Милостивый государь,

граф Сергей Сергеевич.

В департаменте полиции получен секретный документ, заключающий в себе денежный отчет за январь месяц сего года по приходу и расходу издающейся в Петербурге легальным порядком газеты «Правда», органа большевиков Российской социал-демократической рабочей партии.

Из упомянутого отчета усматривается, между прочим, следующее: 1) постоянных подписчиков числится более 5 тысяч; 2) тираж газеты «Правда» в будние дни доходит до 31 тысячи, а в воскресные дни до 40 тысяч; 3) на текущем счету газеты «Правда» в банке к 1 января состояло 4 тысячи, а всего числится 7 тысяч рублей; 4) подписка за январь месяц дала свыше 3 135 рублей и поступило пожертвований от разных лиц и учреждений 637 рублей.

Приведенный отчет, сообщаемый из Петербурга за границу в Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии, доказывает с очевидностью факт издания газеты «Правда» на

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. I, л. 333.

средства названной партии, а также свидетельствует о значительном распространении означенной газеты, являющейся крайне вредным органом.

Об изложенном имею честь сообщить на распоряжение вашего сиятельства, и пр.

С. Белецкий.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 4 июня 1913 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 117, от 23 мая сего года, газеты «Правда», в котором напечатаны статьи: 1) «Стачки. У металлистов. Локаут. Балтийский судостроительный завод», 2) «Невский судостроительный и механический завод. Забастовка маляров», и 3) «В вагонном производстве. Мастерская Международного общества спальных вагонов».

Все эти статьи написаны по поводу забастовок в предприятиях, из которых первые два относятся к числу обеспечивающих надлежащее развитие государственной обороны, а третье является общественно необходимым. В названных статьях авторы возбуждают рабочих продолжать забастовку в следующих выражениях: «Мы уверены, что рабочая солидарность у нас не погасла и что на наши места не пойдут работать другие рабочие. А без рабочих рук они обойтись не могут. Они не могут закрыть завод, во избежание огромного убытка. Просим товарищей наши места не занимать, на места наложен бойкот». (Первая статья). «Общее постановление всех рабочих маляров мастерской не приступать к работе, пока не удовлетворят все требования. Места под бойкотом. Просим товарищей маляров корабельной мастерской Невского завода, маляров ремонтной мастерской, а также маляров всех прочих предприятий не занимать места бастующих и не исполнять их работу, чтобы не заклеймить честное имя позорным клеймом». (Вторая статья). «Просят всех товарищей оставить работы и итти заодно. Нужно бороться, всем за одного и одному за всех, а главное — не надеяться на других, что кто-то должен сделать и говорить, а мы в стороне. Бастующие будут бойкотировать работающих и помещать в газете их фамилии». (Третья статья).

Преступные деяния эти предусмотрены п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 23 мая сего года за № 1163.

И. о. председателя А. Андрияшев.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 10 июня 1913 г.[2]

В № 126, от 2 сего июня, ежедневной газетой «Правда» помещена статья В. И. под заглавием: «Спорные вопросы»[3] (Статья 6-ая).

Автор этой статьи полемизирует с газетою «Луч», обвиняя ее в «реформизме», состоящем в том, что «люди ограничиваются агитацией за изменения, не требующие устранения главных основ старого, господствующего класса,— изменения, совместимые с сохранением этих основ». В противоположность этому, г. В. И. выдвигает, так называемые «неурезанные» требования социал-демократической про-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. II, л. 204.
[2] Там же.
[3] Статья В. И. Ленина. Соч., т. XVI, стр. 417—436.

граммы, доказывая, что последовательные демократы (марксисты) должны агитировать и бороться именно за эти требования социал-демократической программы. В числе их на первом плане он ставит требования — полной демократизации государственного строя и передачи земли крестьянам. Называя первое — общеполитическим, а второе — крестьянским, «т. е. направленным в пользу крестьян», автор заявляет даже, что оба эти требования, наряду с требованиями 8-часового рабочего дня на фабриках и заводах, являются в настоящее время самыми злободневными в России, и тот, кто заменяет их иными, так называемыми, «частичными» требованиями, лишь «обманывает народ посредством утопического, корыстно-лживого, построенного на конституционных иллюзиях, полного духа раболепства перед помещиками либерального реформизма»[1].

Приняв во внимание, что осуществление отстаиваемых автором требований социал-демократической программы (полная демократизация государственного строя и передача земли крестьянам) возможно лишь под условием ниспровержения существующего государственного и общественного строя, С.-Петербургский комитет по делам печати усмотрел в содержании названной статьи признаки преступлений, караемых п.п. 1 и 2 ст. 129 уг. ул.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 2 июня сего года за № 1271.

И. о. председателя А. Андрияшев.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 10 июня 1913 г.[2]

В № 121, от 28 мая сего года, ежедевной газеты «Правда» в отделе «Рабочее движение. Стачки» помещены две статьи под заглавиями: «У металлистов. Балтийский судостроительный завод» и «Невский судостроительный завод».

В статьях этих сообщается о происходящих в настоящее время забастовках рабочих некоторых цехов названных заводов, причем авторы не ограничиваются изложением лишь фактических сведений относительно означенных забастовок, но явно стараются ободрить бастующих рабочих, поддержать их в осуществлении решения добиться, путем стачки, удовлетворения предъявленных ими к администрации завода требований и заявлением, что «места бастующих — под бойкотом», вообще помешать возобновлению приостановленных, вследствие забастовки, работ. Так, в статьях говорится, между прочим, следующее: «рабочие оставили свои места под бойкотом... 23 мая из солидарности к бастующим товарищам присоединились плотничий и малярный цехи. Ожидается всеобщая забастовка». «Рабочие решили на уступки не итти, а добиваться своего, настроение их бодрое, просят товарищей поддержать морально, не поступать на места бастующих» и т. д.

В виду того, что как Балтийский, так и Невский судостроительные заводы относятся к числу предприятий, возбуждение к прекращению, приостановлению или невозобновлению работ на которых предусматривается, как наказуемое деяние п. 1 ст. 1034[3] — ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить, по силе

[1] Так в подлиннике.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. III, л. 18.

приведенной статьи закона, судебное преследование против редактора газеты «Правда», а равно и других лиц, могущих оказаться по сему делу виновными.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 28 мая сего года за № 1205.

И. о. председателя А. Андрияшев.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати в главное управление по делам печати, 17 июня 1913 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 127, от 5 июня сего года, газеты «Правда», в котором напечатаны статьи: 1) «Государственная дума. Заседание 4 июня. Речь с.-д. Бадаева» и 2) «Городские рабочие и служащие. Служащие гор. конно-железной дор. (Нарвский парк)». Кучер Нарвского парка.

Первая статья, являющаяся воспроизведением речи с.-д. Бадаева, представляет собою частичное извлечение из отчета заседания Государственной думы 4 июня и, на основании решения правительствующего сената, подлежит рассмотрению с применением к ней существующих узаконений о печати. В этой статье министерство народного просвещения неоднократно называется министерством «народного затемнения», причем правительство обвиняется в том, что оно затемняет нужды народа, ограбило народ в смысле образования, тратит деньги на политику военных авантюр и грабежей и на помещиков-тунеядцев, что деятельность его по народному просвещению — одно сплошное надругательство над правами граждан и рабочих, что правительство есть враг народного просвещения в России. «Неужели не ясно,— восклицает автор,— чего заслуживает такое правительство со стороны мещан и крестьян, это правительство, угнетающее население ради охраны привиллегий ничтожной кучки населения».— Изложенные в названной статье совершенно бездоказательные и огульные обвинения правительства несомненно должны быть отнесены к числу заведомо ложных сведений, резко враждебная цель которых ясно видна из вышеприведенной выдержки. Преступное деяние это карается п. 3 ст. 1034[4] ул. о нак.

В той же статье говорится, что русскому народу предстоит поступить так, как американцы, которые «смели начисто и раздавили гадину». «Г.г. Кассо, Коковцов, Маклаков научат наш русский народ подражать американскому примеру; в России еще предстоит себе отвоевать упорной борьбой ту свободу, которую американцы отвоевали полвека тому назад»,— так заявляет автор и, пояснив, что он придерживается революционной оценки деятельности правительства, заканчивает статью такими словами: «Не заслуживает ли это правительство, чтобы народ его выгнал». Такие рассуждения являются прямым подстрекательством к бунтовщическим действиям и образуют собою состав преступления, предусмотренного п. 1 ст. 129 уг. ул.

Вторая статья внушает служащим на городских конно-железных дорогах кучерам, чтобы они брали пример с того, как «защищают свой труд рабочие с заводов и фабрик». «Пора проснуться,— говорится далее,— и добиваться приличного жалованья, а не за 18 руб. трудиться, да еще работать лишние часы».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1912 г., д. № 202, ч. III, л. 37.

Приведенные выражения вполне определенно указывают служащим на городских конно-железных дорогах на необходимость вступить на путь забастовки и посему содержат в себе признаки преступления, караемого п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак.

Об изложенном, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 5 сего июня за № 1299.

И. о. председателя А. Андриашев.

IV

«Рабочая правда»

Постановление судебного следователя 3 участка г. С.-Петербурга, 30 июля 1913 г.[1]

1913 г. 30 июля судебный следователь 3 уч. г. С.-Петербурга, рассмотрев дело об издании газеты «Рабочая правда»[2], нашел:

По предложению г. прокурора определением С.-Петербургской судебной палаты от 3 июля 1913 г. издающаяся в г. С.-Петербурге газета «Правда» в виду обнаруженного систематического нарушения ею закона, резко партийного направления ее и явно вредного влияния на народные массы, согласно 1213[18] ст. уст. уг. судопр. была приостановлена впредь до судебного приговора.

Названное определение судебной палаты было приведено в исполнение вечером 5 июля 1913 г.

Однако уже через несколько дней, а именно с 13 июля с. г., начала издаваться в том же г. С.-Петербурге новая газета «Рабочая правда», печатающаяся в той же типографии и являющаяся как по внешнему своему виду и распределению материала, так и по содержанию и характеру помещаемых статей и общему направлению продолжением приостановленной газеты «Правда».

Находя, в виду изложенного, что издание «Рабочей правды» вполне тождественно с приостановленной С.-Петербургской судебной палатой газеты «Правда», С.-Петербургский комитет по делам печати возбудил вопрос об этом и на возникшем по сему поводу предварительном следствии названное предположение С.-Петербургского комитета по делам печати совершенно подтвердилось, определенно было установлено и с точностью было доказано нижеприводимыми данными.

Произведенными судебным следователем в помещении, занимаемом газетой «Рабочая правда», обыском и выемкой была установлена полная общность материальных средств по изданию «Рабочей правды» и приостановленной газеты «Правда».

Это подтверждается следующим:

Все бланки, переписка по делам газеты «Рабочей правды», все — со штемпелем газеты «Правда». В помещении «Рабочей правды» громадное количество корреспонденции, адресованной в редакцию газеты «Правда». Счета и документы на имя газет «Правда» и «Рабочая правда» находятся вместе, в одних и тех же папках; счета по газете «Рабочая правда» составляют продолжение счетов по газете «Правда». Копировальные книги газеты «Правда» находятся здесь же в «Рабочей

---

[1] «Рабочая правда» выходила в свет с 13 июля по 1 августа 1913 г.

[2] Главное управление по делам печати, 1 отд., 1912 г., д. № 497, лл. 111—113.

правде» и в них продолжают копировать переписку по делам «Рабочей правды», как будто бы никакого изменения в издании и не происходило. Обменные экземпляры газет, продолжающие поступать на имя «Правды», поступают в «Рабочую правду».

«Рабочая правда» рассылается подписчикам по прежним адресным бланкам «Правды», т. е., тем же самым подписчикам, причем на этих бланках лишь сверх названия газеты «Правда» каучуковым штемпелем отпечатано слово «Рабочая».

Прежде, занимавшееся газетой «Правда» в д. № 2 по Ямской ул., помещение ею очищено и, как видно, все имущество этой газеты переведено в помещение «Рабочей правды» в д. № 11 по Ивановской улице, где оно при обыске и было обнаружено.

Характерно то, что даже самые вывески, при входе в подъезд и на входных дверях конторы газеты, остались прежние, с надписью «Газета Правда». Только над словом «Правда» на вывесках наклеено отпечатанное маленькими буквами слово «Рабочая», вырезанное, повидимому, из заголовка уже вышедшего в свет номера газеты «Рабочая правда».

Как сказано, на предварительном следствии установлено, что «Рабочая правда» рассылается подписчикам «Правды», конечно, взамен этой последней приостановленной газеты.

Это обстоятельство еще более подтверждается имеющимся в деле сообщением С.-Петербургского почтамта на имя судебного следователя, из коего видно, что перед приостановлением газеты «Правда» рассылалась через посредство названного почтамта в количестве 6 000 экземпляров. В том же самом, с точностью до единицы, количестве рассылается ныне и газета «Рабочая правда».

Что газета «Рабочая правда» была создана специально для того, чтобы служить продолжением, заменой на случай приостановления или закрытия газеты «Правда» явствует хотя бы из следующего обстоятельства. Заявление об издании газеты «Рабочая правда» было подано на имя с.-петербургского градоначальника 6 октября 1912 г. 18 октября того же года свидетельства на эту газету были изготовлены и посланы лицу, заявившему о своем желании ее издавать. Но это лицо их не получило и свидетельства продолжали лежать в канцелярии старшего инспектора типографий г. С.-Петербурга, совершенно не интересуя собою издателя, до самого 6 июля 1913 г., когда накануне, 5 июля было приведено в исполнение определение С.-Петербургской судебной палаты о приостановлении газеты «Правда». Этого 6 июля с. г. издатель «Рабочей правды» немедленно заявляет в канцелярию старшего инспектора типографий о своем желании получить так долго ему не требовавшееся свидетельство на издание «Рабочей правды». 13 июля с. г. после этого уже появляется в свет «Рабочая правда».

Общность лиц, издающих названные газеты, «Правду» и «Рабочую правду», очевидна хотя бы уже из того, что заявление на имя с.-петербургского градоначальника об издании газеты «Рабочая правда» и другие заявления на имя того же градоначальника от имени издателя газеты «Правда» писаны, как это и установлено на предварительном следствии произведенной каллиграфической экспертизой, одним и тем же лицом.

Тождественность газет «Правда» и «Рабочая правда» очевидна при одном взгляде на внешний вид названных газет: один и тот же шифр, то же расположение материала, в точности такие же заголовки, одни и те же сроки подписки, одна и та же подписная плата, совпадающая при подписке на все сроки, та же плата за объявления,

те же условия приема редакциями рукописей, тот же адрес отделения конторы в Москве и все остальное, все это подтверждает эту тождественность.

По ознакомлении с вышедшими в свет номерами газеты «Рабочая правда» судебный следователь находит, что по направлению своему она совершенно тождественна с приостановленной газетой «Правда», направление коей судебному следователю известно, как по целому ряду произведенных им следствий по делам об издании названной газеты, так и по ознакомлении с полученными из главного управления по делам печати номерами этой газеты.

Таким образом надлежит признать установленным полную общность материальных, идейных, личных и иных средств в издании газет «Рабочая правда» и «Правда».

В виду изложенного судебный следователь полагает совершенно доказанным и не подлежащим сомнению тот факт, что издающаяся в г. С.-Петербурге газета «Рабочая правда» издается одними и теми же лицами взамен приостановленной С. Петербургской судебной палатой газеты «Правда» и является продолжением этой последней газеты.

Оставляя вопрос о лицах, виновных в совершении этого преступного деяния,— каковой вопрос подлежит еще дальнейшему исследованию на предварительном следствии,— открытым, судебный следователь находит, что при настоящем положении дела, при точной доказанности факта издания газеты «Рабочая правда» взамен приостановленной газеты «Правда», что составляет преступное деяние, предусмотренное 1034[2] — ст. ул. о нак.,— не может быть допущено продолжение совершающегося преступного деяния, а потому и надлежит к его прекращению принять указанные и предписываемые на сей предмет законом меры.

Согласно 1213[17] — и 1212[18]— ст. ст. уст. уг. суд. надлежит на все вышедшие в свет номера газеты «Рабочая правда», как нарушающие своим изданием закона, наложить арест, а самое же издание газеты «Рабочая правда» приостановить впредь до судебного приговора по настоящему делу.

Посему, имея в виду, что принятие указанных мер, согласно тем же приведенным выше статьям закона, зависит от суда, рассматривающего по окончании следствия данное преступное деяние,— в настоящем деле С.-Петербургского окружного суда,— коему судебный следователь представляет о принятии таковых мер, судебный следователь 3 участка г. С.-Петербурга постановил: войти в С.-Петербургский окружной суд с представлением о наложении ареста на все вышедшие в свет номера газеты «Рабочая правда» и о приостановлении названной газеты впредь до судебного приговора по настоящему делу.

Подлинное за подписью вр. и. д. судебного следователя 3 уч. г. С.-Петербурга Ив. Лесниченко.

Определение С.-Петербургского окружного суда, 31 июля 1913 г.[1]

1913 г., июля 31 дня. С.-Петербургский окружной суд, в 8 отделении слушал: представление судебного следователя 3 участка г. С.-Петербурга о приостановлении издания газеты «Рабочая правда» и наложении ареста на все вышедшие в свет номера этой газеты и, принимая

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 497, 1912 г., л. 110.

во внимание: 1) что из постановления судебного следователя от 30 июля с. г. усматривается, что определением С.-Петербургской судебной палаты от 3 июля с. г. приостановлена впредь до судебного приговора издававшаяся в С.-Петербурге газета «Правда», 2) что предварительным следствием установлено, что газета «Рабочая правда» представляется продолжением приостановленной газеты «Правда», 3) что при таких обстоятельствах издание газеты «Рабочая правда» составляет преступление, предусмотренное 1034 [2]—ст. ул. о нак., 4) что посему согласно 1213 [18]—ст. уст. уг. судопр., представляется достаточно оснований к приостановлению впредь до судебного приговора газеты «Рабочая правда» и наложению ареста на все вышедшие в свет номера означенной газеты, и по сим соображениям окружный суд постановил: приостановить впредь до судебного приговора издание газеты «Рабочая правда» и наложить арест на все выпущенные в свет номера означенной газеты.

Подлинное за надлежащими подписями.

V

«Северная правда»

Отношение главного управления по делам печати прокурору С.-Петербургской судебной палаты, 10 августа 1913 г. [1]

Препровождая при сем постановление С.-Петербургского комитета по делам печати от 9 сего августа за № 1967 о приостановлении издания газеты «Северная правда» [2] впредь до судебного приговора и экземпляры вышедших номеров этой газеты, главное управление по делам печати имеет честь сообщить вашему превосходительству, что означенное издание, по мнению главного управления, представляет собою, несомненно, продолжение уже приостановленных судебной властью газет «Правда» и «Рабочая правда», что подтверждается постоянно печатающимися в этом издании статьями с призывом о взносах и подписках на «рабочую печать». Крайне вредное влияние этой газеты на рабочих в особенности в настоящее время выражается в подстрекательстве к забастовкам в самых обширных размерах и притом в такого рода предприятиях, которые указаны в п. 1 ст. 1043 [3] ул. о нак.

При этом главное управление признает не лишним приложить список инкриминированных статей с указанием номеров газет, в которых они напечатаны [3].

Исп. об. начальника главного управления по делам печати, член совета А. Муромцев.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 15 августа 1913 г. [4]

С.-Петербургский комитет по делам печати, рассмотрев вышедшие в свет одиннадцать номеров рабочей газеты «Северная правда» и при-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 320, 1913 г., л. 39.
[2] «Северная правда» выходила в свет с 1 августа по 7 сентября 1913 г.
[3] Этого списка в деле не оказалось.
[4] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 320, 1913 г., л. 77.

нимая во внимание: 1) что по общему своему направлению газета «Северная правда» принадлежит к большевистской фракции социал-демократической партии и, таким образом, в отношении направления представляется однородной с газетами «Правда» и «Рабочая правда», 2) что по внешнему виду, формату и распределению материала по отделам газета «Северная правда» является точным воспроизведением газет «Правда» и «Рабочая правда», 3) что согласно указаниям, содержащимся в заметках, напечатанных на страницах самой «Северной правды» (№ 10, отдел «О рабочей печати», заметка: «Резолюция группы с.-петербургских приказчиков, стоящих на точке зрения социал-демократии», и № 11, отдел «Привет «Северной правде», заметки «Русско-балтийский вагонный завод. Авиационный отдел» и «Завод Вестингауз») — названная газета признается «наследницей «Рабочей правды», «заступившей место» «Правды» и «Рабочей правды», бывших «ее предшественниц», 4) что вследствие вышеизложенного представляется возможным установить, что газета «Северная правда» является продолжением газеты «Правда», приостановленной определением С.-Петербутской судебной палаты от 3 июня с. г. впредь до судебного приговора, и газеты «Рабочая правда», приостановленной определением С.-Петербургского окружного суда от 31 июля с. г. в виду возбужденного уголовного преследования по силе ст. 1034[2] ул. о нак., 5) что при таких обстоятельствах издание газеты «Северная правда» составляет преступление, предусмотренное 1034[2] ст. уг. о нак., постановил возбудить перед главным управлением по делам печати ходатайство: 1) о приостановке впредь до судебного приговора газеты «Северная правда» в порядке ст. 1213[18] уст. уг. судопроизводства и 2) о привлечении к уголовной ответственности по 1034[2] ул. о нак. издателя первой приостановленной газеты «Правда» А. Е. Бадаева.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 14 сего августа за № 2045.

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати С. Виссарионов.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 17 августа 1913 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 3, от 3 августа сего года, газеты «Северная правда», в котором напечатаны: 1) статья, под заглавием: «Как увеличить размеры душевого потребления в России». В. Фрей[2], 2) в отделе «Рабочее движение» корреспонденция, под заглавием: «Обуховский завод» и 3) в отделе «Москва» корреспонденция, под заглавием: «Завод Бромлей».

В первой статье автор обращается к представителям капитала, которых он называет сатрапами, со словами: «Они... кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением[3]... и своим гнетом осуждают 5/6 населения на нищету, а всю страну на застой и гниение». По мнению

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 320, 1913 г., л. 93.
[2] Статья В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 543—544.
[3] Цензором опущена из контекста ст. В. И. Ленина фраза; (миллионов в 70 десятин лучшей земли).

автора, «нужна беспощадная, беззаветная борьба с этим классом по всей линии».

Изложенное содержание статьи возбуждает вражду между отдельными классами населения и образует собою состав преступления, предусмотренного п. 6 ст. 129 уг. ул.

В первой корреспонденции говорится, что забастовка продолжается и что бастующими рабочими «решено не приступать к работам до полного удовлетворения требований».

Такого рода указание, носящее по форме категорический характер и при том помещенное в газете, предназначенной к распространению среди рабочих масс, является оповещением бастующих рабочих и прямым распоряжением — не возобновлять работ.

В виду того, что Обуховский завод принадлежит к числу таких казенных предприятий, приостановка действий которых угрожает безопасности государства, изложенное содержание корреспонденции образует собою состав преступления, предусмотренного п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак.

Во второй корреспонденции точно так же сообщается о состоявшемся решении бастующих рабочих «продолжать забастовку до полного удовлетворения всех требований».

В виду того, что завод Бромлей выполняет заказы морского министерства и поэтому принадлежит к числу предприятий, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства, изложенное содержание второй корреспонденции образует состав преступления, предусмотренного п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак.

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 3 сего августа за № 1893[1].

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати С. Виссарионов.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 18 августа 1913 г.[2]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 13, от 17 августа сего 1913 г., газеты «Северная правда», в котором напечатаны: 1) в отделе «Рабочее движение» корреспонденция под заглавием: «Завод Барановского. Трубочный отдел» и 2) в том же отделе корреспонденция под заглавием: «У маляров. Невский судостроительный и механический завод».

В первой корреспонденции бастующие рабочие выражают порицание тем своим товарищам, которые «идут на помощь администрации для срывания стачки». «Эта кучка штрейкбрехеров,— говорится здесь,— некоторые по несознательности, другие из-за личных выгод, изменили постановлениям общих собраний, на которых сами решили бастовать до полного удовлетворения всех требований».

Из содержания названной корреспонденции вытекает, что бастующие рабочие ставят своей целью, с одной стороны, путем товарищеского порицания рабочих, идущих на помощь администрации, и причисления их к разряду так называемых штрейкбрехеров, каковая кличка содержит в себе прямую угрозу лицам, не согласующим своего поведения с требованиями бастующих рабочих, с другой, посредством

[1] Приговором Петербургской судебной палаты был наложен арест на № 3 «Северной правды».

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 320, л. 109.

указания на принятое с общего согласия решение бастовать до полного удовлетворения всех требований,— удержать рабочих от возобновления работ и таким образом заставить их продолжать забастовку.

В виду того, что завод Барановского выполняет заказы морского министерства и вследствие этого принадлежит к числу предприятий, невозобновление деятельности которых угрожает безопасности государства, содержание названной корреспонденции образует собою состав преступления, предусмотренного п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак.

Во второй корреспонденции с Невского судостроительного завода приводится постановление бастующих рабочих, подобное указанному в первой корреспонденции и выраженное в той же самой форме, а именно: «забастовку продолжать до полного удовлетворения требований».

В виду того, 1) что приведенное постановление бастующих рабочих, выраженное в повелительной форме и напечатанное в газете, предназначенной для распространения среди рабочих и неуклонно поддерживающей забастовочное движение, преследует определенную цель возбуждения забастовавших рабочих к невозобновлению работ и 2) что Невский судостроительный и механический завод является предприятием, невозобновление деятельности которого угрожает безопасности государства,— содержание названной корреспонденции заключает в себе признаки преступления, предусмотренного п. 1 ст. 1034[3] ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты, а на № 13 газеты «Северная правда» на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. наложить арест.

О вышеизложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 17 сего августа за № 2065[1].

Председательствующий, член совета главного управления
по делам печати С. Виссарионов.

Донесение С.-Петербургского комитета по делам печати главному управлению по делам печати, 1 сентября 1913 г.[2]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 24 газеты «Северная правда» от 30 августа с. г., в котором между прочим напечатаны: 1) Стихотворение под заглавием «Железо», подписанное псевдонимом «Рабочий металлист» (стр. 2), и 2) в отделе «Рабочая жизнь» заметка, озаглавленная: «С.-Петербургский трубопрокатный и механический завод Северного общества», подписанная псевдонимом «Молодой» (стр. 4).

Автор стихотворения под заглавием «Железо» в аллегорической форме описывает современное положение рабочего класса, скованного железом, и говорит:

«Заковали... Но что? Только ноги,
А душа ведь осталась вольна:
Не наложат на душу оковы,
Не удержит ведь душу тюрьма...»

В дальнейшем изложении указывается на то, что рабочий и трудовой народ вообще рассеян по всему лицу земли русской и что «вели-

[1] Приговором СПБ судебной палаты был наложен арест на № 13 «Северной правды».

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 320, лл. 170—173

кая реформа» дала ему лишь кандалы, которые однако, по словам автора, снова будут «раздроблены» и «изломаны». При этом автор убеждает не падать духом и смело заявляет:

«Торжествуй... Не убьешь во мне веру,
Снова будешь в чугунных тисках...
Раздроблю, изомну, изломаю,
Вновь исправлю тебя, вновь сварю
И весь мир я тобой оклепаю,
Все тобой я себе покорю...»

В эти последние слова автор влагает ту мысль, что рабочий класс всего мира объединится и при помощи железа покорит себе мир. Очевидно, автор имеет в виду захват насильственным путем власти пролетариатом, что и является возбуждением к совершению бунтовщического деяния.

В заметке, озаглавленной «Трубопрокатный и механический завод Северного общества», автор ее, скрывшийся под псевдонимом «Молодой», описывает тяжелое положение рабочих на указанном заводе, где, по его словам, «царит крепостное право, господами положения являются Линдеманы, Гаевские и Зайцы, которые, выжимая из рабочих последнюю каплю пота и крови, стараются дать кому-нибудь в шею, сбить расценок. Вот их дело».

Такое безотрадное положение объясняется автором тем, что рабочие на этом заводе слишком покорны и терпеливы. «Конечно, мастера с головами. Видят, что можно играть с податливыми и тихонькими рабочими и мастеровыми. С рабочими можно поступать как угодно, потому что они, кроме вина и вражды между собой, ничего лучшего не знают. А как сойдутся в трактире да хватят «челышевского яда» — вот тогда-то никто к ним и не подходи — мир готовы перевернуть. Прямо герои. Ничего не боятся. А когда нужно итти в контору к мастеру, эти герои долго думают, что делать: дверь ли открывать или шапки снимать».

Сделав эти упреки, автор приглашает рабочих «подумать о своем человеческом достоинстве».

В приведенных выдержках из заметки «Молодого» заключается возбуждение рабочих трубопрокатного завода против хозяев вообще и в частности против администрации этого завода.

В виду изложенного и принимая во внимание, 1) что автор стихотворения «Железо» возбуждает к совершению деяния, предусмотренного 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., 2) в заметке заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Северная правда» и против авторов статей, подписавшихся «Рабочий металлист» и «Молодой», по обвинению в преступлениях, предусмотренных в отношении первого пп. 1 и 6 ч. I ст. 129 уг. ул., в отношении второго 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул. и в отношении последнего 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. арест на № 24 «Северной правды».

Об изложенном С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 30 августа сего года за № 2237 [1].

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати С. Виссарионов.

[1] Приговором СПБ судебной палаты был наложен арест на № 24 «Северной правды».

Определение С.-Петербургской судебной палаты, 6 сентября 1913 г.[1]

1913 г. сентября 6 дня С.-Петербургская судебная палата по 2 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: ... Слушала: 1) предложение прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 5 сентября с. г., за №№ 10816 и 10820, с подлинными отношениями С.-Петербургского комитета по делам печати, от 29/30 августа с. г., за № 2240, и главного управления по делам печати, от 23 августа с. г., за № 11660, и 24 августа с. г., за № 11716, и 3 сентября с. г., за № 12096, об утверждении постановления означенного комитета о наложении ареста на № 18 газеты «Северная правда» за 1913 г. и о приостановлении изданием вышеозначенной газеты в порядке 1213[15] и 1218[18] ст. уст. уг. суд.

и 2) справку, из коей видно, что в текущем году С.-Петербургской судебной палатой утвержден арест на №№ 1, 2, 4, 12, 5, 3, 8 и 19 газеты «Северная правда» за 1913 г.

Рассмотрев означенные отношения, а равно приложенный к ним № 18 газеты «Северная правда» и усматривая в напечатанных в нем статьях: 1) «От женщин-металлистов», А. В. Афанасенко-Сорокиной, 2) «Заметка депутата», деп. Петровского и 3) «Радко Дмитриев» — за подписью Политикус, признаки преступных деяний, предусмотренных 128 и 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., судебная палата, по выслушании словесного заключения товарища прокурора, определяет: арест, наложенный на № 18 газеты «Северная правда» за 1913 г., утвердить и в виду ярко выраженного противоправительственного направления означенной газеты приостановить дальнейшее издание ее впредь до судебных приговоров.

Подлинное за надлежащими подписями и скрепою.

VI

«Правда труда»

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 11 сентября 1913 г.[2]

В передовой статье № 1 газеты «Правда труда»[3] от 11 сентября 1913 г. говорится, что это новое издание появилось «на развалинах недавно закрытых рабочих газет «Правда», «Рабочая правда» и «Северная правда» и что все эти газеты являются ее «предшественницами».

Приняв во внимание, это собственное признание газеты «Правда труда», помещенное в редакционной статье, а также и то обстоятельство, что эта новая газета, придерживаясь того же социал-демократического направления, вышла в том же формате, напечатана тем же шрифтом и заключает в себе те же рубрики, как и все вышеназванные издания, С.-Петербургский комитет по делам печати нашел, что издатель приостановленной в порядке 1213[15] ст. уст. уг. суд. газеты Бадаев стал через другое лицо издавать сперва газеты «Рабочая правда» и «Северная правда», а затем и газету «Правда труда» и, таким образом, совершил преступное деяние, предусмотренное 1034[2] ст. ул. о нак.

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 320, л. 195.
[2] Там же, 1912 г., д. № 202, ч. III, л. 153.
[3] «Правда труда» выходила в свет с 11 сентября по 9 октября 1913 г.

Вследствие изложенного С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против бывшего издателя газеты «Правда» Бадаева по 1034[2] ст. ул. о нак. и войти, на основании 1213[15] ст. уст. уг. суд. в главное управление по делам печати с ходатайством о соответствующем сношении с прокурором С.-Петербургской судебной палаты о приостановлении газеты «Правда труда» до судебного приговора.

Подлинный за надлежащими подписями.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 12 сентября 1913 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 2 от 12 сентября сего 1913 года газеты «Правда труда», в котором напечатаны статьи, под заглавием: 1) «Обуховский завод» (в отделе «Рабочее движение. Стачки») и 2) «Киев. Общее собрание металлистов» (в отделе «Профессиональное движение»).

В первой статье автор сообщает, что на Обуховском заводе «забастовка продолжается 46 дней» и что «настроение рабочих бодрое», и вслед за этим заявляет, что на приглашение администрации завода откликнулось мало желающих, всего по 3—4 человека из мастерской, которые продолжают свое «дело». «Тоже не могли отказаться,— добавляет он,— некоторые сознательные «паиньки». «Все это известно рабочим,— с угрозою подчеркивает автор,— известны также их фамилии».

Из приведенных выдержек видно, что автор статьи путем выражений, носящих характер явной угрозы, запугивает рабочих, выполняющих работы во время забастовок, и тем побуждает их к прекращению этих работ.

Во второй статье автор описывает общее собрание металлистов в Киеве и приводит речь, сказанную членом правления Горбачевым. Этот последний выражал недоумение, чем объяснить незначительность числа членов рабочего профессионального союза. «Тем ли,— говорил он,— что нам живется очень хорошо в капиталистическом производстве, или тем, что кошмарный сон наложил на нас непробудную лапу, из-за которой не слышно плача жен и детей наших, раздетых и разутых, без куска хлеба, или же тем, что мы не видим своего вечного спутника — безработицу, которую наши хозяева всячески стараются создать, устраивая локауты, вводя черные списки, т. е. волчьи билеты для наших деятельных товарищей, вводя тэйлоровскую систему, которая бичом ложится на наши плечи. Условия труда очень рано превращают нас в инвалидов, никому ненужных, а мы все спим, не сбрасываем с себя тяжелую лапу кошмарного сна. Товарищи, за то наши хозяева не спят: они всячески стараются оберечь себя от начавшегося пробуждения рабочих, они выработали устав страхования от рабочих забастовок, т. е. вспомогательный орган для сильнейшей эксплоатации и угнетения рабочих. Товарищи, к чему ведет наше молчание и сон наш? К более сильному произволу над нами! Товарищи, к чему привело молчание 1908—1909—1910 годов? Оно привело к тому, что наши хозяева отняли все, что было куплено нами дорогою ценою». «Неужели они рабочие, не состоящие в союзе, лучше нас живут, или же они лучше нас обеспечены своими хозяевами? Но нет, товарищи, повседневно видишь, что и над ними гуляет хозяйский произвол, что и их также выбрасывают за ворота без куска хлеба».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 362, лл. 29—30.

Таким образом в приведенной выдержке утверждается, во-первых, что рабочие, их жены и дети являются жертвами капиталистического производства, раздетыми и голодными, что условия труда рано превращают рабочих в ненужных никому инвалидов и что хозяйский произвол выбрасывает их за ворота без куска хлеба; во-вторых, что хозяева стараются искусственно создать безработицу, эксплоатируют и угнетают рабочих, принимают меры против их пробуждения и отнимают у них все, купленное дорогою ценою, и в-третьих, что вследствие этого рабочие должны сбросить с себя «тяжелую лапу кошмарного сна», прервать свое молчание и «начать отстаивать свои требования».

Изложенное содержание статьи «Киев. Общее собрание металлистов» возбуждает вражду рабочих к их хозяевам.

Принимая во внимание: 1) что в статье, под заглавием: «Обуховский завод», содержится возбуждение рабочих Обуховского завода и прекращение работ, 2) что названный завод, являясь казенным и, выполняя заказы морского министерства, принадлежит к числу предприятий, приостановка деятельности которых угрожает безопасности государства и возбуждение к прекращению работ на которых представляется уголовно-наказуемым деянием, 3) что преступление это предусмотрено 1 п. 1934[3] ст. ул. о нак. и 4) что в содержании статьи под заглавием «Киев. Общее собрание металлистов» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул.,— С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Правда труда» по 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул. и 1 п. 1034[3] ул. о нак. и 2) наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. арест на № 2 газеты «Правда труда».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 13 сентября 1913 г.[1]

В № 3 газеты «Правда труда», от 13 сентября сего года, напечатаны между прочим статьи: 1) «Землеустройство и деревенская беднота» — В. Ильина[2], 2) «Наш путь» — Москвича и 3) в отделе «Рабочее движение» заметка «Николаевские заводы и верфи».

Автор статьи «Землеустройство и деревенская беднота» В. Ильин, возражая черниговскому агроному Минину, доказывавшему на киевском сельско-хозяйственном съезде необходимость для крестьян-собственников земли составления добровольных товариществ, для коллективной обработки ее, говорит: «Очевидно, что этот народнический рецепт — просто ребячество. Помещики и кулаки сгоняют с земли миллионы крестьян, разоряя другие миллионы». Затем несколько ниже он продолжает: «невинное мечтание народников не только детски наивно — оно прямо вредно тем, что отвлекает мысль бедноты от классовой борьбы. Вне классовой борьбы пролетариата против буржуазии для переделки всего капиталистического строя нет спасения деревенской бедноте. И всякие союзы, кооперативы, артели и т. п. могут быть полезны лишь при их сознательном участии в этой классовой борьбе». По мнению автора этой статьи, в этом вся суть современного положения аграрного вопроса и «рабочий класс к столкновениям Пуришкевичей и крестьянской демократии относится не равнодушно, а с самой горячей, самой беззаветной защитой интересов крестьянской и общенародной демократии в наиболее последовательном их выраже-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 362, лл. 44—45.
[2] Статья В. И. Ленина. Соч., т. XVI, стр. 619—621.

нии». Определяя далее это отношение рабочего класса к крестьянской борьбе с буржуазией, он говорит: «величайшее внимание к крестьянской демократии, к ее просвещению, пробуждению и сплочению, к ее освобождению от всех и всяких затхлых предрассудков — вот линия сознательного рабочего».

Таким образом автор статьи доказывает необходимость для крестьянской бедноты классовой борьбы, и при том совместно с городским рабочим классом, и тем возбуждает к борьбе против буржуазии, так как, говорит он, иного спасения для крестьянской бедноты нет.

Статья под заглавием «Наш путь», вызванная приостановкою по распоряжению судебной власти московской рабочей газеты «Наш путь», заключает в себе целый ряд заведомо-ложных сведений, о деятельности как московской администрации, так и вообще правительства. Начав с того, что газета «Наш путь» есть «жертва третье-июньского режима», автор характеризует отношение властей к этой газете, как «разгульный произвол», поставивший газету «как бы вне закона», причем «каждому полицейскому мундиру» дано было право расправляться с рабочей газетой, как ему заблагорассудится. «Судебное решение о приостановке издания автор изображает, как «день насильственного умерщвления московской рабочей газеты».

Такая характеристика деятельности судебных и административных властей, основанная на заведомо-ложных сведениях о беззаконии и произволе, вызвавших закрытие газеты, возбуждает в читателях вражду к правительству, установившему такой режим.

В заметке, в отделе «Рабочее движение», под заглавием «Николаевские заводы и верфи» газета сообщает, что «забастовка сорвана благодаря штрейкбрехерам» и затем перечисляет этих последних поименно. С целью показать, какой серьезный вред причиняют «штрейкбрехеры» интересам рабочих, далее сообщается: «пораженье рабочие называют полным. Многие остались без куска хлеба».

Содержание означенной заметки явно клонится к тому, чтобы воспрепятствовать полному возобновлению работ на Николаевских заводах и верфях, занятых военным кораблестроением и, следовательно, невозобновление работ в этих предприятиях грозит безопасности государства.

По обсуждении изложенного С.-Петербургский комитет по делам печати нашел: 1) что в статье под заглавием: «Землеустройство и деревенская беднота» заключается возбуждение крестьян к классовой борьбе против помещиков, что предусмотрено по 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул.; 2) что в статье, озаглавленной «Наш путь», распространяются заведомо-ложные сведения о деятельности правительственных органов, возбуждающие вражду к ним, что предусмотрено 3 п. 1934[4] ст. ул. о нак., и 3) что содержание заметки «Николаевские заводы и верфи» имеет своей целью воспрепятствовать возобновлению приостановленных забастовкою работ в предприятии, занятом изготовлением предметов, необходимых для государственной обороны, что предусмотрено 1 п. 1934[3] ст. улож. о нак., а потому постановил: на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. наложить арест на № 3 газеты «Правда труда» и возбудить уголовное преследование против редактора названной газеты по обвинению в преступлениях, предусмотренных 6 п. I ч. 12 ст. уг. ул., 3 п. 1034[4] и 1 п. 1934[3] ст. ст. ул. о нак. и против автора статьи «Землеустройство и деревенская беднота» — В. Ильина по 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул. и автора статьи «Наш путь» по 3 п. 1934[4] ст. улож. о нак.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати 26 сентября 1913 г.[1]

В № 14, от 26 сентября, ежедневной газеты «Правда труда» помещены статьи, под заглавиями: «В черном стане» и «Торговля штрейкбрехерами» [2] и заметки, озаглавленные: «Привет Москве» и «Завод Новый Лесснер».

Автор первой статьи, написанной по поводу рассматриваемого в настоящее время в Киеве дела Бейлиса по обвинению его в убийстве мальчика Ющинского с ритуальной целью, утверждает, что «организаторы этого процесса» искусственно создали его, чтобы, «сосредоточив на этом гнусном измышлении темных сил внимание русского народа», тем самым отвлечь это внимание от острых политических вопросов, опасных для реакционно настроенной бюрократии. Но, говорится в заключении статьи, «история показала уже всю тщету всех этих махинаций». «Кишиневский погром вызвал лишь позорные для бюрократии разоблачения в европейской печати, а с другой стороны, усилил оппозиционное настроение в стране. За октябрьскими погромами последовали декабрьские дни».

Во второй статье сообщается, что московская городская управа решила заменить бастующих рабочих служащих городского трамвая лицами, приглашенными со стороны, обратившись с этой целью, между прочим, к посредству различных артельных организаций Москвы и Петербурга. Обсуждая это решение, автор пользуется случаем, чтобы опозорить предполагаемых заместителей бастующих московских трамвайщиков, называя их презрительной кличкой «штрейкбрехеров», «штрейкбрехерскими душами», «штрейкбрехерскими молодцами», «штрейкбрехерским сбродом» и т. п. «Теперь началась,— говорится в статье,— скупка (предпочитается оптом) штрейкбрехеров. Идет ходкая продажа шрейкбрехерских душ — через артели. Цены растут, торговля закипает. В Москву куплено 200 штрейкбрехерских молодцов, которых взялась доставить одна Петербургская артель... Артели еще раз выявили свою противорабочую природу. Закабалив себе артельных служащих, которых они пугают тем, что в случае забастовки конфискуют залоги, артели фабрикуют кадры штрейкбрехеров для срыва забастовки».

Заметка «Привет Москве» представляет собою приветствие «кондукторов и вагоновожатых петербургского трамвая» бастующим «московским товарищам» и выражение сочувствия им «в их борьбе с эксплоатацией капитала». В заметке «Завод Новый Лесснер», написанной от имени рабочих названного завода, сообщается следующее: «В 2 часа пополудни вышли рабочие с завода с революционными песнями и прошли по набережной до завода О-ва приготовления военных припасов. Протестуя против московских репрессий над товарищами рабочими трамвайщиками, мы приветствуем их в стойкой борьбе».

Принимая во внимание 1) что под «организаторами» дела Бейлиса в статье «В черном стане» разумеются, как это с очевидностью вытекает из всего содержания статьи, представители правительственной власти и что сообщаемые о них сведения представляются заведомо ложными и имеющими целью возбуждение в населении враждебного к ним отношения, 2) что городской трамвай в столицах и крупных торгово-промышленных центрах должен быть отнесен к числу предприятий общественно необходимых, ибо прекращение или приостановление трамвайного сообщения влечет за собою для городского населения, особенно для бед-

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 362, лл. 137—138.
[2] Статья В. М. Молотова.

нейшей его части, возможность весьма тяжелого бедствия и 3) что осуждение так называемого штрейкбрехерства или, что то же, нежелания поддерживать забастовку, равно как и выражение приветствия и сочувствия бастующим рабочим, является одним из средств, коим рабочие обычно пользуются для того, чтобы воспрепятствовать возобновлению приостановленных забастовкою работ,—С.-Петербургский комитет по делам печати, усмотрев в содержании статьи «В черном стане» признаки преступления, предусмотренного 3 п. 1934[4] статьи улож. о нак., а в содержании статьи «Торговля штрейкбрехерами» и заметки «Привет Москве» признаки преступления, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., постановил: 1) возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Правда труда» по обвинению в преступлениях, предусмотренных 3 п. 1304[4] ст. и 1 п. 1304[3] ст. ул. о нак., против автора статьи «В черном стане», подписавшегося А. Юрьев, по обвинению в преступлении, предусмотренном 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак. и против автора статьи «Торговля штрейкбрехерами», подписавшегося А. Званов, по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак. и 2) наложить на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. арест на № 14 газеты «Правда труда».

VII

«За правду»

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 6 октября 1913 г.[1]

Слушали:

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 5 газеты «За правду»[2], от 6 сего октября, в коем, между прочим, напечатана статья «Средневековье», за подписью А. Юрьев.

Эта статья посвящена происходящему ныне в г. Киеве судебному процессу по делу Бейлиса.

Этот суд, по словам автора, имеет «столь отвратительный характер», что по временам кажется, «будто это дело происходит не в современном нам XX веке, а в мрачных подземельях испанской инквизиции XV и XVI веков».

«В самом деле,— продолжает Юрьев,— что происходит на этом суде и кого там судят».

«На скамье подсудимых сидит Бейлис, но в течение целых заседаний его имя даже не упоминается, как будто речь идет не о нем».

Почему же это так? А потому, что здесь дело вовсе не в Бейлисе, а «в направлении господствующей в стране националистической политики»,— уверяет Юрьев.

Этой политике необходимо, будто бы, в лице еврея Бейлиса, обвинить в ужасном преступлении весь еврейский народ для того, чтобы «вражду и ненависть довести до высшей точки кипения, чтобы поднять в темных массах все самое темное и злобное и направить недовольную народную мысль в сторону от злобы дня политической жизни».

А так как «господствующею в стране» и «повелевающею народными массами» является политика правительственная, то из приведенной выдержки следует, что дело Бейлиса ведется сознательно по ложному пути самим правительством. Что судьба Бейлиса уже заранее предре-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 406, лл. 26—27.
[2] «За правду» выходила в свет с 1 октября по 5 декабря 1913 г.

шена судебною властью, Юрьев видит, между прочим, и в том, что во время судебного заседания товарищ прокурора Виппер «впадает в бешеный восторг», когда кто-либо из свидетелей, как напр. архимандрит Автоном, начинает говорить против евреев.

И, наоборот, автору статьи кажется, что когда на суде выступает Зайцев, Шнеерсон и др. евреи, то «здесь господа-обвинители дают простор своему человеконенавистничеству», а допрос неугодных им свидетелей превращают «в сплошное глумление». «Каждый такой свидетель,— говорится далее,— превращается в своего рода преступника, неизвестно в чем обвиняемого, и допрашивается о вещах, опять-таки никакого отношения к делу Бейлиса не имеющих».

«Но ведь за этим судом,— прибавляет Юрьев в заключение статьи,— происходит другой суд — всей страны и всего культурного человечества над тем, кто з а т е я л дело Бейлиса.

И каков бы ни был приговор Киевского суда, все, что есть мыслящего и сознательного в стране, уже произнесло свой тяжкий приговор над темными силами, пытающимися окунуть страну в мрак средневековья».

Таким образом из приведенных выдержек следует, что автор статьи грозит «судом всей страны», «темным силам» и «господствующей в стране политике», т. е. органам правительственной власти, и предъявляет им целый ряд обвинений: органы власти, по его словам, затеяли дело Бейлиса с предвзятыми целями «усилить национальную вражду» и «отвлечь народную мысль от политической жизни», они будто бы сознательно ведут правосудие по ложному пути, прибегают к приемам «человеконенавистничества» и не считаются с требованиями закона и справедливости.

Обсудив изложенное и принимая во внимание, во-первых, что в содержании статьи «Средневековье» заключаются заведомо ложные сведения о деятельности русского правительства и должностных лиц, с целью возбуждения в населении враждебного к ним отношения, во-вторых, что преступное деяние это предусмотрено 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду» и автора статьи, подписавшегося А. Юрьевым, по обвинению их в преступлении, предусмотренном 3 п. 1934[4] ст. ул. о нак., наложив арест, на основании 1213[10] ст. уст. ут. суд, на № 5 газеты «За правду».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 15 октября 1913 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 10, от 15 октября 1913 года, газеты «За правду», в котором напечатана, в отделе «Рабочее движение» статья, под заглавием: «У металлистов. Путиловский завод».

В названной статье излагаются требования, предъявленные слесарями механической мастерской Путиловского завода, и приводится ответ начальника этой мастерской, заявившего, что «забастовка механической мастерской вреда никакого заводу не принесет, ибо работы этой мастерской будут отданы в другие». В ответ на это заявление «слесаря единодушно решили бастовать до полного удовлетворения всех требований». Автор сообщает, что слесаря объявили «работы и места под бойкотом»

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 4, 1913 г., лл. 76—77.

и этим оповещением возбуждают других рабочих не становиться на места забастовавших слесарей и не выполнять их работ.

Далее автор говорит, что слесаря «обращаются к солидарности товарищей других мастерских и просят не принимать работ механической мастерской».

В приведенных словах содержится прямое обращение к рабочим других мастерских с призывом не выполнять работ Путиловского завода, вследствие чего создается приостановление деятельности этого завода. Между тем Путиловский завод, согласно сообщению морского министерства от 28 июня 1913 года, выполняет заказы названного министерства и принадлежит к числу предприятий, невозобновление или приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства.

Принимая во внимание, что в статье «У металлистов. Путиловский завод» заключаются признаки преступления, предусмотренного 1 п. 1934[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак. и наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 10 газеты «За правду».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 22 октября 1913 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 16 газеты «За правду», от 22 октября 1913 г., в котором напечатаны статьи: 1) «К положению служащих трактирного промысла» и 2) в отделе «Рабочая жизнь» статья: «Завод «Новый Айваз».

В статье: «К положению служащих трактирного промысла» автор описывает бедственное положение служащих в трактирах и ресторанах, труд которых эксплоатируется гораздо больше, чем заводских рабочих.

«Как каторжники,— говорит автор,— прикованы к своей тачке, так и мы, служащие трактирного промысла, прикованы днем и ночью, в будни и праздник к своему прилавку, не зная ни отдыха, ни срока». За свой непосильный труд эти служащие получают грошовое вознаграждение. «А что ждет нас под старость,— продолжает автор,— когда капитал вымотает из нас все соки, все силы? Полная необеспеченность нас самих и нашей семьи, полное нищенство».

По мнению автора, служащим трактирного промысла, для борьбы с эксплоатацией хозяев, необходимо сплотиться в профессиональный союз, который объединит их в «общую пролетарскую семью» и поможет им выбраться из «тяжелого бесправного положения». «Мы такие же наемные рабы капитала и только сами не можем улучшить свое положение,— говорит автор,— а мы нередко стараемся подставить друг другу ногу и нашими дрязгами только облегчаем хозяевам возможность нас эксплоатировать».

В приведенных выдержках содержится противопостановление служащих в трактирах своим хозяевам, как врагам и эксплоататорам, чем и возбуждается между ними вражда.

Статья: «Завод «Новый Айваз» заключает в себе обращение рабочих этого завода за помощью к петербургским рабочим по случаю увольнения их заводской администрацией после забастовки на заводе. «Мы верим,— говорит автор,— что не только в дни радостного воодушевле-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 406, лл. 99—100.

ния борьбой сказывается наша рабочая солидарность, но и в скорбные моменты отступлений перед вечно ненасытным, бездушным капиталом. Ведь всякая поддержка в эти черные дни кует оружие для новых светлых времен».

Из приведенных выдержек видно, что рабочие, сами создавшие весьма продолжительную забастовку на заводе «Новый Айваз», называют себя страдальцами от «вечно ненасытного, бездушного капитала», подразумевая в этих словах хозяев. Те же рабочие с целью большего возбуждения вражды к хозяевам, указывают товарищам, что материальная помощь для них теперь «кует оружие для новых светлых времен», т. е. даст им возможность продолжать борьбу.

Принимая во внимание, что в статьях «К положению служащих тракторного промысла» и «Завод «Новый Айваз» содержится возбуждение в рабочем классе враждебных чувств к хозяевам-капиталистам, С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению в преступлении, предусмотренном 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 16 газеты «За правду» [1].

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 24 октября 1913 г. [2]

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 18 газеты «За правду», от 24 сего октября, в коем, между прочим, напечатаны статьи: 1) «Киев. К общему собранию союза прачешников» (в отделе «Профессиональные союзы»), 2) «На городском трамвае. 10-ти процентная прибавка» и 3) стихотворение «Металлист» (последние два в отделе «Рабочая жизнь»).

Указанные статьи и стихотворение, хотя и принадлежат различным авторам, но по содержанию своему являются тождественными.

В них проводится общая мысль, что только капиталистам-предпринимателям живется хорошо. Иное дело — мир рабочих. Здесь царит бедность и эксплоатация рабочего люда его хозяевами. «Незавидная наша доля»,— говорит автор первой статьи.— «Непроглядная тьма окутывает нас. Мы являемся игрушкой в руках наших хозяев, которые делают с нами, что хотят. Они заставляют нас работать по 14 часов в день и больше, часто в подвальных этажах, сырых и темных». «Плата, которую мы получаем,— говорится далее,— за наш нечеловеческий труд так мала, что мы обречены на жалкое, голодное существование. Кроме того, нам еще платят за наш труд презрением, на нас смотрят, как на людей низшей породы».

Проводя столь резкую параллель между классом предпринимателей и миром рабочих и называя первых угнетателями и эксплоататорами, а рабочих «бессловесными существами, из которых выжимаются последние соки», автор статьи приходит к тому выводу, что прачешникам (о них именно идет речь в статье) необходимо сорганизоваться и «слить разрозненные силы в один поток, который часто сносит такие камни, о коих часто отдельному рабочему и подумать страшно».

Таким образом в приведенных словах нельзя не видеть возбуждения в рабочих вражды к их хозяевам-предпринимателям, с целью борьбы с ними.

---

[1] Конфискованные экземпляры № 16 были уничтожены на основании приговора СПБ судебной палаты от 8 мая 1914 г.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., 1913 г., д. № 406, лл. 109—110.

В таком же возбуждающем тоне написана и вторая статья «На городском трамвае».

В ней автор, указывая на тяжелое положение и на материальную необеспеченность служащих на с.-петербургском городском трамвае, дает волю своему гневу против фактических хозяев трамвая — членов с.-петербургской городской думы, которых и называет «севрюжниками» и «толстодумцами». Городская администрация, по словам автора, не только не желает будто бы облегчить тяжелое материальное положение трамвайных служащих, но сознательно отдает их на съедение особых артелей, которые «собирают потом и кровью заработанные наши рубли и занимаются поставкой штрейкбрехеров». «Нет, товарищи,— продолжает автор,— нам надеяться нечего... мы ничего от наших толстодумцев не получим... Мы должны сорганизоваться, чтобы считались с нашими требованиями».

В указанной статье также проводится резкое противопоставление интересов предпринимателей интересам рабочих — служащих, что не может, в свою очередь, не обострять их взаимных отношений и не вызывать вражды к первым. Между тем, такая вспышка вражды со стороны служащих на городских трамваях обычно ведет к приостановлению движения, что составляет уже общественное бедствие.

Как бы завершением всего изложенного является небольшое стихотворение «Металлист», где читаем:

«Мы живем меж станков и в пыли,
Не сгибая спины и привода;
Мы — царя-капитала рабы,
Мы сыны трудового народа.
Целый век мы работать должны,
За душой ничего не имея...
Наше счастье еще впереди,
Все мы верим, что будет светлее.

В приведенном стихотворении уже все рабочие — «царя-капитала рабы» — призываются к массовому объединению для борьбы «за счастье» и «светлое» будущее со своими хозяевами-предпринимателями и со всем капиталистическим строем.

Обсудив изложенное и принимая во внимание, 1) что в содержании статей: 1) «Киев. К общему собранию союза прачешников», 2) «На городском трамвае» и 3) стихотворения «Металлист» заключаются указания на возбуждение в рабочих вражды к их хозяевам с целью борьбы с ними, 2) что преступное деяние это предусмотрено 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив арест на № 10 этой газеты на основании 1213 [10] ст. уст. уг. суд.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 29 октября 1913 г. [1]

Слушали:

В № 22, от 29 октября, ежедневной рабочей газеты «За правду» помещена статья, под заглавием: «Бейлис оправдан».

Статья эта написана по поводу оправдательного приговора, вынесенного присяжными заседателями по делу еврея Бейлиса, обвинявшегося в убийстве мальчика Андрея Ющинского. Автор доказывает,

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 406, 1913 г., лл. 153—154.

что оправдание Бейлиса неизбежно должно привести общественное сознание к вопросу о том, кто истинные «творцы бейлисовского дела» и какого отношения заслуживают они со стороны русского народа и общества. Отвечая на этот вопрос, он с крайним возмущением и негодованием говорит о том, что дело Бейлиса было создано «без всякой тени юридических оснований» с целью поселить раздор между еврейским и русским народом в интересах политической реакции. «Созданное,— говорится в статье,— в потемках реакции, в пору безудержного разгула животного национализма, объединившего собою подонки преступного мира городских окраин с лощеными депутатами дворянских союзов, призванных к власти переворотом 3 июня, это дело о ритуальном убийстве должно было сразу ударить и по евреям и по христианам и создать новую опору для реакции. На разделении, на разжигании предрассудков, на эксплоатации темных суеверий желала реакция укрепить свое могущество. Дельцы реакции сознательно и предумышленно, безо всякой тени юридических оснований, создали, так называемое «дело Бейлиса» с единственной целью разжечь националистические страсти, поселить раздор между еврейским и русским народом и укрепить свое господство путем обмана и одурачивания темных масс. Господа третье-июньской системы погрузили Россию в такое состояние, когда в ней возможны средневековые процессы, они предоставили все свои силы в распоряжение черносотенного хамства и всеми силами боролись против раскрытия истины в этом деле... Оправдан Бейлис. Но оправданы ли те, кто в политических целях создал это кошмарное дело. Оправдана ли та система, при которой возможен такой позор, такое страшное, кошмарное дело. Нет, не оправдана! Творцы бейлисовского дела постарались оставить для погромщиков и политических воротил возможность продолжать свою травлю. Но страна ответила им тем же, чем ответила на дело Бейлиса. Страна уже вынесла свой обвинительный вердикт тем, кто надеялся на этом деле построить свое временное благополучие. Бейлис оправдан! На скамью подсудимых посажена была третье-июньская система».

Принимая во внимание, что выражениями «реакция», «дельцы реакции», «третье-июньская система», «господа третье-июньской системы», как это с очевидностью вытекает из всего содержания статьи, автор обозначает не одни только консервативные круги общества, но и правительственную власть и ее действия, и что утверждения его о побуждениях, какими руководилась власть при возбуждении дела еврея Бейлиса, несомненно, являются заведомо ложными, возбуждающими в населении враждебное отношение к правительству, С.-Петербургский комитет по делам печати, усмотрев в содержании названной выше статьи признаки преступления, предусмотренного 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак., постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 22 газеты «За правду».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 6 ноября 1913 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 29, от 6 ноября 1913 года, газеты «За правду», в котором напечатаны статьи:

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 406, 1913 г., лл. 159—160.

1) «Судят», 2) «Митинг на Путиловском заводе» (в отделе «Политические стачки») и 3) «Путиловский завод» (в том же отделе).

Все названные статьи написаны по поводу рассмотрения в С.-Петербургском окружном суде 6 ноября дела о 6 рабочих по обвинению их в участии в наказуемой стачке и в возбуждении к таковой же стачке. Первая из этих статей содержит в себе руководящие положения по рассматриваемому вопросу, а остальные две дополняют ее фактическими указаниями.

Автор первой статьи говорит: «...конечно, не рабочим ждать логики от классового суда, тем более нашего, о беспристрастности которого не будем говорить. Стремление во что бы то ни стало, не мытьем, так катаньем, задушить стачечную борьбу, выступило во всей своей наготе. А сейчас творится расправа над рабочими...»

В приведенной выдержке подрывается доверие к суду посредством распространения о нем сведений о его классовом характере, отсутствии у него беспристрастности, о творимой им, будто бы, расправе, каковые сведения являются совершенно огульными и заведомо ложными, направленными к возбуждению в населении враждебного отношения к должностным лицам судебного ведомства.

В той же статье далее автор заявляет: «Для пролетариата должно быть ясно, что ни Дума, ни слезливые вопли о свободе коалиций, которые слышатся нередко в рядах либералов разных цветов, не смогут парализовать реакционных покушений на рабочих за стачки. Сегодня судят стачечников. Пролетариат тоже не останется глухим к этому открытому реакционному вызову, он вынесет и свой приговор».

Такими заключительными словами первой статьи автор ее подстрекает рабочих не оставаться глухими к вызову и вынести свой приговор.

Способы осуществления такого образа действий указаны рабочим в остальных двух статьях, где говорится, что на митинге рабочих Путиловского завода «приняты три резолюции: 1) протест против суда над забастовщиками; 2) против закона о страховании; 3) против гонений на освободительное движение пролетариата» и что, кроме того, решено в виде протеста забастовать 6 ноября. В принятых резолюциях, поясняется далее, отмечено, что «это дело не только обуховских рабочих, а дело всех российских рабочих, у которых хотят отнять возможность добиться лучших условий труда».

Из приведенных выдержек явствует, что рабочим Путиловского завода сообщается о состоявшемся решении забастовать и что для более успешного воздействия на них указывается им на важность дела для всех российских рабочих, чем рабочие Путиловского завода и возбуждаются к приостановлению работ, как к форме выражения протеста.

Между тем Путиловский завод, согласно сообщенному 28 июня 1913 года списку морского министерства, выполняет казенные заказы и принадлежит к числу предприятий, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства.

Принимая во внимание, что в содержании статей: 1) «Судят», 2) «Митинг на Путиловском заводе» и 3) «Путиловский завод» заключаются признаки преступных деяний, предусмотренных в первой статье — 3 п. 1034^4 ст. и 1 п. 1034^3 ст. ул. о нак. и в остальных двух статьях — 1 п. 1034^3 ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 1 п. 1034^3 и 3 п. 1034^4 ст. ст. ул. о нак. и наложить, на основании 1213^{10} ст. уст. уг. суд., арест на № 29 газеты «За правду».

Постановление С.-Петербургского комитете по делам печати, 16 ноября 1913 г.[1]

На рассмотрение С.-Петербурского комитета по делам печати поступил № 37 газеты «За правду», от 16 сего ноября, в коей в отделе «В Российской с.-д. рабочей фракции» напечатана статья, под заглавием «Из письма политического ссыльного с.-д. депутату Муранову».

Автор этого письма обрисовывает в ужасных красках положение ссыльных и заключенных в русских тюрьмах вообще и в харьковской в частности. По его словам, нельзя не содрогаться «от невыразимого ужаса, нельзя подумать, чтобы не сжалось мучительною болью сердце о том, что наши товарищи в тюрьмах, где бросают голодных в мокрые, холодные, грязные и вонючие карцера и порют розгами или загоняют в глухую местность Сибири и оставляют без одежды, квартиры и хлеба».

Таким образом в приведенных словах автор статьи предъявляет русскому правительству весьма тяжкие обвинения в человеконенавистничестве и «в создании невыносимых условий» для заключенных в тюрьмах, где, будто бы, истязают, калечат и морят голодом преступников.

Такое огульное, не основанное на фактах и заведомо ложное освещение деятельности русского правительства вообще и чинов тюремного ведомства в частности несомненно рассчитано на возбуждение в населении враждебного к ним отношения.

В виду изложенного и принимая во внимание: 1) что в содержании статьи «Из письма политического ссыльного с.-д. депутату Муранову» приводятся заведомо ложные сведения о деятельности русского правительства с целью возбуждения в населении вражды к нему, 2) что преступное деяние это предусмотрено 3 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 3 п. 1034[3] ст. ул. о нак., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 37 этой газеты.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 27 ноября 1913 г.[2]

Слушали:

В № 45, от 27 сего ноября ежедневной рабочей газеты «За правду» в отделе «Рабочее движение. Стачки» помещена статья под заглавием «Фабрика Эриксон».

В статье этой сообщаются сведения по происходящей в настоящее время забастовке рабочих на фабрике Эриксон. Упомянув о том, что забастовка на названной фабрике продолжается 35-й день и что настроение бастующих стойкое, автор говорит затем следующее: «Администрация питает розовые надежды, в виду приближения праздника. Но надежды администрации так и остаются надеждами. При таких условиях все равно ничего не будет. Для нас праздник будет тогда, когда добьемся удовлетворения своих требований. Администрация рассылает письма некоторым рабочим с приглашением встать на работу. На состоявшемся 26 ноября собрании решено стачку продолжать до полного удовлетворения всех требований».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 406, 1913 г., лл. 224—225.
[2] Там же, лл. 266—267.

Из приведенных слов видно, что, излагая сведения о фактическом положении в настоящее время дел на фабрике Эриксон, автор статьи придает своему изложению в значительной степени агитационный характер. Во-первых, выражением уверенности, что рабочие останутся тверды в своих требованиях и, несмотря на рассылаемые, в расчете на приближение праздников, администрацией письма с приглашением стать на работу, не оправдают ее надежд, он явно старается поддержать в бастующих «стойкое настроение»; во-вторых, оповещение о состоявшемся решении «стачку продолжать до полного удовлетворения предъявленных требований» указывает рабочим, что продолжение забастовки является для них обязательным и что в силу этого решения они не должны приступать при настоящих условиях к возобновлению приостановленных ими работ.

На основании изложенного и принимая во внимание, что на фабрике Эриксон в настоящее время исполняются заказы морского министерства, необходимые для целей государственной обороны, С.-Петербургский комитет по делам печати, усмотрев в содержании названной выше статьи признаки преступления, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 45 газеты «За правду».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 5 декабря 1913 г.[1]

Слушали:

В № 52, от 5 декабря, ежедневной рабочей газеты «За правду», помещены статьи, под заглавием: 1) «Общее собрание мануфактуристов» (в отделе «Профессиональные союзы») и 2) «Завод Айваз (прицелочное отделение). Женщины металлистки» (в отделе «Рабочая жизнь»).

В первой из этих статей описывается общее собрание профессионального союза приказчиков-мануфактуристов и приводится следующая резолюция, принятая собранием по докладу правления союза и по вопросу о 8-часовом рабочем дне. «Общее собрание, выслушав доклад правления, признает, что при существующих в стране политических и экономических условиях оно вполне удовлетворительно выполнило возложенную на него задачу в деле развития деятельности о-ва (приказчиков-мануфактуристов). Вместе с тем из доклада же правления общее собрание ясно видит, что правлению в его задаче сплотить и организовать пролетариат прилавка, поставлено сильное препятствие в виде существующего невозможно длинного рабочего дня для торгово-служащих. Вследствие этого общее собрание, указывая на немедленную необходимость борьбы торговых служащих за 8-часовой рабочий день, подчеркивает, что всестороннее развитие профессионального движения возможно лишь с проведением в жизнь всех неурезанных требований пролетариата. Путь же, по которому должен итти торговый пролетариат для осуществления как 8-часового рабочего дня, так и других требований пролетариата, есть путь, общий всему рабочему классу. В виду этого общее собрание предлагает всем торговым служащим Петербурга стать на этот путь классового рабочего движения».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 406, 1913 г., лл. 300—301.

Приведенная резолюция, несмотря на сравнительную умеренность выражений, в которой она изложена, по существу представляет собою революционный призыв, обращенный к служащим различных торговых предприятий. Она содержит в себе не простое указание на необходимость для названных служащих добиваться 8-часового рабочего дня, но и возбуждение их к деятельному участию в борьбе рабочего класса за осуществление так называемых неурезанных требований пролетариата, или, что то же, за осуществление полной программы Российской социал-демократической рабочей партии.

Вторая статья представляет собою корреспонденцию с металлического завода Айваз и в большей части своего содержания является описанием тяжелого положения женщин, работающих на названном заводе. Причину такого положения женщин-работниц автор корреспонденции видит исключительно в крайне жестокой эксплоатации, какой вообще подвергаются рабочие со стороны хозяев-капиталистов. Упомянув о том, что «2 декабря в 4 часа дня работница 6 операции рамки отрезала 3 пальца», автор говорит следующее: «Без пальцев! Можно ли представить более страшное для нас — пролетарок, как остаться без пальцев. Ведь не из-за радости мы нанимаемся у г.г. фабрикантов Айваза и других. Малый заработок мужей, бедность семьи толкают нас во все отрасли труда, на службу капиталу, высасывающему из нас все силы, убивающему молодость, и который, искалечив, пускает «по миру». Почему зашевелились г.г. и Куркевичи, Вейсы и их приспешники? О, их не пугает обрызганный человеческой кровью станок и куски мяса, вертящиеся на фрейзере станка. Разве это им в диковинку! Мало ли «несчастных случаев», лишающих нас рук, ног, глаз и целой жизни?! Зашевелились не потому, что работница оторвала пальцы, а то, что станок будет стоять несколько часов, что работнице придется платить во время болезни, и в конце придется уплатить за обрезанные пальцы жалкие гроши. Разве г.г. Куркевичи и Вейсы шевелились, когда на днях одному работнику ободрало покровы рук о шпинек номерной доски? Да, здесь можно взвалить на некультурность рабочих, что они толкаются при выходе. Ну, разве хозяева позаботились о том, чтобы выход из завода не сопровождался увечьями. Им и в голову не может придти это».

Из приведенных слов видно, что написанная по поводу происшедшего на заводе Айваз с одною из работниц несчастного случая статья заключает в себе общее осуждение капиталистов-предпринимателей за их отношение к представителям труда. Осуждение это, изложенное в столь резкой форме, может возбуждать в среде рабочих лишь чувства вражды и непримиримой ненависти по отношению к хозяевам.

На основании изложенного и принимая во внимание, что осуществление полной программы социал-демократической рабочей партии предлагает, как необходимое условие, насильственное ниспровержение существующего государственного строя, С.-Петербургский комитет по делам печати, усмотрев в содержании названных выше статей признаки преступлений, предусмотренных — в отношении первой статьи 1 п., а в отношении второй — 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «За правду», по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 1 и 6 пп. V ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] уст. уг. суд., арест на № 52 газеты «За правду»[1].

[1] 20 декабря 1913 г. судебная палата утвердила арест на № 52.

VIII

«Пролетарская правда» [1]

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 7 декабря 1913 г. [2]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 1 рабочей газеты «Пролетарская правда», от 7 декабря 1913 г., в котором напечатаны статьи и заметки: 1) в отделе «Стачки» статья под заглавием: «У металлистов. Обуховский завод», 2) «Отчет казначея российской социал-демократической рабочей фракции. В фонд обуховцев» и 3) в отделе «Рабочая хроника» заметка «Обуховцам».

В первой из названных статей сообщается о том, что забастовка рабочих на Обуховском заводе продолжается 24 дня и что переговоры коллектива старост с новым начальником завода не привели к удовлетворению «ни одного требования» из предъявленных бастующими рабочими, настроение которых автор изображает следующим образом: «Настроение среди рабочих, благодаря «царю-голоду»,— говорит он,— такое: одни предлагают — если не будут удовлетворены все требования, приступить к работам, но не больше, как на 1—2 мес., а потом опять забастовать. Другие настаивают бастовать до тех пор, пока не удовлетворят все требования». Статья заканчивается сообщением о том, что «количество нуждающихся с каждым днем все увеличивается». В остальных двух заметках сообщается о пожертвованиях «в пользу обуховцев», поступивших от рабочих других заводов и фабрик.

Из приведенных выдержек видно, что бастующие рабочие Обуховского завода настаивают на невозобновлении прерванных работ в продолжение неопределенного времени, «пока не удовлетворят все требования», причем в первой из указанных статей обращается внимание рабочих на необходимость для обуховских забастовщиков материальной поддержки, а в остальных заметках указывается на поступление предназначенных для этой цели сумм и на продолжающуюся выдачу денежных пособий бастующим рабочим. В виду этих обстоятельств вышеозначенные статьи являются по существу воззваниями о пожертвованиях для поддержания бастующих рабочих Обуховского завода. Такого рода пожертвования, несомненно, имеют своим ближайшим назначением способствовать невозобновлению работ бастующими рабочими. Между тем Обуховский завод, как видно из сообщенного 28 июня перечня морского министерства, выполняет заказы этого ведомства, является казенным заводом и принадлежит к числу предприятий, невозобновление прекращенной деятельности которых угрожает безопасности государства.

В виду изложенного, усматривая в содержании статей, помещенных в газете «Пролетарская правда», под заглавиями: 1) «Отчет казначея российской социал-демократической рабочей фракции. В фонд обуховцев», 2) «Обуховцам» (в отделе «Рабочая хроника») и 3) «У металлистов. Обуховский завод» (в отделе «Рабочее движение»), признаки преступления, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное

---

[1] «Пролетарская правда» выходила в свет с 7 декабря 1913 г. по 21 января 1914 г.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 493, 1913 г., лл. 24—25.

преследование против редактора газеты «Пролетарская правда», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак. наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 1 названной газеты.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 8 декабря 1913 г.[1]

Слушали:

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 2 газеты «Пролетарская правда», от 8 сего декабря, в коем, в отделе «Государственная дума», напечатаны статьи: 1) «Речь с.-д. Петровского» и 2) «Речь с.-д. Бадаева».

В первой из указанных речей депутат Петровский, говоря с думской трибуны по поводу запроса об арестах уполномоченных от рабочих в больничные кассы, так заключает свое слово: «Если ни Дума, ни правительство не считают возможным защищать интересы рабочего класса, то, само собою, у рабочих напрашивается решение, что они должны бороться и против правительства, и против Думы. Чем больше в долгий ящик вы будете откладывать наши запросы, — продолжает газета,— тем скорее рабочий класс придет к этому решению, тем скорее вопрос о спешности будет вынесен на улицу, тем скорее пойдет в порядке спешности развитие пролетарского движения в России».

Таким образом в приведенных словах газеты устами депутата Петровского, пролетариат приглашается к «спешности развития пролетарского движения», чтобы диктовать свою волю русскому правительству и законодательным учреждениям на улице, т. е. путем насильственным и революционным, путем изменнических и бунтовщических действий.

Та же мысль довольно определенно проводится и в речи с.-д. Бадаева, произнесенной в Государственной думе 7 сего декабря и напечатанной в том же отделе «Государственная Дума».

После угроз названного депутата по адресу русского правительства, которое, по его словам, «построено на провокации и произволе», газета далее приводит следующие заключительные слова речи Бадаева: «Имейте в виду, что приближается время, когда рабочие потребуют и вас к ответу, и когда будет ответ, может быть, слишком поздним. Мы знаем, что рабочие вас заставят на улице дать им верный ответ».

В приведенных словах из речи Бадаева рабочие также приглашаются «на улицу, чтобы заставить» насильственным, конечно, путем, и правительство, и Думу дать ответ за свои действия перед угнетаемым, будто бы, пролетариатом.

В последней выдержке нельзя не видеть призыва к бунтовщическим деяниям «на улице», направленным на ниспровержение существующего государственного правопорядка России, каковое деяние предусмотрено 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул.

Принимая во внимание, что речи с.-д. Петровского и Бадаева напечатаны на страницах «Пролетарской правды» вне связи с речами ораторов других партий и представляют собою совершенно односторонее сокращение стенографического отчета заседания Государственной думы от 7 сего декабря, необходимо притти к заключению, что эти две речи не должны пользоваться иммунитетом депутатских речей, согласно решению уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 11 декабря 1907 года по делу Федорова, а подлежат рассмотрению на общем основании уголовного закона.

---

[1] Главное управление по делам печати, 1 отд., д. № 493, 1913 г., лл. 18—19

В виду всего изложенного, усматривая в содержании статей 1) «Речь с.-д. Петровского» и 2) «Речь с.-д. Бадаева» признаки преступления, предусмотренного 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Пролетарская правда» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 2 газеты «Пролетарская правда».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 31 декабря 1913 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 18, от 31 декабря 1913 года, газеты «Пролетарская правда», в котором напечатана статья «Гильзовый отдел Патронного завода».

Названная статья начинается с описания тяжелых условий работы на Патронном заводе, в следующих выражениях: «Многое еще можно написать из наших казарменных застенков. Даже люди вполне покорные, забитые и те не выдерживают и начинают жаловаться. Администрация к нуждам и стонам забитых рабочих относится равнодушно, и до сих пор остаются повелевать рабочими господа Подвольские во главе с Рублевским».

Изобразив такое угнетение рабочих, автор статьи замечает: «Не выдержали у нас установщики штрафов и притеснений и в августе месяце забастовали в количестве 70 человек... Нашлись штрейкбрехеры,— укоряет автор,— продавшие рабочие интересы, которые нанялись в рабство и кабалу и теперь испытывают на своей спине наши порядки». «... Беспощадно был задавлен,— продолжает автор,— протест наших рабочих и теперь у нас остались одни шрейкбрехеры и женщины. Последних около 1 000 человек, набранных из прислуг и провинциалок, не сознающих своих интересов и не способных ни к какой борьбе... Здесь-то и открывается широкий простор для наших самодуров».

Из приведенных выдержек явствует, что автор статьи указывает рабочим Патронного завода на их рабское, кабальное положение, оправдывает этим их положением бывшую в августе забастовку установщиков и упрекает штрейкбрехеров и женщин-работниц за возобновление ими работ и за их неспособность к борьбе. Таким образом автор оказывает воздействие на рабочих и работниц Патронного завода с тою целью, чтобы внушить им сознание предательства с их стороны по отношению к забастовщикам и возбудить их описанием их кабальной зависимости против заводской администрации, чем и подстрекает их к прекращению работ.

Между тем Патронный завод выполняет заказы военного ведомства и принадлежит к числу предприятий, прекращение деятельности которых угрожает безопасности государства.

Принимая во внимание, что в содержании статьи «Гильзовый отдел Патронного завода», напечатанной в № 18 газеты «Пролетарская правда», заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Пролетарская правда» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак. и наложить на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд. арест на № 18 газеты «Пролетарская правда».

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 493, 1913 г., лл. 59—60.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 16 января 1914 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 12 (30), от 16 января 1914 года, газеты «Пролетарская правда», в котором напечатаны статьи: 1) «У металлистов, Обуховский завод», 2) «Сбор Орудийного завода в пользу безработных семей» (обе статьи в отделе «Рабочее движение»), 3) «В Невском районе» (в отделе «Хроника») и 4) «Помощь обуховцам» (в отделе «Из жизни рабочих»).

Названные четыре статьи написаны по поводу забастовки на Обуховском заводе. В первой статье говорится: «Забастовка продолжается с 12 ноября. Настроение такое: 13 января почти все обуховцы в 9 час. утра вышли к заводу для обсуждения некоторых вопросов, связанных с забастовкой. Главный вопрос заключается в том, что рабочие прокатной мастерской вышли на работу, благодаря агитации старших — молотовой мастерской, а также и других личностей, которые заколебались и ведут агитацию за ликвидацию забастовки... Несколько групп решили: 1) держаться до тех пор, пока хватит сил, 2) если появится еще объявление, то не бросаться «записываться», а собраться и обсудить всем, 3) порицание несознательным, которые записались, и не подавать руки тем, которые считают себя сознательными, а между тем записались, 4) тов. путиловцам надо вспомнить 1904 год, как им помогали тогда, 5) если могут товарищи С.-Петербурга взять детей забастовавших на прокормление, могут давать адреса по назначению, куда сдавалась денежная помощь... Интересно еще отметить, что городовые, разгоняя толпы рабочих 13 января, смеялись, что «обуховцы с ума сошли, заколебались тогда, когда уже показали им кончик удовлетворенных требований». Объясняется это тем, что ходят упорные слухи,— идущие от администрации,— что все уже готово с объявлением (удовлетворено несколько пунктов), только стоит вывесить, но почему-то не решаются». Остальная часть первой статьи содержит в себе отчет о поступивших в пользу бастующих обуховцев пожертвованиях от рабочих целого ряда заводов.

Таким же отчетом является и вторая статья, заключающая в себе сведения о суммах, собранных в пользу бастующих рабочих на Орудийном заводе.

В третьей статье приведена следующая резолюция «организованного коллектива металлистов»: «В виду того, что среди тов. обуховцев появляется кризис,— долг каждого тов. г. Петербурга отчислить часть из своего скудного заработка на голодающих товарищей, так как продолжать забастовку 4 месяца с перерывом на 5 недель очень тяжело».

Однородная резолюция напечатана и в последней статье. Представителями 12 заводов «вынесено приветствие бастующим товарищам и пожелание бодрости их истощенным силам. В поддержку же им решено всеми присутствующими провести сборы по заводам с отчислением полудневного заработка в пользу бастующих обуховцев».

В приведенных выдержках, с одной стороны, указывается бастующим обуховцам на близость уступок заводской администрации и выносится резкое порицание и прямое отчуждение от своей среды рабочим, ставшим уже на работы, с другой же, обращается внимание всех петербургских рабочих на поступившие пожертвования в пользу обуховцев и на необходимость дальнейшей материальной поддержки забастовщиков, вследствие чего рабочие Обуховского завода побуждаются к невозобновлению прекращенных работ.

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 493, 1913 г., лл. 114—115.

Между тем Обуховский завод является казенным и выполняет, согласно сообщенному 28 июня 1913 года списку морского министерства, заказы названного ведомства, а поэтому принадлежит к числу предприятий, невозобновление деятельности которых угрожает безопасности государства.

Принимая во внимание, что в содержании статей: 1) «У металлистов. Обуховский завод», 2) «Сбор Орудийного завода в пользу безработных семей», 3) «В Невском районе» и 4) «Помощь обуховцам», напечатанных в № 12 (30) газеты «Пролетарская правда», заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Пролетарская правда» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., и наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 12 (30) газеты «Пролетарская правда».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 18 января 1914 г.[1]

Слушали:

В С.-Петеребургский комитет по делам печати поступил № 13, от 17 января 1914 года, газеты «Пролетарская правда», в котором напечатаны под общим заглавием: «Путиловский завод», статьи, начинающиеся словами: 1) «Сдано в Рос. с.-д. рабочую фракцию...» и 2) «У нас в башенной мастерской...».

В первой статье говорится, что на Путиловском заводе собрано 50 руб. в фонд бастующих, под которыми, очевидно, разумеются забастовщики из числа Путиловского завода, где, как известно, еще не возобновлены работы забастовавшими рабочими. Вместе с тем в статье обращается внимание на то, что «собранная сумма совершенно ничтожна в сравнении с громадной нуждой бастующих и с их большим количеством».

Во второй статье снова сообщается о происходящих сборах в пользу бастующих, причем отмечается, что «большое участие проявляют партия слесарей Еремеева и котельный цех; стачечники же, как и всегда, поддерживают очень скупо». Вслед за этим делается следующее укоризненное замечание: «О партии слесарей Князеля и говорить не стоит».

Таким образом в приведенных выдержках сообщается о недостаточности пожертвований в пользу бастующих рабочих Путиловского завода и делается укор рабочим, уклоняющимся от участия в пожертвованиях, чем рабочие побуждаются к отчислению из своего заработка сумм в пользу путиловских забастовщиков с целью предоставления им средств к дальнейшему невозобновлению работ. Между тем Путиловский завод, согласно сообщенному 28 июня 1913 года списку морского министерства, выполняет заказы названного ведомства и принадлежит к числу предприятий, невозобновление деятельности которых угрожает безопасности государства.

Принимая во внимание, что в содержании напечатанных в № 13 газеты «Пролетарская правда» под общим заглавием: Путиловский завод» статей, начинающихся словами: «Сдано в Рос. с.-д. рабочую фракцию...» и «У нас в башенной мастерской»... заключаются признаки преступления, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Пролетарская правда», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак.,

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 493, 1913 г., лл. 120—121.

и наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 13 газеты «Пролетарская правда».

Из постановления С.-Петербургского комитета по делам печати, 18 января 1914 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 14, от 18 января 1914 года, газеты «Пролетарская правда», в котором напечатана статья «Деревня Кульнево» (Тверск. губ., Кашинского уезда).

В названной статье описывается бедственное положение крестьян и отношение к ним других более состоятельных классов населения, а главным образом — помещиков. «Плохо живется труженику-мужику в деревне зимою,— говорит автор статьи...— К весне-то нужно приготовить для посева семян, а где их взять, когда только еле-еле самому хватает с семейством для прокормления, и то впроголодь. И приходится труженичку итти с поклоном к богачу-кулаку... После долгой просьбы и поклонов богач-кулак делается «милостив» и дает в долг семян на выгодных ему условиях, а после получения семян остается один вопрос: где их посеять, когда своей землицы мало? Идет мужичок от одного помещика к другому — у одного получит семян, у другого выклянчит землицы... Вот и осень пришла желанная. И берет труженик с поля хлебец и начнет его молотить... Тут он слышит крик: «Тятька, поп за новью приехал». Это все равно, как Мамай за данью пришел... Не успел труженик расплатиться с попом, как глядишь и старшина в деревню: оброк давай. И вот вместо того, чтобы мужику-труженику хлеб убрать для своего запаса, приходится сперва продать и все подати и налоги отдать, а себе-то на зиму что останется?.. Что же за причина всему этому мытарству? Все мужики-труженики ответят. «Малоземелье, землицы мало, земли нет». Хотя и много около нашей деревни земли — и глазом не взвидишь, но вся помещиков. Около деревни Кульнево — 6 поместий насажено, как муравьев, и все помещики желают, т. е. стараются прижать мужика. Всего более прижимает В. Баженов, священник... Еще приведу другой пример с помещиком И. Абрамычем. Земля его, в количестве 15 десятин, находится среди поля крестьян... Крестьяне раньше ходили ее у него покупали..., но он и слушать не хотел... Аренду драл 200 руб. в лето за то, что попасут скотину, а не взять нельзя, прогнать негде, чужая земля... Тут стали ночью ельник рубить. Приехало начальство искать виновников...

В приведенных выдержках автор статьи указывает крестьянам, что они всю жизнь не перестают быть тружениками и тем не менее существуют впроголодь, а виновниками этой нищеты являются: и кулак-богач, у которого труженик выпрашивает семян, и поп, который собирает дань, как Мамай, и старшина, требующий подати, а более всего помещики. Они плотным кольцом охватили малоземельного труженика и стараются прижать его, пользуясь своим положением владельцев земли. Автор дает крестьянам совет борьбы с помещиком путем самого грубого нарушения его интересов, как стороны враждебной. Такое противопоставление, с одной стороны, крестьян, вечно трудящихся и все же нищенствующих, а с другой,— в качестве виновников такого положения крестьян и враждебных им по своим интересам более состоятельных классов населения, и в особенности помещиков, возбуждает в крестьянах чувство вражды к этим другим классам.

Принимая во внимание, что в содержании статьи «Деревня Кульново (Тверск. губ., Кашинского уезда), напечатанной в № 14 газеты «Проле-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 493, 1913 г., лл. 193—194

тарская правда», заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Пролетарская правда», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., и наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 14 газеты «Пролетарская правда».

IX

«Путь правды» [1]

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 1 февраля 1914 г.

В № 10 газеты «Путь правды»[2], от 1 февраля сего года, в отделе «Рабочее движение» напечатана заметка, под заглавием «Стачки. У металлистов. Путиловский завод».

Отметив причины, вызвавшие приостановление работ в мартеновской мастерской Путиловского завода и указав на «притеснения и невыносимые условия труда», автор указанной заметки приводит резолюцию рабочих, заключающую в себе те условия, при удовлетворении коих возможно возобновление работ. Условия эти следующие: 1) Уволить начальника мастерской И. П. Крегера; 2) Оставить рабочих по 8 человек в смену. 3) Оставить старые расценки. 4) При сокращении контингента рабочих рассчитывать тех, которые считаются в мастерской младшими по времени поступления на завод. 5) Принятие обратно рассчитанных рабочих.

Принимая во внимание: 1) что распубликование приведенной резолюции в рабочей газете имеет своею целью оповестить всех бастующих рабочих, при удовлетворении каких именно требований со стороны администрации завода возможно возобновление прерванных забастовкою работ, 2) что напечатание подобной резолюции, в качестве ультиматума, является подстрекательством со стороны газеты «Путь правды» к невозобновлению работ в случае неудовлетворения выставленных в резолюции требований, 3) что Путиловский завод, занятый изготовлением заказов военного и морского ведомств, принадлежит к числу заводов, приостановление работ на коих вредит делу государственной обороны и 4) что деяние это предусмотрено 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Путь правды» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 10 газеты «Путь правды».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 28 января 1914 г.[3]

Слушали:

В № 6, от 28 января, ежедневной рабочей газеты «Путь правды» помещена статья под заглавием: «Государственная дума. Заседание 22 января», заключающая в себе текст речей, произнесенных депутатами, принадлежащими к социал-демократической фракции Государ-

---

[1] «Путь правды» выходил в свет с 22 января по 21 мая 1914 г.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 17, 1914 г., лл. 42—43.
[3] Там же, лл. 53—54.

ственной думы, в заседании 22 января. В числе этих речей в статье приводится речь депутата Петровского по поводу запроса о злоупотреблениях администрации при производстве выборов в IV Государственную думу.

Доказывая, что выборы в IV Государственную думу дают самую наглядную картину бесшабашной вакханалии, произвола, различных подвохов, подлогов и тому подобных беззаконий, допущенных правительством и его органами, депутат Петровский ставит возможность таких беззаконий в связь с избирательным законом 3 июня 1907 года. При этом он высказывает в своей речи крайне неуважительные суждения о высочайшем манифесте 3 июня 1907 г., называя этот акт верховной власти «преступлением, ограбившим избирательные права народа в пользу объединенного дворянства». «Мы, представители российского пролетариата,— говорится в речи,— больше, чем кто-либо знаем цену акта 3 июня, ограбившего избирательные права народа в пользу объединенного дворянства... Те преступления, какие совершались при избрании в IV Государственную думу, это есть логическое звено того преступления, которое совершено 3 июня 1907 года».

Кроме того, в речи Петровского содержатся выражения, представляющие собою явное возбуждение населения к ниспровержению существующего государственного строя. Так, в конце ее говорится следующее: «Рабочему классу одинаково ненавистна реакция, будет ли она исходить от господ Макаровых, Маклаковых и Саблеров, или будет исходить от избранников 3 июня. Но, г.г., такое положение продолжаться не может. Та азиатчина, которая была проявлена на выборах, указала воочию всем, всему обществу, что положение действительно угрожающее для всей страны и уже слышатся раскаты гнева народного. Быть может, скоро наступит конец этой дикой вакханалии, и, протестуя от имени пославшего нас пролетариата, мы вместе со всей демократией скажем: «Долой третье-думскую конституцию, да здравствует демократизация государства и всего порядка в России, и да здравствует всеобщее, тайное избирательное право».

Принимая во внимание, что в статье «Государственная дума. Заседание 22 января» дается не полный отчет о заседании Государственной думы 22 января, а приводятся лишь речи, произнесенные в этом заседании депутатами, принадлежащими к социал-демократической фракции, и усматривая в содержании речи депутата Петровского признаки преступлений, предусмотренных 128 ст. и 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить на основании решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Федорова 1907 г. судебное преследование против редактора газеты «Путь правды» по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 128 ст. и 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 6 газеты «Путь правды».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 12 апреля 1914 г.[1]

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 59, от 12 апреля 1914 года, газеты «Путь правды», в котором напечатана статья «У металлистов. Механический завод Грюнталь» (в отделе «Движение рабочих»).

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 17, 1914 г., лл. 123—124.

Эта небольшая статья гласит следующее: «Например, рабочие завода в количестве около 200 человек вынесли протест против штрейкбрехеров, исполняющих обязанности бастующих машинистов и кондукторов Невской пригородной железной дороги и в знак солидарности к бастующим объявили забастовку».

В приведенной статье говорится, что рабочие выразили протест против поведения штрейкбрехеров, исполняющих обязанности бастующих машинистов и кондукторов Невской пригородной железной дороги, т. е. допускается в печати по отношению к железнодорожным служащим решительное осуждение их служебной деятельности, направленное к тому, чтобы оказать на них массовое давление и заставить прекратить работы; вместе с тем здесь же сообщается, что рабочие, в знак солидарности с бастующими, объявили забастовку, т. е. высказывается полное одобрение поведению бастующих железнодорожных служащих, чем последние побуждаются к дальнейшему невозобновлению работ.

Принимая во внимание, что в содержании статьи «У металлистов. Механический завод Грюнталь», напечатанной в № 59 газеты «Путь правды», заключается возбуждение железнодорожных служащих к самовольному прекращению и невозобновлению работ на Невской пригородной железной дороге, что пригородная железная дорога, будучи предприятием общего пользования, повседневно обслуживающим весьма широкие и притом наименее состоятельные массы населения, принадлежит к категории железнодорожных путей сообщения, прекращение или невозобновление деятельности которых ставит трудно преодолимое препятствие значительному числу городских жителей в выполнении ими своих частных и общественных обязанностей, в удовлетворении своих потребностей и в сношениях между собою, вносит полное расстройство в нормальное течение торгово-промышленной и культурной жизни и создает таким образом возможность общественного бедствия и что вследствие этого в названной статье заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Путь правды», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1034[3] ст. ул. о нак., и наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 59 газеты «Путь правды».

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 16 и 20 мая 1914 г.[1]

В № 88 газеты «Путь правды», от 16 мая сего года, напечатаны: 1) передовая статья, под заглавием: «За стачку», 2) статья, озаглавленная: «Судебное преследование за стачки» и 3) статья с заглавием: «Пролетариат казенных заводов».

Имея в виду обратить внимание читателей на предстоящий 19 мая процесс четырех рабочих Обуховского завода, обвиняемых в устройстве забастовки на казенном заводе, передовая статья начинает свое повествование с истории забастовочного движения, которое отмечается, как «старое, испытанное неизбежное орудие борьбы». Испытав целый ряд средств борьбы с забастовками, говорит газета, правительство пришло, наконец, к решению воздействовать на забастовщиков и «путем судебных репрессий уничтожить и те права рабочих, которые как-никак ограждены в законе». Однако и это средство ни к чему не привело. «В день суда — 6 ноября прошлого года в Петербурге, Москве,

[1] Главное управление по делам печати, 1 отд., д. № 17, 1914 г., лл. 175—176.

Риге 100 000 рабочих политической забастовкой показали, что они готовы решительно отстаивать свои права». Переходя затем к настоящему моменту, газета говорит: «В понедельник (19) четверо обуховцев — Семенов, Строганов, Соловьев и Петров — вновь предстанут перед судом. Первоначальный приговор, осудивший их на 3 недели ареста и отдачу под надзор полиции, они обжаловали, находя, что они должны пользоваться правом стачек». Далее автор статьи продолжает уже обращение ко всему рабочему народу и говорит: «рабочий класс, все люди наемного труда, должны пользоваться правом стачки в полном объеме без всяких ограничений. Не от приговора судебной палаты, не от решения юридического спора зависит осуществление этого права, а от коренного изменения всех условий положения рабочего класса в России. Современный режим возбуждением суда против стачечников, преданием их суду сказал свое слово. Рабочие скажут свое. И это слово не ограничится указанием на необходимость полной свободы стачек для рабочих; оно громко заявит, что требование свободы стачек рабочий класс связывает со своими неурезанными лозунгами. Рабочий класс помнит, что те крохи свободы стачек, которые он имеет и на которые покушается реакция, достигнуты октябрьско-декабрьским движением».

Статья под заглавием: «Судебное преследование за стачки» и следующая, озаглавленная: «Пролетариат казенных заводов», преследуя одну и ту же цель,— возбуждение рабочих к протесту в день суда над обуховцами,— находятся в тесной связи между собой. В то время как первая статья имеет в виду всех вообще рабочих, вторая — направлена специально по адресу рабочих казенных заводов с целью побудить их принять участие в общем движении. Указав на репрессии, к которым прибегло правительство в борьбе со стачечным движением, статья эта напоминает, как реагировали рабочие при первом возбуждении обуховского процесса и говорит: «100 000 рабочих бросили мастерские и вышли на улицу с протестом». «Суд заседал среди разбушевавшейся народной стихии, под защитой полиции. И дрогнула судебная совесть». Заканчивается статья указанием на то, что ныне снова реакции прибегает к тому же негодному юридическому оружию, но «рабочий класс своим дружным откликом на дело обуховцев показывает, что сила, совпадающая в данном случае с правом,— на его стороне, и что стачечным процессам не быть».

Обращаясь к следующей статье, озаглавленной: «Пролетариат казенных заводов», непосредственно к рабочим казенных заводов, автор ее говорит: «Судебный процесс 19 мая и направлен прежде всего против пролетариев казенных заводов. Их желают отделить от всего остального рабочего класса и при помощи судебного приговора лишить и тех прав, которыми пользуются рабочие частных предприятий». Отметив затем, что процесс обуховцев, имея общее значение для всего пролетариата, ближе всего касается казенных рабочих, автор статьи заканчивает обращением к этим последним и говорит: «Они должны дать себе ясный отчет, что дело не в том только, придется ли отсидеть четырем обуховцам за общее дело, а в том, что будет ли закон о ненаказуемости стачек «разъяснен» в смысле полного бесправия рабочих казенных заводов. В движении рабочего класса это один из серьезнейших вопросов, и потому серьезно относится к нему весь рабочий класс».

Принимая во внимание: 1) что в передовой статье под заглавием: «За стачку» «призывается рабочий класс к борьбе за право стачек, связывая требование свободы стачек с неурезанными лозунгами социал-демократии и при этом указывается тот путь, который уже, по словам статьи, привел рабочий класс к победе, путь «октябрьско-декабрьского

движения» в 1905 году, то-есть путь революционный, ведущий к ниспровержению всего государственного строя, что предусмотрено 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., 2) что статьи под заглавиями: «Судебное преследование за стачки» и «Пролетариат казенных заводов», находящиеся в тесной связи между собою, имеют своею целью возбудить всех рабочих вообще и в частности привлечь и казенных рабочих к устройству уличной демонстрации,— которая, по примеру 1913 года, должна запугать суд и помешать ему вынести приговор по делу обуховцев, каковое деяние предусмотрено 2 п. 1034 [4] ст. ул. о нак., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Путь правды», по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 1 п. I ч., 129 ст. уг. ул. и 2 п. 1034[4] ст. ул. о нак., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 88 газеты «Путь правды».

X

«Рабочий» [1]

Из журнала заседания С.-Петербургского комитета по делам печати, 29 мая 1914 г. [2]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 6, от 29 мая 1914 г., газеты «Рабочий», в котором напечатаны «Заседание 27 мая. Речь с.-д. Петровского» (в отделе «Государственная дума»).

Поместив руководящую передовую статью... редактор «Рабочего» печатает на страницах своей газеты также и самую речь с.-д. Петровского. Последняя извлечена из отчета заседания Государственной думы 27 мая 1914 г. и опубликована вне связи с речами ораторов других партий, вследствие этого речь Петровского представляет собою совершенно одностороннее сокращение стенографического отчета и, согласно решению правительствующего сената от 11 декабря 1907 г. по делу Федорова, не пользуется иммунитетом депутатских речей, а подлежит рассмотрению на общем основании уголовного закона. В названной речи Петровского говорится следующее: «В 1905 г. революционное движение подточило основы старого порядка, но оно не совсем его сломило, поэтому на следующий же день после 17 октября реакция, организовав черносотенные банды, вместе с объединенным дворянством пошла полным ходом на все завоевания народа... Чтобы задавить голос народных представителей, был произведен государственный переворот 3 июня. С тех пор Россией правят все время то большими, то мелкими государственными переворотами. Законы, изданные реакцией, исполняются только до тех пор, покамест они ей не мешают, а как только они начинают мешать чиновникам и высшей бюрократии, сейчас же они изменяются, нарушаются, разъясняются и просто топчутся. Весь третьеиюньский режим был построен на подавлении народных масс; он мог существовать только до тех пор, пока оставалась эта масса подавленной. Вследствие этого развился тот жестокий деспотизм, который показал свой логический вывод на Лене. Залпы на Лене пробудили рабочий класс и пробудили всю демократию... Голос народного движения звучит уже не с этой трибуны, а в самой стране, все коренные лозунги, лозунги полной демократии уже широко идут в рабочие кварталы... Эти

[1] Газета «Рабочий» выходила в свет с 22 апреля по 7 июля 1914 г.
[2] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 74, 1914 г., лл. 15—17.

лозунги охватывают всю массу, и она перестает верить в реформы, потому что видит, как реакция попирает ногами собственные законы. В этот именно серьезный момент больше, чем когда-либо мы, социал-демократы, нуждаемся в свободе слова, чтобы служить великому народному освободительному движению, идущему к развязке... Мы, социал-демократы, не отдадим без решительного боя свободы этой трибуны и за свободу нашего слова, за свободу трибуны будем бороться открыто и решительно, и пока здесь останется хоть один социал-демократ, вам не так будет дешево продавать свободу народного слова с этой трибуны шакалам с этих скамей, и мы уверены, что в этой борьбе нас поддержит весь народ и прежде всего рабочий класс... Вам не прекратить неизбежного роста в стране этих республиканских убеждений... Таков ход истории, и всякая страна стремится к управлению на демократических началах. Мне незачем закапываться в далекую глубину истории. На наших глазах, в Турции совершаются события, когда демократия выгоняет из своей страны тиранов; ведь я говорю то, что вы видите. Вы видите Турцию, Персию, Китай, когда они переходят к демократической форме управления, и я только хочу вам указать, что во всех этих странах монархический порядок привел их в тупик. Поэтому свобода депутатского слова тесно связана с демократическим движением, которое...»

В приведенных выдержках, изложенных агитационным языком, существующий государственный строй России признается совершенно негодным, и рабочий класс призывается к открытому и решительному бою, имеющему своею прямою целью ниспровержение монархического строя и замену его республиканской формой правления.

Принимая во внимание, что в содержании статей: 1) «А дальше» и 2) «Заседание 27 мая. Речь с.-д. Петровского», напечатанных в газете «Рабочий», руководимой главою большевизма — Лениным, заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Рабочий», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 6 газеты «Рабочий».

XI

«Трудовая правда»[1]

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 15 июня 1914 г.[2]

Слушали:

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 16 ежедневной рабочей газеты «Трудовая правда», от 15 сего июня, в коем обращает на себя внимание статья «Петербургские текстильщики» (в отделе «В текстильном производстве»).

В указанной статье автор в самых мрачных красках рисует положение петербургских рабочих-текстильщиков.

Им, говорит он, приходится жить «в скверных условиях», среди «грубого, доходящего до цинизма издевательства», со стороны хозяев. Последние, будто бы, «ни во что не ставят человеческую личность», бьют работников, обращаются «с гнусными предложениями к женщи-

[1] «Трудовая правда» выходила в свет с 30 мая по 8 июля 1914 г.

[2] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 205, 1914 г., лл. 24—25.

нам» и доходят в своей эксплоатации до крепостнических приемов». «Грубое, гнусное обращение, беспричинное увольнение» — обычное явление в быту текстильщиков, говорит далее автор. Хозяева, читаем в газете, «порабощают не только дух, но и тело» рабочих. И вот этим-то хозяевам рабочие «должны ежеминутно кланяться, унижаться и угощать своих поработителей, продавая им душу и тело».

Понятно, говорит автор статьи, что при таких условиях, текстильщикам ничего не остается, как объявить борьбу своим хозяевам, это они теперь и сделали, объявили забастовку на всех текстильных заводах г. С.-Петербурга.

Такое резкое противопоставление интересов хозяев-текстильщиков интересам рабочих, из коих первые, будто-бы, являются «крепостниками-угнетателями» и «насильниками» не только тела, но и души рабочих, а последние подневольными рабами, над которыми «издеваются до цинизма»,— все это рассчитано на возбуждение сильнейшей вражды у рабочих к их хозяевам с целью борьбы с ними. Преступное деяние это предусмотрено 6 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул.

В виду изложенного С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Трудовая правда» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 16 газеты «Трудовая правда», от 15 сего июня.

Из постановления С.-Петербургского комитета по делам печати, 5 июля 1914 г.[1]

Слушали:

В № 33 «Трудовой правды», от 5 июля 1914 г., помещены следующие статьи: 1) «Стачка возмущения», 2) «На месте расстрела» 3) «После расстрела», 4) «В рабочих кварталах», 5) «У раненых», 6) «Митинги и демонстрации».

Первые шесть статей написаны по поводу последних событий на Путиловском, а затем и на некоторых других заводах и фабриках Петербурга, и дают совершенно извращенную картину тех мер, которые были приняты петербургской полицией по случаю произведенных рабочими беспорядков 3 и 4 июля текущего года.

I. В статье: «Стачка возмущения» говорится, что «кровь рабочих, пролитая на дворе Путиловского завода, поставила на ноги петербургский пролетариат». Газета утверждает, что «одночасовая стачка во имя солидарности с бастующими рабочими Баку превратилась во всеобщее выступление во имя отпора реакции, осмелившейся бросить своих стражников на мирный митинг», что рабочие принуждены всеми средствами спасать свою жизнь от наступления полицейских отрядов, будто было несколько убитых и несколько десятков раненых. Далее газета восклицает, что «сейчас не жалеют патронов на петербургских улицах». Упомянув о рабочих, будто бы, «павших во время митингов и демонстраций», газета заявляет, что «пролетарский организм выдержит прием полицейского свинца», что «кровь петербургских рабочих станет залогом его освобождения» и говорит: «шагайте бесстрашно по мертвым телам, несите их знамя вперед».

II. В статье «На месте расстрела» события 3 июля, происшедшие на Путиловском заводе, описываются несогласно с изданным с.-петербургским градоначальством разъяснением этих событий и утвержда-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 205, 1914 г., лл. 46—48.

ется, будто полицией были произведены два залпа по рабочим, которые в это время собирались выйти за заводские ворота.

III. В третьей статье газета утверждает, что «выстрелов (со стороны полиции) было много, что полиция, кроме огнестрельного оружия, пустила в ход шашки, нагайки и давила лошадьми». «Арестованных сильно избивали». В заключение автор этой статьи, депутат Государственной думы Бадаев заявляет, что «стоны и страдания арестованных, грубые выражения лиц полицейских, заполнивших собою весь заводский район и на каждом шагу старавшихся подчеркнуть, что они здесь господа положения и почти полное отсутствие на улицах рабочих... Насилие и смерть — и ликующий полицейский сапог».

IV. В статье: «В рабочих кварталах» утверждается, будто офицеры, во главе с нарядом полицейских, скомандовали «пли» без предварительного предупреждения и что полиция расстреляла все свои патроны. Далее говорится «об ужасной расправе пьяных полицейских с путиловцами». Здесь же говорится, что «расправа вооруженных полицейских с безоружными товарищами-путиловцами возмутила рабочих Василеостровского района и вызвала в их душе активный отклик».

V. То же повторяется и в статье «У раненых», в которой газета заявляет, что «полиция стреляла без предупреждения» и что «полицейские были пьяны».

VI. В статье «Митинги и демонстрации» полиции приписывается расстрел путиловских рабочих, причем действия полиции по водворении порядка на Путиловском заводе называются «расстрелом мирных рабочих», «зверским расстрелом», «возмутительным злодеянием над товарищами Путиловского завода», «зверским нападением полиции на мирную толпу рабочих», «пролитием рабочей крови», «насилием реакции над рабочим классом», «кошмарной расправой», «кровавой расправой полиции с мирными путиловцами», «гнусным расстрелом», «произволом правительства», «расстрелом и избиением», «дикой расправой», «покушением петербургской полиции на жизнь совершенно безвинных рабочих», «грубым и возмутительным действием полицейского произвола», «ужасным злодеянием полиции», «кошмарным преступлением реакции над рабочими», «наглыми действиями реакции», «кровавой бойней, учиненной наемниками капиталистов», «грубым насилием власти», «диким, варварским поступком наглой реакции над мирными рабочими», «возмутительными действиями реакции в кровавой расправе над мирно собравшимися рабочими»...

Так как в петербургских газетах опубликовано официальное сообщение о действиях полиции при водворении порядка, нарушенного бастующими рабочими Путиловского и других заводов, то утверждение в первых шести статьях, что полиция произвела «кровавый расстрел», «зверское нападение на мирных рабочих» и т. п. выражения являются заведомо ложными сведениями, имеющими целью путем клеветы и намеренного извращения фактов вызвать в рабочих вражду к правительству и побудить их к резкому заявлению активного протеста, что предусмотрено 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак.

Что же касается статьи: «Значение последних забастовок», то в ней газета путем яркого противопоставления нищеты рабочих богатству предпринимателей и подстрекательством рабочих к выступлению для решительной борьбы с хозяевами возбуждает в рабочих острую вражду к капиталистам, что составляет преступное деяние, предусмотренное 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул.

Принимая во внимание, что в содержании первых шести статей заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 3 п. 1034[4]

ст. ул. о нак., и в содержании последней статьи — 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Трудовая правда» и автора статьи «После расстрела» А. Бадаева, по обвинению их в преступлениях, предусмотренных в отношении Михайлова — 3 п. 1034[4] ст. ул., о нак. и 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., а Бадаева — 3 п. 1034[4] ст. ул. о нак., наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 33 «Трудовой правды» и войти в Главное управление по делам печати, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., с ходатайством о сношении с прокурором С.-Петербургской судебной палаты о приостановлении газеты «Трудовая правда» впредь до судебного приговора, в виду неоднократного нарушения закона и ярко выразившегося противоправительственного и революционного направления.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 6 июля 1914 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 34, от 6 июля 1914 г., газеты «Трудовая правда», в котором напечатаны статьи: 1) «Трудовая правда» на осадном положении», 2) «Фабриканты начинают сдаваться», 3) «Митинги и демонстрации» и 4) «На темы дня. Резолюция тульских рабочих».

В названном номере «Трудовой правды», как и в предшествующем, главнейшее внимание уделяется событиям 3 июля на Путиловском заводе и проводится определенная тенденция внушить рабочим извращенное представление об этих событиях и поддержать и усилить в рабочих дух протеста и стремление к активному его проявлению.

В первой статье действия полиции 3 июля на Путиловском заводе приравниваются к ленскому расстрелу: «Повторилось то, чего и следовало ожидать. Во время дней Лены, когда из Бодайбо приходили известия одно другого кошмарнее, «официальные сообщения» старались смягчить ужас и силу расстрелов уменьшением количества раненых и убитых и сваливанием вины на рабочих».

«Те дни — в прошлом. Новая Лена — в настоящем». Далее приводится выдержка из официального сообщения о путиловских событиях и к этому добавляется: «История «официальных сообщений», как видно, повторяется. Желанием скрыть истинное положение дел с расстрелом путиловцев продиктовано официальное сообщение... «Дни новой Лены,— говорит автор статьи в заключение,— рабочий класс встретил не только организованным, но и способным, с запасом большой энергии, проявлять себя в борьбе».

Той же теме — событиям на Путиловском заводе — посвящен отдел «Митинги и демонстрации». Здесь объединен целый ряд резолюций забастовавших рабочих с разных фабрик, мастерских и типографий, причем в этих резолюциях указывается, в целях агитационных и противоправительственных, что 3 июля полиция учинила на Путиловском заводе расстрел безоружных рабочих. Для создания в среде рабочих большей тревоги и для возбуждения вражды к представителям правительственной власти в этом отделе о действиях полиции даются следующие отзывы: «зверские действия», «расстрел, который реакция пускает в ход» против «мирного митинга», «дать решительный отпор всем действиям реакции», «расстрел и избиение смирно шедших рабочих», «наглый и произвольный поступок со стороны полиции», «рабо-

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 205, 1914 г. лл. 56—58.

чие ждут определенных решений для дальнейших действий», «кровавая расправа», «кровавая бойня с тов. путиловцами», «гнусная кровавая расправа с беззащитными рабочими», «кровавые насилия над рабочими», «постыдный расстрел», «бесчеловечная, наглая и циничная расправа» полиции с тов. путиловцами», «этот беззаконный поступок заслуживает мощного отпора со стороны пролетариата».

В приведенных выдержках из содержания двух названных статей в выражениях крайне грубых и сознательно резких предъявляются чинам полиции такие обвинения, которые являются намеренным извращением фактов и заведомо ложными сведениями после того, как в петербургских газетах опубликовано официальное сообщение о событиях на Путиловском заводе. Единственной целью таких сведений является поддержание брожения среди рабочих и возбуждение враждебного отношения к представителям правительственной власти.

В статье: «Фабриканты начинают сдаваться» говорится: «До сих пор фабриканты цепко держались за свои доходы, за золотой дождь, выколачиваемый на рабочих. До сих пор они всюду и везде кричали... возвращайтесь к той же подъяремной жизни, харкайте кровью, вымирайте от чахотки, от изнурения, вырождайтесь, а мы не дадим ни гроша. Мы, капиталисты, соль земли, будем жить в роскошных хоромах и дворцах, мы будем покупать все и честность, и труд, и печать — все, но... не смейте протестовать против этого — живите в землянках, в грязи, в пыли хлопка, мы не выпустим ни гроша из своих лап». «Фабриканты все сводят к торгу. Авось, удастся урвать хоть гроши от жалкого заработка рабочих, ведь нужны же им сотни тысяч на шампанское и дыни». «Против них (рабочих) было все: и капиталисты, и градоначальники, и полицеймейстеры, и полиция, и суд, и буржуазные газеты. Однако они победили».

В заключение автор статьи убеждает рабочих стойко продолжать забастовку.

Таким образом в содержании названной статьи противопоставлены друг другу капиталисты и рабочие, и последним указывается, что их нищета и жалкое существование являются следствием созданных их же руками богатства и роскоши черствых эксплоататоров-капиталистов, чем возбуждается в рабочих вражда к их хозяевам.

В последней статье тульские рабочие высказывают одобрение социал-демократическим депутатам, «координирующим свои выступления с выступлениями всего пролетариата», и обращаются с следующим воззванием: «Призываем всех товарищей рабочих войти в теснейшую организационную связь со своими депутатами, дабы быстрее пойти к заветной цели освобождения рабочего класса от крепостнического ига и капиталистического порядка».

«Товарищи-депутаты должны бодро нести знамя борьбы за неурезанные лозунги и в этой борьбе мы будем всегда с вами!»

В приведенных выдержках рабочие призываются бодро нести вместе с своими депутатами знамя борьбы за неурезанные лозунги. Требование борьбы за неурезанные лозунги, как известно, выставляется марксистами-правдистами в качестве полной противоположности заявлению ликвидаторов о необходимости частичных реформ и сводятся к решительному уничтожению существующего государственного и общественного строя. В этом требовании марксистами-правдистами неурезанных лозунгов, принимаемых только в смысле коренной непримиримости с существующим укладом государственной и общественной жизни, заключается главнейшее расхождение с ликвидаторами, мирящимися с частичными реформами, и этот непримиримый смысл неуре-

занных лозунгов совершенно понятен читателям рабочих газет, знающих, что желают внушить им, когда говорят о неурезанных лозунгах.

В рассматриваемой статье указанный смысл неурезанных лозунгов становится вполне ясным из следующих поясняющих это выражение слов: «пойти к заветной цели освобождения рабочего класса от крепостнического ига и капиталистического порядка». Таким образом неурезанные лозунги или заветная цель определяются, как освобождение от крепостнического ига, каковое название прилагается рабочими газетами обычно к государственному строю, будто бы сохраняющему крепостнические отношения между властью и рабочим классом и затем, как освобождение от капиталистического порядка.

Вследствие изложенного содержащийся в названной статье прямой призыв рабочих к борьбе за неурезанные лозунги с целью освобождения рабочего класса от крепостнического ига и капиталистического порядка является призывом к ниспровержению существующего государственного и общественного строя и только в этом смысле будет понят теми, к кому он обращен.

Принимая во внимание, что в содержании напечатанных в № 34 газеты «Трудовая правда» статей: 1) «Трудовая правда» на осадном положении», 2) «Фабриканты начинают сдаваться», 3) Митинги и демонстрации» и 4) «На темы дня. Резолюция тульских рабочих» — заключаются признаки преступных деяний, предусмотренных в первой и третьей статьях 3 п. 1034[4] — ст. ул. о нак., во второй — 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул. и в четвертой — 1 и 2 п.п. I ч. 129 ст. уг. ул.,— С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Трудовая правда», по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 3 п. 1034[4]—ст. ул. о нак. и 1, 2 и 6 пп. I ч. 129 ст. уг. ул., наложить, на основании 1213[10]—ст. уг. суд., арест на № 34 названной газеты.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 8 июля 1914 г.[1]

Слушали:

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 35 рабочей газеты «Трудовая правда», от 8 сего июля, в котором обращают на себя внимание статьи: 1) «Факты и итоги», 2) «Фабрика Погонышева» (в отделе: «Стачки протеста в Москве»), 3) «Резолюции», 4) «В Выборгском районе. Впечатления очевидца» и 5) «Приветствие бакинским рабочим».

Весь номер названной газеты, как это видно из подзаголовка, ставит своею целью вынести «протест против расстрела путиловцев» и тем самым убедить петербургских рабочих в необходимости продолжения происходящей ныне в столице политической забастовки пролетариата.

Так как в петербургских газетах напечатано официальное сообщение о событиях 3 июля на Путиловском заводе, и выдержка из него, отрицающая факт расстрела, помещена в самой же газете (статья «Факты и итоги»), то настойчивое уверение газеты в той же статье «Факты и итоги» о том, что 3 июля расстрелы путиловцев войсками все-таки были и что на Путиловском заводе двое рабочих было убито и около 60 ранено и что над «65 рабочими было произведено избиение» — все такие заявления являются таким образом ничем иным, как сведениями заведомо ложными с целью возбуждения у рабочих сильнейшей вражды к правительству.

Еще более настойчиво, несмотря на опубликованное официальное

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 205, 1914 г., лл. 80—81.

опровержение факта стрельбы войсками на Путиловском заводе, старается газета представить в совершенно извращенном виде события 3 июля в статьях: «Резолюции» и «Фабрика Погонышева».

Здесь в самых сильных и возбуждающих рабочих выражениях приводятся протесты от различных групп пролетариата против «дикой расправы над рабочими, доходившей,— будто бы,— до избиения и расстрелов», против «этого незаконного действия и насилий со стороны администрации», против «расправы реакции» и «бойни путиловских рабочих».

И вот, «обсудив варварские набеги полиции» и «жестокие зверские расправы над всеми рабочими вообще и над путиловцами в частности», доходящие будто бы, до «ленских расстрелов», газета выражает уверенность, что «выстрелы по петербургским рабочим отзовутся во всех концах рабочей России и что «российский пролетариат после такого насилия еще крепче и теснее сомкнет свои ряды».

Таким образом в виду опубликованного правительственного сообщения о событиях, имевших место на Путиловском заводе, редакции газеты известного, все сообщения в упомянутых трех статьях о «насилии над рабочими», «зверской и жестокой расправе над ними» и «расстреле путиловцев» являются заведомо ложными, направленными к возбуждению в рабочем населении сильнейшей вражды к русскому правительству. Преступное деяние это предусмотрено 3 п. 1034[1] ст. ул. о нак.

В статье «В Выборгском районе. Впечатления очевидца» автор заявляет, что среди рабочих этого района состоялось такое постановление: «если полиция вмешается в демонстрацию, то отражать ее всеми способами». Необходимо лишь, утверждает он, производить эту демонстрацию дружно, ибо «полиция, получив урок отпора, очень осторожна и действует только тогда, когда демонстранты бросаются в рассыпную».

Таким образом в приведенных выражениях, призывающих рабочих «отражать полицию при демонстрациях» на улицах столицы, вполне определенно содержится возбуждение к устройству воспрещенных законом скопищ. Преступное деяние это предусмотрено 2 п. 1034[4] ст. ул. о нак.

В последней статье «Приветствие бакинским рабочим» газета приветствует забастовавших бакинских рабочих, которые «как смелые пловцы, не страшась разъяренного моря, ринулись в волны на худых челнах наперекор стихии и бросили вызов шакалам... в защиту своих попранных грязною рукою прав».

Такой отзыв на страницах рабочей печати о бакинских нефтепромышленниках, как о «шакалах», терзающих рабочих и попирающих их права «своею грязною рукою», несомненно вызывает у рабочих г. Баку сильнейшую вражду к их хозяевам-предпринимателям, каковое преступное деяние предусмотрено 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул.

В виду изложенного С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Трудовая правда» по обвинению его в преступлениях, предусмотренных 2 и 3 пп. 1034[4] ст. ул. о нак. и 6 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложив, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 35 названной газеты.

Постановление С.-Петербургского комитета по делам печати, 9 июля 1914 г.[1]

Слушали:

В С.-Петербургский комитет по делам печати поступил № 32, от 4 июля 1914 г., газеты «Трудовая правда», в котором напечатана статья «К вчерашнему расстрелу», подписанная «Руководящий коллектив последовательных марксистов Нарвского района».

Названная статья представляет собою воззвание по поводу событий на Путиловском заводе, исходящее, как это явствует из подписи и текста, от лица подпольной организации, именуемой руководящим коллективом последовательных марксистов Нарвского района.

Коллектив этот заявляет самый решительный протест против, по его выражению, «наглых действий реакции» и прямо призывает рабочих готовиться к тому, чтобы «ответить дружным, решительным выступлением».

В виду того, что в настоящий момент рабочий класс находится в состоянии все усиливающегося брожения и явно оказывает представителям правительственной власти непосредственное противодействие при водворении порядка на улицах, приведенное воззвание при указанных условиях вливает в беспокойные рабочие массы дух революционного протеста и подстрекает их к бунтовщическим выступлениям, имеющим целью ниспровержение существующего государственного строя.

Принимая во внимание, что в содержании статьи «К вчерашнему расстрелу» заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: возбудить уголовное преследование против редактора газеты «Трудовая правда», по обвинению его в преступлении, предусмотренном 1 п. I ч. 129 ст. уг. ул., наложить, на основании 1213[10] ст. уст. уг. суд., арест на № 32 газеты «Трудовая правда».

Определение С.-Петербургской судебной палаты, 9 июля 1914 г.[2]

1914 г. июля 9 дня. С.-Петербургская судебная палата по 2 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, в котором присутствовали: ... слушала: предложение прокурора судебной палаты, от 7 июля 1914 г., за №№ 6746 и 6748, с сообщением главного управления по делам печати от 5 и 6 июля сего года, за № 9165 и 9196, об утверждении постановления С.-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на № 33 газеты «Трудовая правда» за 1914 г. и о приостановлении изданием вышеназванной газеты в порядке 1213[15] и 1213[18] ст. уст. уг. суд.

Рассмотрев означенное отношение, а равно приложенный к нему № 33 газеты «Трудовая правда» и усматривая в напечатании статей: 1) «Стачка возмущения», 2) «На месте расстрела», 3) «После расстрела», 4) «В рабочих кварталах», 5) «У раненых» и 6) «Митинги и демонстрации» и 7) фельетон под заглавием: «Значение последних забастовок» — признаки преступного деяния, предусмотренного п. 6 ст. 129 уг. ул. и п. 3 ст. 1034[4] ул. о нак., судебная палата определяет: арест, наложенный на вышеозначенный номер газеты «Трудовая правда» за 1914 г., утвердить и в виду неоднократного нарушения закона и ярко выраженного противо-правительственного революционного направления газеты, приостановить дальнейшее издание ее впредь до судебных приговоров, о чем уведомить прокурора С.-Петербургской судебной палаты передачею к делам его копии сего определения.

---

[1] Главное управление по делам печати, I отд., д. № 205, 1914 г., лл. 75—76.
[2] Там же, л. 72.

В царской армии накануне Февральской буржуазно-демократической революции

(Волнений 223 Одоевского полка 34 армейского корпуса)

В борьбе за превращение империалистической войны в войну гражданскую партия Ленина — Сталина исключительное внимание уделяла работе в армии. Партийные организации в тылу и на фронте с огромной самоотверженностью, в тяжелых условиях подполья вели работу среди широких солдатских масс. Устным словом и распространением листовок большевистские организации постоянно и систематически разъясняли трудящимся массам, одетым в солдатские шинели, истинный смысл и характер войны, подводили самые отсталые слои солдат к пониманию того, что мира можно добиться только путем революции, что единственным выходом из империалистической войны для трудящихся масс является свержение буржуазных правительств, вовлекших народы в кровавую империалистическую бойню.

Навстречу сознательной борьбе большевиков подымалось стихийное движение масс.

Армия вместе со всеми трудящимися страны проходила великую школу нужды и революционного воспитания. «Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением. Без веры в себя, без доверия к своим командирам, не зная, во имя чего гибнут миллионы, неподготовленная, голодная и разутая, она оставляла противнику города, целые области, десятки тысяч пленных.

Тяжелые поражения озлобляли солдат. В массах зрело недовольство, переходившее в глухое брожение, а потом и в активные выступления. Проклиная бестолковщину и неразбериху, солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление, избегали боя» [1].

Если в самом начале империалистической войны революционизирование царской армии проявлялось в единичных и групповых протестах и бунтах, то чем больше затягивалась война, тем энергичнее становились эти протесты. Проявления революционной ненависти принимали формы организованных выступлений целых воинских частей и крупных армейских соединений. «Там, где озлобленный солдат судорожно сжимал винтовку, не зная, на кого обрушиться, большевики умело направляли его возмущение против правительства и буржуазии. Там, где доведенные до озверения солдаты искали выхода в бесцельных насилиях над «инородцами», большевики вели интернационалистскую агитацию, противопоставляя ее мракобесию царизма и националистов. Стихийный взрыв отчаяния большевики настойчивой работой превращали в организованное выступление против власти. Преследуемые охранкой, предаваемые военно-полевым судам только

---

[1] «История гражданской войны в СССР», том I, стр. 34.

за одну принадлежность к партии, большевики непреклонно выполняли долг революционных борцов» [1].

Ни расправы военно-полевых судов, ни жестокие дисциплинарные взыскания и телесные наказания не могли удержать широкие солдатские массы в повиновении. Революционная борьба рабочих в тылу, широкая стачечная волна второй половины 1916 и начала 1917 года являлись конкретным образцом революционной борьбы для солдат на фронте. И в армии в это время проходят массовые солдатские выступления.

Об одном из таких ярких солдатских выступлений 223 Одоевского полка, происходившем накануне Февральской буржуазно-демократической революции, сообщают публикуемые ниже документы.

18 января 1917 года солдаты Одоевского полка, изнуренные, голодные, оборванные, озлобленные, организованно отказались выступить на позицию. Ни «увещевания» офицеров, ни угрозы полкового и дивизионного командования, ни провокации не сломили революционной воли солдат. Они оказались в своем решении непреклонными.

За месяц до февральской революции царское правительство еще нашло в себе силы для того, чтобы подавить это выступление. Характерно, что жестокую расправу с одоевцами царизм совершил руками своего холопа П. Скоропадского. Будущий «гетман Украины» в январе 1917 г. расстреливал солдат за отказ продолжать войну. Через год тот же Скоропадский продал украинский народ германским интервентам.

Восставшие рабочие и крестьяне с помощью Красной армии смели с лица советской земли и Скоропадского, и его покровителей — интервентов.

И в случае нового вооруженного нападения врага на границы Советского Союза Красная армия, весь народ нашей страны встанут на защиту социалистического отечества и нанесут врагу сокрушительный, уничтожающий удар.

Документы подобраны и подготовлены к печати научными сотрудниками Киевского областного исторического архива. Документы в настоящее время переданы на хранение в Военно-исторический архив.

П. Билык.

Рапорт вр. ком. Одоевским полком полк. Ивашиненко начальнику 56 пех. дивизии ген.-майору Российскому, 18 января 1917 г. [2]

До 18 часов во вр. командуемом полку никаких признаков происшедших вечером событий не наблюдалось. Как всегда, все собирались на позицию спокойно. В начале 19(часа) ко мне в штаб полка является вр. командующий 4 батальоном поручик Петраков с докладом, что в батальоне не все благополучно. На запросы поручика Петракова ротные командиры лично доложили, что роты, разобрав винтовки, сидят в землянках и не хотят выходить из них, мотивируя свой отказ тем, что корпус должен быть сменен, так как у царя полков много, а корпус стоит на позиции второй год. Поручик Петраков пошел по району расположения землянок, стал объяснять нижним чинам преступность их поступка и уговаривал их не срамить доброе имя полка, но настроение нижних чинов, выкрикивающих: «если мы пойдем, то нас все одно не пустят другие батальоны»,— было таково, что ни дальнейшие увещания, ни репрессии делу не помогут и тем более, что крики подобного же свойства были слышны по всему лесу, а также стали раздаваться одиночные ружейные выстрелы. То же самое доложил мне и дежурный по полку офицер, прапорщик Копац, добавив, что 5 рота, будучи построенной на полковом плацу, была окружена

[1] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 36.
[2] ЦВИА, д. № 321—184, лл. 6—9.

партиями нижних чинов, которые кричали: «ура», после чего в рядах 5 роты, стоявших довольно стройно и в полном порядке, начало происходить некоторое замешательство. 3 батальон стоял у своих землянок в полном порядке, никаких возгласов не было слышно. В 1 батальоне были слышны крики и одиночная ружейная стрельба. Замечено было также, что нижние чины партиями, и поодиночке перебегали от одного батальона к другому. Я приказал поручику Петракову немедленно итти к батальону и передать ему, что я со знаменем и оркестром музыки двигаюсь сменять 224 полк.

Вслед за уходом поручика Петракова ко мне явился вр. командующий 2 батальоном поручик Григорьев, доложивший мне, что и во 2 батальоне не все благополучно. Почти одновременно с ним прибыл и командир 1 батальона штабс-капитан Нечаев, своим докладом подтвердивший доклады своих предшественников.

Резюмируя все слышанное, я понял, что в данном случае ни слова, ни репрессии не окажут должного воздействия; необходим был исключительный прием, который зажег бы сердца, заставил бы всех откликнуться на призыв к исполнению своего долга. С этой целью я приказал потребовать оркестр, несмотря на страшный холод, развернул знамя, обнес его по рядам знаменного взвода, поцеловал сам, дал поцеловать всем нижним чинам взвода, и они дали клятву, что умрут под знаменем, если будут по ним стрелять свои же. Приказав зарядить всем винтовки, а оркестру следовать за взводом, я, адъютант, его помощник с шашками наголо и командир знаменного взвода прапорщик Чубанов, под звуки музыки, двинулись к тому месту, где стоял батальон, откуда уже раздавались ружейные выстрелы. Находившимся при мне трем конным ординарцам я приказал мчаться в 1, 2 и 4 батальоны и передать батальонным командирам: «командир полка с распущенным знаменем идет сменять 224 полк; кто отстанет от знамени — тот изменник». К 3 батальону я никого не посылал, так как был уверен, что он стоит на месте, чуждый общему настроению; я был уверен, что он от знамени не отстанет и тем увлечет за собой весь полк.

Во время нашего движения я слышал со стороны леса справа дружные крики «ура», чередующиеся с несколькими ружейными выстрелами. По мере подхода к перевязочному отряду выстрелы справа стали чаще. Здесь мне все три ординарца доложили, что мое приказание командирам батальона передано, и я был уверен, что батальоны за знаменем пойдут. Поровнявшись с перевязочным отрядом, я увидел длинную колонну справа, откуда раздалась команда: «смирно», на что я ответил: «вперед — за знаменем». Почти одновременно увидел небольшую колонну слева. На мой вопрос, какая рота, получил ответ: «команда пеших разведчиков». Я обратился к ним с тем же призывом. У меня не рождалось сомнения, что эти две колонны пойдут за знаменем, которое им должно быть хорошо видно, так как оно развевалось ветром, а поэтому, не задерживаясь, я шел дальше, чтобы вызвать еще больший энтузиазм, и приказал музыкантам играть на ходу народный гимн. Вследствие сильного холода инструменты замерзали, но музыканты, понимая долг службы, надрывали все силы, чтобы извлечь из инструментов звуки, и гимн был сыгран до конца. Пропуская мимо себя знаменный взвод, благодаря его за честное отношение к службе, я только в данный момент заметил, что сзади музыкантов никто не идет. Убедившись, что все мною предпринятое не вызвало среди полка подъема духа, я приказал всем остановиться, а сам пошел к оставшимся на месте колоннам, но, пройдя несколько шагов, увидел идущую ко мне навстречу команду пеших разведчи-

ков, и начальник таковой, прапорщик Параделов, принявший команду только сегодня, доложил мне, что когда он двинулся вслед за знаменем, то со стороны виденной мной колонны справа, послышались угрожающие крики: «не ходите, будем стрелять; а если вы уйдете хоть поодиночке, то мы вас будем расстреливать, когда вы будете ходить на разведки». Движение команды захлебнулось, но, благодаря настойчивости прапорщика Параделова, команда все-таки пошла за знаменем и присоединилась к знаменному. Я приказал всем 3 командам итти к перевязочному отряду, откуда имел в виду донести о всем вашему превосходительству, что и сделал по телефону. До вашего прибытия в перевязочный отряд мне удалось выяснить следующее: нижние чины команды пеших разведчиков подтверждают, что еще задолго до сегодняшнего дня нижние чины 224 пех. Юхновского полка приходили в роты одоевцев и убеждали их не ходить сменять юхновцев, а что они, юхновцы, будут требовать смены, для того только, чтобы был сменен весь корпус.

Когда я доложил вам, что в данном случае ничего сегодня предпринять нельзя и вы уехали в штаб дивизии, мне заведующий перевязочным отрядом прапорщик Кудрявцев сообщил, что когда он услышал звуки оркестра, со стороны землянок перевязочного отряда раздались голоса нижних чинов: «мы знаем, что юхновцы просили одоевцев не сменять их». Далее, командир 8 роты подпоручик Ольховский доложил мне, что фельдфебель его роты доложил ему уже после всего происшедшего, что сегодня утром в ротах побывали артиллеристы с угрозами, что батареи будут расстреливать одоевцев, если они пойдут сменять юхновцев.

Резюмируя показания всех командиров батальонов, я вынес впечатление, что причина отказа итти на позицию кроется в желании нижних чинов дивизии отдохнуть после годичного пребывания на позиции, а также — жалуются на варку чечевицы. Против офицерского состава никто ничего не имеет. Не будь агитации, ничего бы не произошло; много сыграла в этом деле угроза стрелять по сменяющим.

На позицию пошли только 11 и 12 роты с доблестным командиром 3 батальона капитаном Вербицким; другие две его роты, предназначавшиеся в резерв на правый участок полка, не были, в момент увода капитаном Вербицким 11 и 12 рот, под его непосредственным начальством, так как они собирались под начальством поручика Кампанского и должны были выступить на 1/4 ч. позже.

Вр. командующий 223 пех. Одоевским полком
полковник Ивашиненко.

Донесение начальника штаба 56 дивизии командующему 34 корпусом, 18 января 1917 г., № 32—44 [1].

Сегодня в 18 часов назначено было выступление 223 Одоевского полка на позицию для смены 224 Юхновского полка. Командир полка по телефону через полкового адъютанта донес, что полк отказался выступать на смену и просил личного доклада. Нач. див. 56 решил сам выехать на место после предварительного доклада вам обстоятельств, которые успел выяснить через прибывающих в штаб дивизии командира 1 батальона штабс-капитана Нечаева и командиров 2 и 3 рот. Последние доложили: полк должен был выстроиться по-

[1] КОИА. фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествии в 223 Одоевском полку» за 1917 г., л. 130.

батальонно и после молитвы следовать заранее намеченными дорогами на свои участки. Первая и вторая роты двинулись, за ними 3 и 4; тогда из соседних батальонов раздались крики, что на смену не пойдем.

Произошло замешательство, и люди батальона группами стали покидать свои места. Шум усиливался. О беспорядке было доложено командующему полком полковнику Ивашиненко, и последний со знаменным взводом и распущенным знаменем вышел к полку и, обойдя, приказал двигаться за ним; однако роты не пошли, а люди, открыв редкую стрельбу вверх и крича: «И там умирать — и здесь умрем, а на смену не пойдем», разошлись по своим землянкам. Для выяснения дела и с целью оказать влияние на полк выехал лично командующий дивизией в сопровождении коменданта в место расположения полка. После его отъезда командир 224 полка доложил, что к нему прибыли 11 и 12 роты 223 полка и произвели смену. Последующее донесение будет представлено командующим дивизией.

Наштадив 56 генерал-майор Мандрыка.

Донесение начальника 56 дивизии командующему 34 корпуса, 18 января 1917 г.[1]

Только-что вернулся из расположения Одоевского полка. Полковник Ивашиненко, потерявший голос два дня тому назад и едва говорящий еще и теперь, доложил мне, что он к построенному полку не вышел и не здоровался потому, что не мог говорить и приказал батальонам двигаться на позицию теми путями, которыми они всегда шли. Получив донесение от дежурного офицера и от некоторых батальонных командиров о том, что роты не хотят итти на позиции, командир полка со знаменным взводом, знаменем и оркестром музыки подошел к месту построения полка с тем, чтобы показать пример и вызвать чувство долга у нижних чинов; увидя знамя и командира полка, большинство рот стало разбегаться по землянкам с криком, что на позиции не пойдем. Некоторые роты были готовы итти за своими ротными командирами, но были остановлены другими недовольными ротами угрозою, что по ним будут стрелять. Я приказал командиру полка и офицерам начать беседу с нижними чинами, постараться успокоить их и вызвать в них сознание долга и завтра к утру взять роты и полк в руки.

Завтра утром решили вновь поехать в полк и лично воздействовать на нижних чинов. Считаю, что до завтрашнего утра других мер я не могу принять, пока командиры батальонов и рот не образумят нижних чинов. О принятии других более решительных мер, до обезоружения полка включительно, могу решить только утром, убедившись лично в настроении полка.

Генерал-майор Российский.

Доклад командующему Особой армии генерал-лейтенанта Огороднико-ва, 20 января 1917 г., № 15[2].

Во исполнение полученных приказаний я прибыл 19 января в 24 часа в д. Духче в штаб 56 пех. дивизии, где командующий дивизией ген.-майор Российский мне доложил, что, несмотря на принятые им меры увещевательного характера, 223 пех. Одоевский полк отказы-

[1] КОИА, фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествии в 223 Одоевском полку» за 1917 г., л. 131.

[2] Там же, лл. 132—134.

вается выступить на позицию. До сего времени выступили лишь 5, 11 и 12 роты. При попытках выступить некоторых других рот второго, третьего и четвертого батальонов в остальных ротах открывается стрельба на воздух, с угрозами; люди разбегаются. На мой вопрос о дальнейших мерах г.-м. Российский доложил, что им предписано пока продолжать увещевания, для действительности которых необходимо, по его мнению, подвести не менее полка из армейского резерва или вообще из других корпусов. Я спросил по этому поводу по телефону необходимых указаний и предварительных распоряжений от командира 1 туркестанского корпуса ген.-от кавалерии Шейдемана на случай, если бы это оказалось действительно необходимым после ближайшего расследования, и отправился в расположение Одоевского полка в сопровождении коменданта штаба дивизии. По его словам, трудно выяснить, что делается в полку, офицеры, повидимому, сами не знают, дают неверные сведения, рассказывают, что люди разобрали пулеметы, но это пока не подтвердилось.

Вр. командующий полком полковник Ивашиненко выбился из сил. Командир полка полковник Крамаренко должен вернуться из отпуска (на 1½ месяца) сегодня, но прислал телеграмму, что заболел и вернется через два дня.

Командующий полком спал. Я приказал его разбудить. Он подтвердил сказанное командующим дивизией. Им было получено указание сегодня ночью дать людям успокоиться, но, по его мнению, одни увещательные меры бесполезны. Относительно характера беспорядков он доложил, что дисциплина в полку ни в чем не нарушается; офицеры безусловно преданы долгу службы, люди исполняют приказания, кроме связанных с выступлением на позицию; есть люди — в некоторых ротах большинство,— готовые выступить куда угодно, но они запуганы остальными.

Несомненно, есть вожаки, но их пока не удалось обнаружить.

Недовольство идет давно во всем корпусе, передаваясь из одного полка в другой. Месяц тому назад 222 полк отказался сменить 224. На увещания, что юхновцам придется стоять долго на позиции, если одоевцы их не сменят, люди отвечают, что юхновцы согласились ждать, что они теперь просят смены не только для себя, а для всего корпуса. Люди устали, целый год на позициях. На отдых приходят в месяц одну неделю, а за неделю нельзя отдохнуть, к тому же и резервы непрерывно работают. Одоевский полк, в частности, оказался в весьма неблагоприятных условиях. После больших потерь в сентябре минувшего года у Воли Садовской, он понес дважды неудачу (3 и 13 дек.) на ныне занимаемой, весьма невыгодной и тяжелой позиции. Укомплектования пришли плохие, неподготовленные, частью из вредных элементов. Одну маршевую роту «из политических» ссыльных, подсудимых, привели в дивизию под вооруженной охраной из 80 человек.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в дивизии не установлено выдерживать укомплектование при учебном батальоне и выделять плохо обученных, неспособных и слишком ненадежных. Все укомплектования тотчас же вливались в строй, а некоторые роты, в связи с выделением рот во вновь формируемый полк, целиком составлены из маршевых рот. Таковы роты 3, 4, 8 и 12. Из них 12 оказалась удачной (уже уведена на позицию), а 3 и 4 особенно неудачны.

Полковник Ивашиненко жаловался на недостаток поддержки со стороны высшего начальства, на недостаток внимания к его докладам, о трудности и тревожности положения. Сам произвел впечатле-

ние человека переутомленного, с подавленным настроением, в то же время слишком разговорчивого, недостаточно твердого, ненаходчивого, нераспорядительного. После уговоров, он сделал попытку двинуть полк, выстроить его, пошел впереди с командой разведчиков, но люди отдали честь знамени и не двинулись. На этом, насколько я мог выяснить, окончились попытки привести полк в повиновение. Имея указания не поднимать полка ночью, я направился в обход всех помещений, потребовал, чтобы в каждой команде и в каждом батальоне меня встречали батальонные и ротные командиры и вообще наличные офицеры.

Я направился прежде всего к пулеметной команде Максима, где все оказалось тихо и спокойно. Люди спали. Фельдфебель и дежурные доложили, что у них все тихо. Начальник команды доложил, что люди послушны, но команду не удается вывести из опасения стрельбы по ней. В расположении полка было сперва тихо, но когда я стал обходить роту 2 батальона, из расположения 1 батальона поднялась довольно частая стрельба на воздух.

Офицеры были в расположении своих рот, но в своих отдельных землянках, выходили с некоторым замедлением (некоторые спали), выражали полную преданность долгу, но говорили, что ничего не могут поделать с людьми, как только дело касается выступления на позицию. Все производили впечатление неопытной, растерянной молодежи. В полку совсем нет штаб-офицеров, налицо один капитан, но и тот неопытный из молодых офицеров.

Узнав, что в полку исполняется лишь обычный наряд дежурных, я приказал немедленно выслать офицерские дозоры.

Но при моем приближении к 1 батальону стрельба сама собой прекратилась, наступила полная тишина. Никаких групп или отдельных людей нигде не было видно.

Я производил обход до 4 час. утра.

Везде люди лежали на нарах и большинство спали. В некоторых землянках спали все поголовно, кроме дежурных и дневальных.

Землянки оказались большие, высокие, сухие, но число их, повидимому, недостаточное. Люди размещены тесно. Нары в два яруса, нижний земляной, мало приподнятый над дном землянки, верхний покрыт жердями. Как на земле, так и на жердях очень мало или вовсе нет подстилки.

Окон нет или очень мало. В некоторых местах оконные отверстия ничем не закрыты. В землянках темно. На устройство их, видимо, обращено мало внимания, между тем здесь же, в расположении полка имеется обширное здание с кинематографом. Полк стоит в резерве уже неделю, но командующий полком находит, что времени для устройства землянок было недостаточно.

Не поднимая спящих, я везде беседовал с теми, которые не спали. Говорил, что я командирован вашим высокопревосходительством, что утром произведу инспекторский опрос, но надо прежде всего выразить покорность и осадить озорников и слишком умных из таких, которым терять нечего и нет ничего святого.

Расспрашивал о нуждах. Пришлось услышать несколько ответов темных мужиков или чернорабочих, видимо, не понимающих дисциплины или сбитых с толку, но в общем отвечали почтительно, слушали внимательно, вздыхали, жаловались, что очень устали, за неделю в резерве нельзя отдохнуть, приходится ходить опять на работу, много слабых и больных, «обувка» плохая, пища плохая (часто чечевица), окопы плохие, землянки в окопах плохие, в резерве в землянках плохо спать, холодно (печи топятся, но дров мало); к этому при-

соединялась тревога за семьи, остались дома старики, бабы да дети, которые будто бы голодали. К обыкновенным солдатским, часто справедливым жалобам, примешивалось недовольство недавно призванных людей старших сроков службы.

Уезжая около 4 час. утра в штаб дивизии, я выразил командующему полком порицание за недостаток энергии и распорядительности, приказал принять все меры, чтобы полк утром был готов выступить, и приказал построить его для инспекторского опроса.

В штабе дивизии я доложил по телефону командиру 1 туркестанского корпуса генералу Шейдеману о результатах, а также о том, что подводить какие-либо новые части для приведения полка в повиновение пока не требуется. Ген. Шейдеман подтвердил мне неудобство принятия мер, соединенных с применением вооруженной силы, в месте расположения Одоевского полка, поблизости от боевых позиций. О том же мне было сообщено через вызванного мною ком. 493 пех. Оргюевского полка полковника Терлецкого (для смены командующего Одоевским полком полковника Ивашиненко), который по пути следования был в штабе 1 туркестанского корпуса.

По моем прибытии в 8 час. утра 20 января к штабу Одоевского полка, командующий полком полковник Ивашиненко доложил мне, что состояние полка и настроение без перемены. Полк выстраивается, но еще не был построен.

Выждав несколько минут, я пошел к полку. При мне первый батальон вышел на свое место. С началом инспекторского опроса прибыл вновь назначенный командующий дивизией генерал-майор Потапов, который ко мне присоединился. При опросе меня сопровождал полковник Терлецкий, о предназначении которого я сообщил ген.-майору Потапову. В середине обхода меня вызвал к телефону в штаб полка вновь назначенный командующий корпусом ген.-лейт. Скоропадский, которому я вкратце сообщил об обстановке и доложил, что через час окончу опрос.

Результаты были следующие: вид людей утомленный. Выправка очень плохая. Отвечают на приветствие недружно. Одеты сравнительно недурно. Обувь, несмотря на жалобы, в удовлетворительном состоянии. Жалобы в общем те же, что при ночном обходе: утомление (стоим на позициях целый год), кратковременность отдыха, сопровождаемого работами, плохое помещение, плохая пища, чечевица или дают 20 селедок на 50 человек.

Присоединились заявления, что не успевают стирать белья, не всегда получают в бане чистое белье, не отпускают в отпуск, некоторые не получили жалования (в 4 роте), у некоторых нет теплого белья, в ротах мало полушубков, у некоторых семьи не получают пайков, начальство не обращает внимания, офицеры не бывают в ротах. В 9 роте заявили, что ротный командир часто в нетрезвом виде. Были жалобы, что не может служить по нездоровью, что дома осталась одна жена с малолетками и мать старуха; 4 роты рядовой Шоломов заявил, что у него два брата пропали без вести на войне, он последний, мать не получает пособия; той же роты рядовой Чуваков заявил, что его отец 60 лет и семья не получает пайка.

Более всего жалоб было в 3 и 4 ротах. Здесь, повидимому, и зачинщики. Жалуясь на тревогу в семьях, некоторые заявили, что отбирают последний хлеб, а полиции прибавляют жалованье, что земли мало и т. п. Сопровождавший меня полковник Терлецкий, а также ген.-майор Потапов особо отметили людей, поднимавших подобные заявления или пробовавших говорить за других.

На вопрос о полной готовности итти сейчас же, куда прикажут,

только в 13 и 14 ротах последовал дружный, утвердительный ответ. В других ротах отвечали недружно или вовсе не отвечали, а в ротах 1 и 2 батальона передние ряды молчали, а из задних рядов раздавались голоса: «Смену, смену, устали».

Окончив опрос, я доложил обо всем ген.-лейт. Скоропадскому, поступив в его распоряжение.

После опроса и обращений моих и г.-м. Потапова, видимо, произошла перемена в настроении.

Когда я возвращался к штабу полка, ко мне подбежали в слезах 13 роты рядовые Горвачев и Сеньков; из них первый сказал: «Ни отец мой, ни я никогда не были под судом; спасите, что делать».

Через несколько времени командующий 4 батальоном подпоручик Ходзицкий пришел доложить, что 4 батальон готов итти, просил указать, как и куда следовать.

Ген.-лейт. Скоропадский приказал полковнику Терлецкому, которого я представил, вступить в командование полком.

Батальон выступил.

Несколько позднее было заявлено о готовности выступить 3 батальона, но старший из ротных командиров выразил опасение, что 1 и 2 батальоны будут мешать.

Я предложил принять меры. Выслать дозоры от надежной и верной присяге команды разведчиков под командой отличного офицера прапорщика Параделова, не выпускать людей 1 и 2 батальонов из землянок. При малейшем поводе изготовлять к действию команду пулеметов Кольта, как более надежную.

Были сделаны необходимые распоряжения. Прап. Параделов выслал разведчиков с полной уверенностью. Только теперь полковник Ивашиненко доложил, что этот офицер минувшей ночью, одетый в солдатскую форму, обходил роты и знает некоторых зачинщиков.

По распоряжению ген.-лейт. Скоропадского, представленный ему мною полк. Терлецкий вступил в командование полком.

При выступлении 3 батальона было слышно несколько отдельных выстрелов в воздух, но батальон выступил без дальнейших инцидентов. Было приказано на пути осмотреть винтовки для выяснения, кто стрелял.

Вслед за уходом 3 батальона было доложено, что 2 батальон тоже выстраивается. Вслед затем он выступил без помех.

За ним начал выстраиваться 1 батальон. Когда этот батальон выступил, то было доложено: люди спрашивают, куда выступают; если на позицию, то они не согласны.

Было приказано ответить, что должны итти, куда прикажут.

После некоторой проволочки батальон выступил. Было приказано подвести его к штабу полка, где были построены команда Кольта, разведчики и полицейская команда. Было вынесено знамя, и батальон в полном порядке с музыкой выступил в места расположения...

Причины беспорядков, по моему мнению: 1) Недостаток внимания со стороны высшего начальства и недостаток близости к нижним чинам командного состава в полку; следовало давно принять необходимые меры. 2) Недостатки командного состава. Неудачный выбор в тяжелое время командующего полком и продолжительный отпуск командира полка; неопытность офицеров без должного руководства; недостаток опытных офицеров. 3) Продолжительное отсутствие начальника дивизии, который был в отпуску, а затем временно командовал корпусом. 4) Неправильность в укомплектовании, постановку в строй без разбора сырого и даже заведомо вредного элемента. 5) Слишком короткий срок пребывания в резерве и неполный отдых. 6) Недостаток заботы к лю-

дям: плохая пища, плохие помещения. 7) Недостаточное оборудование к тому же очень трудной и беспокойной позиции. 8) Боевые неудачи. 9) Недостаток награждений, не видно ни крестов, ни медалей; некоторые люди (разведчики, в общем, молодцы) заявляли, что медали «не вышли».

По общему характеру всего происшедшего можно ожидать подобных же происшествий или побегов в других частях корпуса или той же дивизии.

Генерал-лейтенант Огородников.

Доклад адъютанта командира 34 корпуса начальнику 56 пехотной дивизии, 21 января 1917 г.[1]

В дер. Чебень, в ночь на 21 января, на основании личного приказания вашего превосходительства, я при помощи разговоров и расспросов г.г. офицеров и нижних чинов 2 батальона 223 Одоевского полка выяснил следующее: 5 рота вела себя, во все время происшествия, имеющего место 18, 19 и 20 января, вполне послушно, ни одного момента неповиновения или же дерзкого отношения к командному составу с ее стороны замечено не было. В 6, 7 и 8 ротах 18 и 19 января были проявления организованного неповиновения, сопровождающегося угрозами со стороны нижних чинов, как отделенным и взводным командирам, так и командирам рот. В взводного командира 2 взвода 7 роты ст. ун.-оф. Назаренкова была брошена бомба, и солдаты угрожали поднять его на штыки за то, что он пытался заставить своих подчиненных выйти и отправиться на позицию. Среди рот 2 батальона, 7 рота отличалась особым упорством и организованным неповиновением. Среди солдат замечены командирами рот и фельдфебелями следующие нижние чины, которые подстрекали других и громко заявляли свое негодование: 6 роты 1) рядовой Емельян Ананенко, 2) Андрей Крепышев, 3) Гениятула Мухтарулин; 7 роты: 4) рядовой Антон Кислый, 5) Ион Комков, 6) Николай Ивченко; 8 роты; 7) рядовой Терентий Соснин и 8) Тимофей Самородов.

Г.г. офицеры 2 батальона единогласно подтверждают факт организации «связи» между ротами и батальонами полка. Эта связь, состоящая из внезапно появлявшихся и также исчезавших отдельных лиц, была настолько хорошо организована, что моментально передавали известия из роты в роту, и все роты находились под постоянным контролем и террором этой сильной «связи». Показания допрошенных лиц устанавливают, что ядро организации «связи» и главное давление на отдельные роты производилось преимущественно со стороны 1 батальона, где по их мнению, более всего зачинщиков и подстрекателей.

Главной и единственной причиной возникновения беспорядков, по заявлениям допрошенных, явилась усталость и общее желание пойти в резерв. Полки стояли три недели на позиции и одну неделю в резерве, что, судя по показаниям, совершенно не было достаточным отдыхом и с каждым днем увеличивало ропот среди нижних чинов. Вр. командующий 2 батальоном поручик Григорьев, желая хотя бы одну роту повести на позицию, сдал командование батальоном поручику Ликше, стал во главе своей 5 роты и беспрекословно повел ее в дер. Корсынь. При расследовании вполне точно выяснилось, что мысль о соучастии в беспорядках г.г. офицеров отпадает и не может иметь никаких оснований. Возмущение против бунтарей, горячее желание уличить зачинщиков и развитое чувство обязанности ясно определилось

[1] КОИА, фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествиях в 223 Одоевском полку», л. 134—135.

во время моих допросов. Начальник пеших разведчиков прапорщик Параделов, желая узнать истинное настроение среди солдат, добровольно надел форму нижнего чина и всю ночь на 19 января, по его показанию, провел среди нижних чинов, разговаривая с ними, играя в карты и т. п. Прапорщик Параделов тоже утверждает, что главной причиной беспорядков нужно считать общее желание пойти в резерв.

Личный адъютант командира 34 корпуса прапорщик Чернецкий.

Телеграмма[1]

Военная оперативная

По приказанию командира передано, что Главкоюз приказал быстро выяснить главных виновников и расправиться с ними полевым судом самым решительным образом, не теряя времени, о чем донести. Н. Р. О. 6330.

Алексеев.

20/1. 1917 г. 16 ч.

Из приговора военно-полевого суда 23 января 1917 г., № 19[2]

Военно-полевой суд, учрежденный при 56 пех. дивизии, согласно приказа по означенной дивизии от 22 января 1917 года за № 19, в составе председателя командующего 610 пехотным полком, 222 пехотного Краснинского полка полковника Бялецкого и членов: 222 пехотного Краснинского полка полковника Чекатовского, 224 пехотного Юхновского полка подполковника Пашина, 221 пехотного Рославльского полка капитана Севрина и 222 пехотного Краснинского полка штабс-капитана Авдекович, в судебном заседании 22—23 января 1917 года, рассмотрев дело о рядовых 223 пехотного Одоевского полка: 2 роты рядовых Комина, Тимофея Сизова, Владимира Пушного и Василия Шубина; 4 роты: Якова Мартынова, Афанасия Березина, Сергея Винокурова, Шейхутина Гильманова, Димитрия Переладова, Алексея Ярыгина, Ивана Куришева, Александра Изместьева, Франца Шамборского и Алексея Михайлова; 6 роты: рядовых Емельяна Ананенко, Андрея Крепышева и Гиниятула Мухтарулинова; 7 роты: рядовых Ионы Комкова, Антона Кислого и 13 роты: рядовых Иосифа Гиляса, Айвина Мубина и Александра Попова, преданных суду по обвинению в уклонении от исполнения приказания занять боевую позицию 18—19 января сего года...

Принимая во внимание показание свидетелей унтер-офицеров Назарова, Белкина, Гравина, фельдфебеля Воробьева, прапорщиков Косякова и Петрова, фельдфебеля Константинова и унтер-офицера Дядькина, суд признал подсудимых рядовых: Мартынова, Винокурова, Гильманова, Ананенко и Крепышева, виновных в том, что 18 и 19 января 1917 года, когда полк получил приказание сменить на позиции 224 пех. Юхновский полк, они с целью уклониться от исполнения приказания и не принимать участия в боевых действиях полка, стали кричать при выступлении рот и батальонов, чем и склонили полк не выступать на позицию. Означенное деяние предусмотрено ст. 245 кн. XXII св. ВП 1869 г. (изд. 4), а потому суд постановил рядовых: Якова Мартынова, Сергея Винокурова, Шейхутина Гильманова, Емельяна Ананенко и Андрея Крепышева, по лишению всех прав и состояния, предать смертной казни — расстрелянием.

[1] КОИА, фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествиях в 223 Одоевском полку» за 1917 г., л. 9.

[2] Там же.

Принимая во внимание показание свидетелей: подпрапорщика Федосеенкова, унтер-офицеров: Опалько, Комакова, Гончарова, фельдфебеля Иванова, унтер-офицеров: Синельникова, подпоручика Савченкова и подпрапорщика Дмитриева, суд признал второстепенными лицами вышеназванного преступления, что предусмотрено ст. 75 кн. XXII св. ВП 1869 г. (изд. 4) нижепоименованных нижних чинов, почему постановил: лишить всех прав и состояния и сослать в каторжные работы: рядовых Тимофея Сизова и Иону Комкова по 3 ст. в высшей мере сроком на (15) пятнадцать лет; рядовых Владимира Пушнова, Василия Шубина, Алексея Ярышина, Ивана Крылова, Александра Изместьева и Франца Шамборского по 4 ст. в высшей мере сроком на (12) двенадцать лет; рядового Иосифа Гиляс — по 5 ст. в высшей мере, сроком на 10 лет; рядовых Айвина Мубина, Александра Попова и Петра Комина по 6 ст. в высшей мере, сроком на 8 лет; рядовых: Димитрия Переладова и Антона Кислова по 7 ст. в высшей мере сроком на 6 лет.

Рядовых Афанасия Березина, Алексея Михайлова и Гиниятула Мухтарулинова суд постановил считать по суду оправданными по недоказанности предъявленного им обвинения.

О рядовом Якове Быкове, как не прибывшем в суд за нерозыском, суд суждения не имел.

Председатель суда полковник Бялецкий, члены: полковник Чекатовский, подполковник Пашин, капитан Севрин и штабс-капитан Авдекович.

(Над текстом документа следующая надпись):

В отношении рядовых Мартынова, Винокурова, Гильманова, Анцеко и Крепышева приговор суда утверждаю. В отношении прочих 18 нижних чинов с приговором суда не согласен. 23 января 1917 г. Командующий 56 пехотной дивизией генерал-майор Потапов.

Рапорт командира 34 корпуса ген.-лейт. Скоропадского командующему Особой армии, 26 января 1917 г., № 150 с[1].

20 января, по прибытии моем и генерала Потапова в 223 пех. Одоевский полк, после моего обращения к части, мною было приказано развести батальоны полка; таковые к вечеру прибыли на новые места стоянок, где немедленно был произведен арест 53 нижних чинов, наиболее подозрительных. Как мое приказание развести батальоны, так и арест выполнены были без всякого сопротивления со стороны нижних чинов. К утру 22 января было закончено дознание и того же числа учрежден военно-полевой суд, коему были преданы 23 нижних чина; вынесенным 23 января приговором суда 5 нижних чинов были приговорены к смертной казни; эта часть приговора была утверждена, и присужденные были казнены в 23 часа того же дня ротами, принимавшими наибольшее участие в происшествии; остальная часть приговора, коей 15 человек были приговорены к каторжным работам, не была утверждена, и приговор представлен мною 24 января в 1 общий корпусной суд Особой армии.

25 января предается военно-полевому суду вторичная группа нижних чинов в количестве 16 человек, которые не были преданы суду 22 января, так как были необходимы для более полного выяснения события; кроме означенных 16, содержится под арестом 46 заподозренных нижних чинов и 160 выделено из полка, как ненадежные; 24 января разжаловано 30 унтер-офицеров и производится в дальнейшем

[1] КОИА, фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествиях в 223 Одоевском полку» за 1917 г., л 61—62.

выяснение виновности остальных начальствующих лиц и нижних чинов. Что касается офицеров полка, то против некоторых из лиц высшего командного состава предстоит возбуждение уголовного преследования; в отношении же остальных, а также лиц низшего командного состава предположено принятие мер дисциплинарного взыскания, так как данных на привлечение их к ответственности по суду не имеется, а есть лишь указание на непроявление с их стороны достаточной энергии и расторопности.

С 21 января ведется предварительное следствие следственною комиссиею из лиц военно-судебного ведомства под личным наблюдением военного прокурора.

Ко времени моего и начальника дивизии прибытия в полк, поведение нижних чинов было таково, что тут на месте принятие крутых мер не вызывалось необходимостью и даже было бы вредно в виду близости к позиции. По прибытии в резерв, все меры воздействия принимались и принимаются без замедления, причем в основу их положено как желание произвести впечатление суровостью приговора, так и необходимость выяснить всесторонне ход самого события и, главным образом, причины, вызвавшие его, а также степень его распространенности.

Ген.-лейт. Скоропадский.

На документе надпись

Конфирмация: Приговор суда утверждаю. 31 января 1917 года. Генерал-адъютант Брусилов.

Приговор вошел в законную силу в 4 часа дня двадцать восьмого числа января месяца 1917 года.

Председатель суда генерал-майор Кремков. 1917 года января двадцать седьмого дня в 4 часа дня приговор сей объявлен в присутствии военного прокурора полковника князя Кубекова и при секретаре титулярном советнике Лашауре, без бытности подсудимых.

Председатель суда, генерал-майор Кремков.

Из приговора корпусного суда Особой армии, 26 января 1917 г.[1]

По указу его императорского величества, 1917 года января 26 дня второй общий корпусной суд Особой армии под председательством генерал-майора Кремкова, в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали временные члены: войсковой старшина 58 донского казачьего полка Попов и подполковник 56 артиллерийской бригады Назаров, при военном прокуроре полковнике князе Кубекове и при секретаре титулярном советнике Лашауре,— слушал дело о рядовых 223 пех. Одоевского полка.

Приговор военно-полевого суда, в части, касающейся 14 названных осужденных и 3 оправданных подсудимых, не был утвержден командующим дивизией[2], который в рапорте своем от 24 января № 65 донес, что с приговором в отношении осужденных на каторжные работы на разные сроки он не согласился, находя наказание недостаточно суровым, так как беспорядки в полку достаточно серьезны, чтобы можно было этим ограничиться для морального воздействия на полк.

Согласившись с мнением начальника дивизии, командир 34 армей-

[1] КОИА, фонд «34 армейский корпус», «Дело о происшествиях в 223 Одоевском полку» за 1917 г., л. 93.

[2] Там же.

ского корпуса 25 января 1917 года передал настоящее дело на рассмотрение общего корпусного суда Особой армии, причем дополнительно разъяснил, что дело передано в корпусный суд для рассмотрения не только в отношении 14 осужденных и оправданных военно-полевым судом подсудимых.

Постановлением распорядительного заседания второго общего корпусного суда, на рассмотрение коего дело было передано штабом армии от 26 января, определено: дело рассмотреть по существу с вызовом всех 17 подсудимых, а равно и вызывавшихся в военно-полевой суд свидетелей.

Обсудив обстоятельства дела, разъясненные судебным следствием, и выслушав заключение военного прокурора и объяснения подсудимых, суд признал виновными: подсудимых Сизова, Ярыгина, Курышева, Изместьева, Шамборского, Комкова, Пушного, Шубина, Переладова, Гиляса, Комина, Айвина-Мубина, Попова, Мухтарулинова и Кислого в том, что когда 18 января 1917 года 223 пех. Одоевский полк должен был итти на смену на позицию 224 пех. Юхновского полка, для исполнения чего вр. командующим полком было отдано первому из означенных полков приказание заступить побатальонно на соответствующие участки боевой позиции и 19 того же января, когда вновь было отдано то же приказание, часть нижних чинов полка, с целью уклониться от исполнения и не принимать участия в боевых действиях полка, стала кричать, при выстраивании рот и батальонов, что на позицию итти не надо, необходимо стать на отдых, так как довольно уже воевать, вследствие чего полк на позицию не выступил и в боевых действиях участия не принял, то: а) рядовой Сизов — совершил непосредственно указанные выше действия, сверх того, для установления однообразия в действиях, направленных против выступления на позицию, 18 января ходил в роты 2 батальона и сообщил обо всем, происходившем в его роте — всеми каковыми действиями своими склонил полк не выступать на позицию; б) рядовые — Пушный, Шубин, Ярыгин, Курышев, Изместьев, Шамборский, Мухтарулинов, Переладов, Комков и Гиляс — при указанных выше обстоятельствах с вышеуказанной целью кричали, что не надо итти на позицию, а надо итти на отдых, и в) рядовые Комин, Кислый, Айвин Мубин и Попов — при тех же обстоятельствах и с тою же целью кричали, что полку нужна смена, при этом судом признано, что деяние совершено по предварительному соглашению участвовавших в нем лиц, причем подсудимый Сизов склонил других участников к совершению преступления, а прочие поименованные осужденные присоединились к склонившим их и непосредственно участвовали в совершении преступления, признанными за каждым из них действиями; и виновными: а) рядовых Пушного и Шубина — в том, что они, с целью установления однообразия в действиях, направленных против выступления на позицию, 18 января ходили в роты 2 батальона и сообщали о всем происходящем в их роте; б) рядовых Ярыгина, Курышева и Шамборского в том, что они, с тою же целью 19 января в течение целого дня ходили по другим ротам и батальонам полка и сообщали обо всем происшедшем в их роте, в) рядового Мухтарулинова в том, что он с тою же целью 18 и 19 января неоднократно ходил в батальон и сообщал обо всем, происходившем в его роте — по недоказанности того, что подсудимые эти с указанной целью ходили в означенные роты и батальоны; г) этих же семерых подсудимых, а равно рядовых Комина, Переладова, Комкова, Кислого, Гиляса, Айвина Мубина и Попова в том, что они, признанными за каждым из них действиями, склонили полк не выступать на позицию — по недоказанности этого обстоятельства; и

д) рядовых Березина и Михайлова — в том, что при описанных выше, имевших в полку 18 и 19 января место событиях, они стали кричать при выстраивании рот и батальонов, что на позицию итти не надо, а необходимо стать на отдых, так как довольно уже воевать, а Михайлов, сверх того, в том, что вечером 19 января, когда рота была построена для выступления на позицию, стрелял из винтовки для удержания нижних чинов от исполнения приказания итти на позицию,— по недоказанности совершения кем-либо из этих двух подсудимых какого-либо из указанных действий, а также того, что они принимали какое-либо участие в совершении вышеописанного преступления прочих подсудимых или в соглашении на таковое.

Обращаясь к применению законов и наказаний, суд находит, что деяние всех 15 признанных судом виновными подсудимых составляет участие в уклонении от исполнения приказания принять участие в боевых действиях.

Каковое деяние совершено ими по предварительному между ними соглашению: Сизовым в качестве зачинщика, а прочими в качестве сообщников, и на основании 245 ст. XXII кн. СВП 1869 г. (изд. 4) и ст. ст. 13 и 118, 119 улож. о нак. и исправ. подвергает их лишению всех прав состояния и смертной казни по обстоятельствам дела, на основании 10 и 12 ст. XXII кн. СВП 1869 г. (изд. 4) суд избирал подсудимому Сизову это наказание через расстреляние, с законными праволишениями и последствиями; принимая же во внимание, что прочие признанные виновными не были ни подстрекателями, ни зачинщиками, ни начальниками, ни старшими, суд, на основании 75 ст. XXII кн. заменил всем им указанное выше наказание лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы: Ярыгину, Курышеву, Изместьеву и Шамборскому — на 20 лет каждому; Пушному, Шубину, Переладову, Гилясу и Комкову — на 12 лет каждому, и Комину, Айвину Мубину, Попову, Мухтарулинову и Кислому — на 8 лет каждому, т. е. первым четырем — по высшей мере 2 ст. 14 ст. ст. XXII кн., следующим пяти — по низшей мере 3 степ. той же статьи и последним четырем по низшей мере 5 степ. той же статьи, при этом ввиду того, что подсудимому Кислому более 17, но менее 21 года от роду, суд на основании 139 ст. улож. о нак. угол. исправит., сократил определенное этому подсудимому наказание на одну треть, окончательно назначив ему это наказание на 5 лет 4 мес.; указанные сроки каторжных работ назначил всем осужденным с законными праволишениями и последствиями.

По обвинению же подсудимых Березина и Михайлова в деяниях, в совершении коих они признаны невиновными, должен быть на основании 1 п. 910 ст. XXIV кн. СВП 1869 г. (изд. 4) постановлен определенный приговор, по недоказанности этого обвинения.

Таким образом, по отношению к последним двум подсудимым, приговор военно-полевого суда, учрежденного при 56 дивизии от 22/23 января 1917 года, согласно 973—974 п.п. прил. 8, кн. 1309 (по редак. прик. верховного главнокомандующего 1915 г. № 383) кн. XXIV СВП 1869 г. (изд. 4) подлежит утверждению.

По отношению же прочих осужденных, согласно тех же статей закона и за неустановлением в приговоре военно-полевого суда как признанной виновности каждого из осужденных, так и соображений о применении уголовного закона в размере наказаний — отмене с заменой такового постановлениями настоящего приговора.

На основании вышеизложенного... суд постановил:

1. Приговор военно-полевого суда, утвержденного при 56 дивизии от 22/23 января 1917 года в отношении подсудимых рядовых 223 пех. Одоевского полка Афанасия Березина, 33 лет и Алексея Михайлова,

35 лет,— утвердить и подсудимых этих считать по суду оправданными по недоказанности предъявленного к ним обвинения в участии в уклонении от исполнения приказания принять участие в боевых действиях.

2. Тот же приговор в отношении подсудимых рядовых того же полка: Петра Комина, 27 лет, Тимофея Сизова, 32 лет, Владимира Пушного, 27 лет, Василия Шубина, 35 лет, Дмитрия Переладова, 25 лет, Алексея Ярыгина, 26 лет, Ивана Курышева, 31 года, Александра Изместьева, 32 лет, Франца Шамборского, 22 лет, Гиниятулы Мухтарулинова, 25 лет, Ионы Комкова, 23 лет, Антона Кислова, 20 лет, Иосифа Гиляса, 25 лет, Мубина Айвина, 29 лет, и Александра Попова, 22 лет, отменить и подсудимых этих, признанных виновными в участии в уклонении от исполнения приказания принять участие в боевых действиях, учиненном ими по предварительному между ними соглашению: Сизова — в качестве зачинщика, а прочих и в качестве сообщников — подвергнуть лишению всех прав состояния и воинского звания, а подсудимых Шамборского — медали в память 300-летия царствования дома Романовых и Айвина — серебряной медали на Станиславской ленте с надписью — «за усердие» — исключить из военной службы, Сизова — подвергнуть смертной казни через расстреляние, а прочих 14 подсудимых сослать в каторжные работы: Ярыгина, Курышева, Изместьева и Шамборского — на 20 лет каждого; Пушного, Шубина, Переладова, Гиляс и Комкова — на 12 лет каждого; Комина, Айвина, Попова и Мухтарулинова — на 8 лет каждого и Кислова на 5 лет и 4 месяца, с последствиями для всех 15 по 22—25 и 27—28 ст. ст. улож. о наказаниях уг. и испр.

3. Настоящий приговор по вступлении его в законную силу, но до обращения к исполнению в отношении осужденного Сизова... представить на усмотрение главнокомандующего армии юго-западного фронта.

Председатель суда, ген.-майор Кремков.

Требование народа о заключении Николая Романова в крепость

Ниже мы публикуем несколько документов, относящихся к первым дням Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. В течение нескольких дней под натиском рабочих и крестьян в солдатских шинелях пала кровавая династия Романовых, а вместе с ней пошатнулось господство эксплоататорских классов.

Власть, попавшая в руки капиталистов и помещиков, оказалась бессильной справиться с гневом восставшего народа и хваталась за все возможности, которые могли бы пригодиться для укрепления своего положения.

Ставка на низвергнутую восставшим народом романовскую династию была не последним средством плана такого упрочения власти. Однако, закулисная игра, направленная к замене одного царя другим, потерпела полную неудачу. Не помогли этому плану и некоторые ренегатские выступления, призывавшие к сотрудничеству классов, поддержке буржуазии и утверждению власти Михаила Романова (приветственные телеграммы врага народа Каменева Мих. Романову, князю Львову и Родзянко). Тогда появился план эвакуации Романовых за границу. Пока же Временное правительство содержало царя и его приближенных в Царском Селе, сохраняя все привилегии их и обставляя неизбежный арест такими условиями, в которых царская династия чувствовала себя как бы временно отстраненной от власти. Слухи об этих планах вскоре просочились в массы и вызвали горячее негодование и решительный протест этих масс.

Мы публикуем несколько резолюций, постановлений и писем различных массовых рабочих, солдатских и крестьянских организаций, содержащих негодующие протесты против тактики буржуазии. Документы содержат настойчивые требования рабочих и крестьян о немедленном заключении низвергнутого царя, его семьи и всех приспешников монархии в Петропавловскую крепость или же передаче их под охрану революционных моряков кронштадтского гарнизона.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в фондах Центрального архива Октябрьской революции.

К. Г.

Резолюция общего собрания рабочих 6 заводов Эрлих, Якорь, Литин, Вельман, Аспер, Ворман, 6 марта 1917 г.[1]

Решили единогласно, что Совет рабочих депутатов вынес постановление о возобновлении работ 7 марта сего года, но мы, рабочие данного собрания, приняли во внимание, что борьба с царизмом еще не закончена и глава его Николай II с целой шайкой приспешников не изолированы; посему требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов немедленного ареста Николая и его приспешников и что даже жертвы революции не погребены; считая это постановление преждевременным, но не желая вносить дезорганизацию в ряды демократии,

[1] ЦАОР, ф 1235, оп. 46, д. 3, 1917 г., л. 10.

а посему и приступаем к работе 7 марта с. г., но с тем, что по первому требованию вызова быть готовыми выступить как один человек. Вместе с тем предлагаем Совету рабочих и солдатских депутатов оповестить весь мир о совершившемся у нас в России перевороте и призвать все народы к общему единению и прекращению кровавой бойни на началах братства и любви и равенства. Также требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов провести положение о 8 часовом дне без сверхурочных работ на законном основании.

Председатель собрания Антонов.

Участники собрания А. Петров, М. Тимофеева, С. Каменцев, А. Потемкин.

Наказ избранным депутатам в Совет от рабочих Балтийского завода [1].

Мы, рабочие Балтийского завода, обсуждая вопрос о возобновлении работ, постановили поручить нашим представителям в Совете рабочих и солдатских депутатов потребовать от Совета рабочих и солдатских депутатов:

1) Войти в тесную связь с революционным рабочим классом всех воюющих и нейтральных стран для совместного прекращения войны без завоеваний и контрибуций.

2) Потребовать от Временного правительства категорического заявления о том, что новая Россия ведет войну не с трудовым народом Германии и Австрии, а с их правительствами и готова в любой момент прекратить войну, заключив мир с народами воюющих стран.

3) Потребовать от Временного правительства арестования Николая II и всего дома Романовых для предупреждения всяких попыток контрреволюции.

4) Обеспечить нормальный 8 часовой рабочий день и защиту экономических требований рабочего и крестьянского класса.

Мы, рабочие Балтийского завода, вполне доверяя нашим избранникам депутатам в Совете рабочих и солдатских депутатов, готовы в любой момент по их призыву прекратить единодушно работу и возобновить борьбу на защиту классовых интересов пролетариата и крестьян.

Председатель бюро членов с. р. и с. д. Коршунов.

Заявление членов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 7 марта 1917 г. [2]

Нижеподписавшиеся члены Совета рабочих и солдатских депутатов заявляют Исполнительному Комитету следующее:

1) В широких массах рабочих и солдат, завоевавших для России свободу, существует крайнее возмущение и тревога вследствие того, что низложенный с престола Николай II кровавый, уличенная в измене России жена его, сын его Алексей, мать его Мария Федоровна, а также все прочие члены дома Романовых находятся до сих пор на полной свободе и разъезжают по России и даже на театре военных действий, что является совершенно недопустимым и крайне опасным для восстановления нормального порядка и спокойствия в стране и в армии и для успешного хода защиты России от внешнего врага.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 46, д. 3, 1917 г., л. 9. Документ не датирован; судя по содержанию, относится ко времени не позже 10 марта 1917 г.

[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. 12, 1917 г., л. 60.

2) Мы предлагаем Исполнительному Комитету немедленно потребовать, чтобы Временное правительство безотлагательно приняло самые решительные меры к сосредоточению всех членов дома Романовых в одном определенном пункте под надежной охраной народной революционной армии.

3) Настоящее заявление требуем немедленно огласить и проголосовать в настоящем заседании Совета солдатских и рабочих депутатов [1].

Телеграмма Совета рабочих депутатов Константиновских заводов 22 марта 1917 г. [2]

(Замедлена накоплением в Харькове).

Не желая, чтобы многочисленные жертвы в борьбе за свободу [пропали] даром и сознавая, что только демократическая республика отвечает ближайшим задачам пролетариата, в виду тяжести ответственного момента, настойчиво призываем немедленно лишить свободы всю династию Романовых, дабы в корне пресечь возможность восстановления монархии, призываем с изменниками поступать, как с военными шпионами.

Совет рабочих депутатов Константиновских заводов.

Резолюция, принятая на собрании делегатов с фронта 12 апреля 1917 г. [3]

В виду несоответствия обстановки, в которой живет бывший царь и бывшие царицы, тяжести их вины перед народом и в виду явной опасности дальнейшего оставления их в такой обстановке, которая дает им возможность сношения с сочувствующими кругами,— собрание делегатов фронта 12 марта постановило:

Предъявить Исполнительному Комитету Советов рабочих и солдатских депутатов категорическое требование к переводу бывшего царя и обеих бывших цариц в Петропавловскую крепость.

Председатель [подпись].

Секретарь [подпись].

Заявление крестьян Кохомской волости Шуйского уезда в Петроградский Совет рабочих депутатов 5 мая 1917 г. [4]

Мы, нижеподписавшиеся, граждане крестьяне и крестьянки — рабочие из деревни Михалиц, Кохомской волости, Шуйского уезда Владимирской губернии на общем собрании постановили: в виду появившихся известий во многих газетах, а также и многих частных слухов о том, что арестованный Николай II Романов в царском дворце пользуется еще свободой, спаивает дежурных офицеров и требует, чтобы его называли «величеством», просим членов означенного совета сделать давление на Временное новое министерство о переведении его, как народного угнетателя, в крепость [5].

---

[1] Под заявлением имеется свыше ста подписей.

[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. № 12, 1917 г., л. 63.

[3] Там же, л. 72.

[4] Там же, л. 78.

[5] Заявление подписано крестьянами и крестьянками. Имеется свыше пятидесяти подписей.

Резолюция, принятая на общем собрании моряков команды крейсера «Россия», 20 мая 1917 г.[1]

1) Присоединяемся к резолюции, вынесенной командованием лин. кораблей «Заря свободы» и «Республика» с поправкой после слов: «Мы требуем, чтобы Совет С. и Р. Д. принудил коалиционное министерство сейчас же передать все земли и инвентарь к ним в ведение крестьянских комитетов»,— после которых считаем нужным прибавить: «для немедленного безвозмездного пользования крестьянами и для окончательного раздела по закону Учредительного собрания».

2) Второй пункт резолюции вышеуказанных кораблей принят единогласно.

3) Обсудив условия охраны Николая Кровавого и его опричников, находим эти условия охраны не отвечающими своему назначению. Мы признаем комфортабельную их жизнь недопустимой. Наши товарищи в борьбе за святое дело революции проходили тюрьмы, томились десятками лет в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях, голодали и истязались всеми способами в царствование вышеупомянутого Николая Кровавого и его опричников, и смертные приговоры для наших товарищей выносились в 24 часа, а наши требования о переводе вышеуказанного Николая Кровавого и его опричников в Кронштадт почему-то не могут быть исполнены уже два месяца.

Признавая отказ Временного правительства в исполнении наших требований стремлением итти вразрез нашей воле, мы в последний раз требуем от Временного правительства, по получении нашей резолюции, немедленно отправить Николая Кровавого и его опричников в Кронштадтскую крепость.

Считаем не лишним добавить к своей резолюции следующее:

Признавая ассигнование Временным правительством тысячных пенсий семействам бывших наших тиранов министров фактом великодушия к ним, требуем немедленной отмены вышеуказанных ассигнований и с своей стороны находим ненужным выдачу им даже пайка, получаемого семействами запасных.

Просим другие корабли присоединиться к нашей резолюции.

За председателя корабельного комитета [подписи].

Резолюция команды линейного корабля «Республика», 20 мая 1917 г.[2]

Мы, команда линейного корабля «Республика», обсудив вопрос о переводе в Кронштадт бывшего царя Николая II со всей его свитой, пришли к следующему заключению: немедленно требуем от Совета солдатских и рабочих депутатов Петрограда, чтобы он потребовал от Временного правительства перевода бывшего царя и его приспешников в Кронштадт под охрану матросов.

Команда линейного корабля «Республика».

Добавление к резолюции, вынесенной командой линейного корабля «Республика»[3].

Когда же будет наш народный голос голосом повелительным, когда же наши требования будут приводиться в исполнение теми, которых мы уполномачивали в Совет солдатских и рабочих депутатов Петро-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. № 12, 1917 г., л. 81.
[2] Там же, л. 79.
[3] Там же, л. 85.

града, чтобы удовлетворить тех, которые лишены были голоса даже заявлять о своих потребностях. Поэтому смело говорим: что настало время не просить, а требовать. Требование не выполняется,— будем приказывать. С кем же надо считаться? Надо считаться с пославшими, т. е. с народом, который послал своих представителей в комитеты, Советы и разные учреждения и, дожидаясь своего удовлетворения, говорят, что его представители будут выполнять только волю народа. Мы понимаем, что демократические начала основаны на выполнении требований народа от своих представителей. Но почему же наши требования разлетаются в воздухе? Военно-морской министр говорил, что я теперь буду молчать и действовать и мы тоже теперь скажем: будем молчать и действовать. В заключение спрашиваем Совет солдатских и рабочих депутатов, будет или нет исполнено наше требование? Если нет, то скажите, почему? Осмельтесь же потребовать от смешанного министерства исполнения вышеуказанного и, кто этому мешает, должны о нем огласить, чтобы был виден противник. Еще раз говорим, что мы надеемся, что повторение такой резолюции вы не допустите, а решите с настоящей.

Команда линейного корабля «Республика».

Резолюция линейного корабля «Республика», 23 мая 1917 г.[1]

Мы, матросы линейного корабля «Республика», выслушав доклад о текущем моменте, о борьбе пролетариата с капиталистами, приветствуем товарищей рабочих в их справедливой борьбе за полное освобождение от гнета кровопийц-капиталистов, в их стремлении к действительному миру и свободе народов. Мы обещаем товарищам рабочим всякую поддержку и помощь в этой борьбе. Мы, в целях ускорения ее, требуем немедленного созыва Всероссийского съезда Советов солдатских, рабочих, крестьянских, батрацких и других депутатов, который должен: 1) взять всю власть в государстве в свои руки; 2) должен принять действительные меры к немедленному окончанию войны, для чего должен обратиться от лица действительно всего народа к демократии западно-европейских стран, опубликовать заранее тайные грабительские договоры царской шайки с шайками капиталистов в других странах; 3) должен установить полный контроль народа над производством сельскохозяйственных продуктов и фабричных изделий; 4) должен реквизировать в пользу всего народа все земли помещичьи, монастырские, удельные и пр., должен отобрать у предпринимателей орудия производства; 5) должен окончательно обезвредить царскую шайку Николая Кровавого и его приспешников и передать под охрану революционных войск в Кронштадт до окончательного и скорого суда над этой шайкой. До созыва Всероссийского съезда советов за единственно правильные меры, ведущие к продолжению мировой революции: а) полное воздержание от наступления с нашей стороны, б) братание и тесную связь с товарищами по другую сторону фронта, в) организованное отбирание крестьянскими обществами земель и совместную обработку их и г) установление контроля над производством всех промышленных заведений страны.

Председатель комитета [подпись].

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. № 12, 1917 г., л. 83.

Постановление общего собрания моряков команды крейсера «Диана» [1].

Мы третий раз уже не намерены шутить ни с кем. Мы последнюю резолюцию выносим, а потом после этой уже будем действовать открытой силой. Итак, кому дорога свободная родина, тот немедленно присоединяйся к нам для спасения молодой свободной России. Пока у нас находится в своем дворце Николай Кровавый, дотоле мы не можем быть спокойны, дотоле мы не можем сказать уверенно, что он от нас не улизнет и не начнет на те же деньги, которые награбил, будучи коронованным разбойником, мутить, т. е. устраивать контрреволюцию, которую нам совершенно не надо. Вот, товарищи, почему мы требуем отправить теперь же Николая Романова в г. Кронштадт, как к самому верному революционному народу [2]. Только один Кронштадт является центром, которому можно доверить такого важного государственного преступника, как Николай Романов, и только ему и его клике место надежное в г. Кронштадте. Итак, товарищи, мы последний раз призываем вас притти на помощь, чтобы то, что выше сказано относительно Николая Романова, осуществилось не на словах, а на деле. «Меньше слов, да больше дела» говорит русская пословица, и ее не надо забывать.

Что подписью с приложением печати судового комитета свидетельствуется.

За председателя [подписи].

Постановление крестьян Нижне-Чулымской волости Барнаульского уезда, 4 июня 1917 г. [3]

1917 года июня 4 дня мы, нижеподписавшиеся, граждане Томской губернии Барнаульского уезда Нижне-Чулымской волости, быв. сего числа на полном волостном народном собрании всей нашей волости, состоящей из селений: 1) Чулымского, 2) Ильинского, 3) Горностав-ского и 4) Берно-Каргатского, где между прочим обсуждали вопрос о том, что, как известно, бывший царь Николай II до настоящего времени содержится в Александровском дворце Царского села, и получается, что как-будто бы он не арестован, так как, находясь в своем дворце, не может считаться арестованным наравне с прочими бывшими его министрами-предателями, и, имея в виду, как заявления некоторых возвратившихся с фронта солдат, так и из газетных сведений, что некоторые части войск обращались к Временному правительству с требованием перевести бывшего царя из дворца в одну из крепостей, но ходатайства эти пока не исполнены. По обсуждении этого вопроса постановили: просить временное правительство безотлагательно сделать распоряжение перевести бывшего царя из дворца в одну из крепостей с его женой [4] и содержать их как обыкновенно содержатся арестованные, не делая никаких послаблений, ибо, по разумению нашему, они этого вполне заслужили. В том подписуемся.

Подписи.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 83, д. № 12, 1917 г., л. 82. Постановление не датировано. Первых двух постановлений в делах архива не обнаружено. Настоящее постановление относится к маю 1917 г.

[2] Так в подлиннике.

[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. № 12, 1917 г., л. 88.

[4] Слово — «семейство» зачеркнуто и под ним подписано «женой».

Постановление общего собрания рабочих Архангельского военного порта, 20 июня 1917 г.[1]

Мы, рабочие Архангельского военного порта, будучи на общем нашем собрании, единогласно вынесли следующую резолюцию:

Мы, рабочие Архангельского военного порта, требуем от Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленного перевода бывшего царя из Царского села в более соответствующее по его бывшей преступной деятельности место, каковым мы признаем в настоящее время Кронштадт, стоящий на страже интересов революции.

Мы признаем, что бывший царь, четверть века терзавший нашу родину, не в праве пользоваться хорошими условиями жизни, в которых он теперь находится, теперь, когда мы вынуждены недоедать, недопивать и отказываться от самых существеннейших потребностей только благодаря его четвертьвековой деятельности.

Председатель И. Д. Скуратов.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 33, д. № 12, 1917 г., л. 90.

Продовольственное положение в Москве в марте—июне 1917 года.

(По донесениям комиссаров московского градоначальства)

Сухие и в ряде случаев тенденциозные сводки чиновников московского градоначальства говорят о катастрофическом продовольственном положении в Москве в 1917 г., о разгуле спекуляции, ухудшавшей положение трудящихся, и о развитии революционной борьбы московских рабочих в этот период.

Документы настоящей публикации в основном — рапорты Московского градоначальства, составленные на основании донесений 48 участковых комиссаров Москвы о происшествиях.

Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции, в фонде канцелярии комиссара Временного правительства по г. Москве за 1917 г. (ф. 326, д. № 26, 1917 г.). Документы подобраны сотрудниками ЦАОР тт. Кужелевой и Аваевой.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 10 марта 1917 г.

Комиссары 48 участковых комиссариатов г. Москвы доносят за девятое марта до 9—10 часов вечера:

В городе было совершенно спокойно. Зарегистрирован лишь один случай небольших беспорядков на фабрике Энхеля[1] (Благушинского участка).

Продовольственное дело в большинстве районов налаживается. Только нет сахару, и это вызывает некоторый ропот.

В 1 Якиманском участке вопрос о хвостах разрешен так: комиссар допустил продажу хлеба из колониальных лавок с надбавкой свыше таксы на одну копейку за организацию и провес. Хвосты почти уничтожены, население успокаивается.

Отдельные жалобы поступили на недостаток хлеба в булочной Титова (в 1 Рогожском), где не хватило хлеба на 200 человек, и в 1 Басманном, где отмечены недоразумения в очередях у продовольственных лавок. Во 2 Басманном отмечено сокращение выпечки хлеба, и обыватели просят разгрузить булочные от наплыва солдат.

В различных частях города обнаружены тайные склады вина. В 3 Пресненском на Б. Пресне № 24—24[2] бочки виноградного вина, 3 Мещанском — 3 ящика вина, 1 Арбатском — 9 ведер спирта,

Во 2 Мясницком участке при осмотре склада Русско-торгово-промышленного банка были обнаружены огромные склады товаров, припрятанных со спекулятивной целью. Это усматривалось из того, что некоторые товары лежали на складе около года. Было обнаружено че-

---

[1] Канительная фабрика.
[2] Так в подлиннике.

тыре тысячи пудов серы, большие запасы махорки, восемь тысяч пудов марганца, склад кожи, на Варварской пл. д № 27—974 шт. хрома, 1 084 пары ботов, 12 кип ташкентских кож, 2 ящика лайки, 1 000 шт. войлока и т. п.

Комиссар градоначальства
присяжный поверенный Н. Карпинский.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по Москве Н. Кишкину, 12 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров за 11 марта приходится констатировать обострение продовольственного дела. Жалобы на недостаток хлеба поступили из Городского, 2 Пречистенского, 1 Сретенского, 2 Мещанского, 2 Арбатского, 2 Тверского, 3 Лефортовского, 1 Яузского, 1 Пресненского, Марьинского, 1 Мещанского, Богородского, 2 Яузского, 2 Пятницкого комиссариатов.

Повсюду возрастают хвосты у булочных. Общая причина обострения продовольственного кризиса — недостаток муки. Многие пекарни сократили выпечку хлеба почти в 2 раза. Так например пекарни Титова, Казакова, Трушина в районе 2 Яузского комиссариата вместо 180 пудов выпекают только 75 пуд. Помимо всего, комиссариаты, в районе которых находятся казармы воинских частей, жалуются на то, что солдаты сплошь и рядом вносят дезорганизацию в дело получения хлеба. Так, например, в районе того же 2 Яузского комиссариата булочная Титова ежедневно удовлетворяет вне очереди до 800 солдат.

Окраинные комиссариаты должны удовлетворять нужду в хлебе жителей подмосковных, которые за недостатком хлеба на местах устремляются за ним в Москву. На 12 марта должны были забастовать городские пекарни и прекратить выпечку хлеба. Пекарни частных булочных заявили, что если забастуют городские пекарни, то [и] они прекратят работу. Об этом своевременно сообщено городскому голове. Комиссары доносят, что вероятно будет допущена продажа хлеба в течение двух часов — от 9 до 11 ч.

Для уничтожения хвостов при булочных следовало бы распространить на весь город меру, введенную в некоторых комиссариатах, именно продажу хлеба, кроме булочных, и из колониальных лавок (с надбавкой в 1 коп. на 1 ф.).

С сахаром осложнений меньше, и жалобы на недостаток его поступили лишь из 2 Тверского, 1 Яузского, 1 Лефортовского комиссариатов.

Беспорядков на продовольственной почве нигде не было, но общее недовольство отмечается. Один случай беспорядка, возникший по иному поводу, произошел на Хитровом рынке: толпа оказала сопротивление производству обыска в д. Кулакова. Солдаты были вынуждены дать залп в воздух, после чего толпа разбежалась.

Районные комитеты успели организоваться в целом ряде участковых комиссариатов.

Агитационных выступлений против нового правительства нигде не замечалось. Митинги имели место в районе 2 Басманного участка, причем был провозглашен лозунг «Долой войну». В Марьинском участке произошел пожар одной булочной. Забастовка на фабрике Эриксон, по сообщению комиссара, протекает мирно.

Комиссар градоначальства
присяжный поверенный Н. Карпинский.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 13 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров за 12 марта отмечается констатированное вчерашним рапортом обострение продовольственного вопроса.

Не хватило хлеба в следующих участковых комиссариатах: во 2 Пятницком, 1 и 3 Лефортовском, 2 и 3 Рогожском, 2 и 3 Тверском, 1 и 2 Серпуховском, 1 Пятницком, 2 Хамовническом, 2 Якиманском, 3 Мясницком, 2 Сретенском, 3 Мещанском, Богородском комиссариатах.

Сегодня я, согласно предложению г. Беркенгейма, распорядился телеграфно обязать всех булочников, не имеющих запасов муки, получить таковую на Рязанском и Казанском вокзалах. Соответствующие распоряжения сделаны. Серьезные осложнения на продовольственной почве наблюдались во 2 Тверском комиссариате, где публика в очередях очень волновалась, так что пришлось вызвать милиционеров, которые увещеваниями успокоили толпу.

Жалоб на отсутствие сахара не поступало. Работа по организации районных комитетов продолжается. В городе многочисленные митинги проходили нормально. Наблюдались лишь отдельные выступления против Временного правительства и с лозунгом: «Долой войну».

Комиссар градоначальства присяжный поверенный

Н. Карпинский.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 14 марта 1917 г.

Донесения 48 участковых комиссаров в подавляющем большинстве рисуют острое ухудшение продовольственного дела. В громадном большинстве булочных не хватило хлеба для отпуска населению по карточкам. Вызываемое этим возбуждение толпы разрасталось в большие беспорядки, по донесению 2 Арбатского комиссариата, в районе которого до 1 000 человек не получило хлеба; доходило до крайности в 1 Мясницком комиссариате, где 2 000 человек не получили по карточкам хлеба и, в связи с этим, со стороны некоторых лиц громко выражалось недовольство Временным правительством. В 1 Сущевском комиссариате, благодаря недостатку хлеба, дело доходило чуть ли не до разгрома булочных; во 2 Сущевском 400 человек не получило хлеба, чем вызвано большое возбуждение; в Марьинском комиссариате, где хлеба не получило около 650 человек, имели место большие беспорядки и распространялись слухи о предстоящем погроме. То же отмечено в 3 Мещанском комиссариате, где без хлеба осталась почти половина жителей. В некоторые комиссариаты поступили жалобы на плохую выпечку хлеба.

Причиною сегодняшнего ухудшения в деле снабжения населения хлебом явилось отвлечение демонстрацией 12 марта всех рабочих и возчиков от обычных работ. Другою, более постоянной причиной недостатка хлеба является отпуск его солдатам без карточек.

Этим злоупотребляют как многие солдаты, так и булочники, скрывающие муку, ссылаясь на то, что из отпущенной муки ими хлеб распродан без карточек солдатам. Необходимо вопрос об отпуске хлеба солдатам урегулировать. Обострению хлебного вопроса способствовало также уклонение некоторых булочников от получения предоставляемой им комиссариатом градоначальника муки, как это было отме-

чено в 1 Рогожском относительно владельца булочной т-ва А. С. Титова С-ья. В одной из булочных, именно в Итальянской кондитерской на Б. Лубянке, обнаружено спрятанных 55 мешков муки, которые были описаны и сданы под расписку на хранение. Несколько лучше обстоит дело с сахаром, на отсутствие которого жалобы и поступали из ряда комиссариатов, однако без того обострения вопросов, какое отмечается с хлебом. Во 2 Сущевском в магазине Кондакова обнаружено 5 пуд. припрятанного сахара. В одном из комиссариатов — Симоновском — обнаружены торговля спиртными напитками и самогонные заводы спирта.

Митинги происходили в нескольких комиссариатах, но резолюции: «Долой войну» нигде не отмечено; лишь в 1 Арбатском задержан человек в форме прапорщика, говоривший за окончание войны. По задержанию он отправлен в штаб округа. Во 2 Якиманском задержан некто Белишев по обвинению в устройстве собрания для призыва к погромам.

Районные комитеты организуются.

Комиссар градоначальства присяжный поверенный
Н. Карпинский.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 15 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров вопрос о снабжении населения хлебом принял угрожающий оборот.

В некоторых комиссариатах найдена была спрятанная мука и по распоряжению заменяющего г. Беркенгейма г. Лопухина, ввиду критического положения, была реквизирована. Для учета пекарей необходимо, чтобы городской продовольственный отдел извещал комиссариат ежедневно, сколько пекарням каждого района отпущено муки.

К 16 марта предположено ввести новые карточки на хлеб. Однако из нескольких комиссариатов поступили сведения о невозможности осуществить к этому сроку раздачу новых карточек, ввиду позднего их извещения об этом и отчасти неналаженности дела.

Из целого ряда комиссариатов поступили донесения о сильном недовольстве населения в связи с отсутствием хлеба, причем в некоторых местах определенно ждут в ближайшие дни на этой почве беспорядков. Из Бутырского комиссариата сообщено, что в одной из булочных (Дроздова) выпекается очень мало хлеба и несколько дней выпекалось значительно меньше муки, чем Дроздовым получалось от общества хлебопекарей. Из 1 Пресненского донесено, что в булочной Титова совершенно не оказалось муки и завтра не будет выпечки хлеба. Из 2 Пресненского то же донесено о другой булочной Титова.

Из других вопросов продовольствия должно быть отмечено, что многие мясные лавки считают мясопустные дни отмененными и продают мясо. Следовало бы вновь подтвердить необходимость соблюдения соответствующего закона.

В некоторых районах обнаружены запасы. Во 2 Лефортовском у частного лица найдены три мясные туши, которые опечатаны. В Ново-Андроньевском найдено три безхозяйных мешка соды. Во 2 Мясницком — в кавказской закусочной, найден спирт и аппарат для гонки его. В 1 Пречистенском найдены пятнадцать бочек вина, склад которых опечатан и охраняется часовыми.

Из полицейских происшествий должны быть отмечены следующие: в 3 Мещанском в 1 час ночи пронесся по 1 Мещанской улице автомобиль, из которого производились выстрелы, задержать не удалось...

Комиссар градоначальства присяжный поверенный
Н. Карпинский.

Из рапорта в. и. о. комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 16 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров дело снабжения населения хлебом продолжает ухудшаться. За исключением 3-4 благополучных районов, отовсюду несутся одинаковые сообщения о том, что на почве обострения продовольственного дела население «возбуждено», «волнуется», «настроение бурно» и «угрожающе».

В Симоновском участке была драка женщин в хвостах; в 1 Тверском — дежурившие в хвостах плакали; в 4 Мещанском 700 человек не получило хлеба; в 3 Мясницком толпа намеревалась разгромить булочную Чуева; в 3 Мещанском половина населения осталась без хлеба; в 1 Пятницком не получила хлеба ⅓ часть стоявших в очереди.

На фоне крайней нужды в муке установилось особо острое отношение к случаям обнаружения припрятанных запасов: во 2 Сретенском в доме Мажарина найдено 25 пудов муки, которую пришлось доставить в лавки и распродать населению. Во 2 Мясницком в доме Еремеевых обнаружено 600 пудов риса, принадлежащих некоему Фалееву. В 1 Мясницком в булочной Титова (Б. Лубянка, 30), вопреки заявлению владельца о неимении муки, было найдено во дворе на складе 1 900 пудов муки и около 600 пудов выпеченного ржаного хлеба. Мука опечатана и о ней сообщено в центральный продовольственный комитет; циркулярно предписано произвести обыски во всех булочных Титова с целью обнаружения скрытой муки.

Из других происшествий должно быть отмечено прекращение в 3 Пресненском работы ассенизации и обусловленное этим ухудшение санитарного состояния упомянутого района.

Вр. и. о. комиссара градоначальства
приват-доцент Ю. Ключников.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 21 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров дело снабжения населения хлебом продолжает оставаться угрожающим лишь в нескольких комиссариатах.

Во 2 Арбатском положение очень плохое. Завтра в трех булочных Тихомирова хлеба совсем не будет. Ожидают волнений.

В 3 Сущевском участковом комиссариате положение тревожное. Недостача хлеба наблюдается систематически в течение трех недель. Обострение хлебного вопроса заставляет граждан становиться в очередь с 2 часов ночи.

В Марьинском комиссариате недостаток хлеба объясняют выдачей дополнительных карточек рабочим. Имеющиеся в распоряжении участкового комиссариата 200 пудов хлеба не попадут к населению из-за отсутствия транспорта.

В Бутырском и 4 Мещанском комиссариатах также констатируется острый недостаток хлеба.

Белого хлеба не хватило в следующих комиссариатах: в 1 и 2 Хамовническом, 1 и 2 Пятницком, 1 Басманном, 1 Яузском, 2 Мясницком, 2 Тверском, 3 Рогожском, 2 Яузском, 3 Мещанском, 2 и 4 Пресненском и 2 Сретенском.

Заметно обостряется вопрос снабжения населения сахаром. Из очень многих участковых комиссариатов поступили донесения о совершенном отсутствии сахара. Благополучны в этом отношении участковые комиссариаты: 1 и 2 Тверские, 1 и 2 Мясницкие, 1 Яузский, Бутырский, Марьинский, 1 Басманный, 1 Серпуховской, 1 и 2 Сретенский, Богородский, Лефортовский, Ново-Андроньевский, 3 Рогожский и 1 Пречистенский. В остальных плохо.

Продовольственные запасы обнаружены: в 1 Яузском комиссариате, где задержаны ехавшие с вокзала два воза с ячменем и сахаром; в 1 Лефортовском в магазине Живоложнова найдено: соли 800 пудов, овса 750 пудов, пшеничной муки 32 пуда и ячневой — 36 пудов.

Таяние снегов угрожает наводнениями в 3 комиссариатах: в Марьинском, Ново-Андроньевском и Серпуховском. Меры принимаются.

Комиссар градоначальства присяжный поверенный
Н. Карпинский.

Из рапорта в. и. о. комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 24 марта 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров в городе по-прежнему ощущается большой недостаток в белом хлебе.

Все почти донесения подчеркивают остроту вопроса в этом отношении и отмечают увеличение очередей.

В некоторых участковых комиссариатах чувствуется недостаток и в черном хлебе. Об этом доносят из 1 Рогожского, 2 Сущевского, 3 Лефортовского и Бутырского участковых комиссариатов. Многие участковые комиссары жалуются на отсутствие перевозочных средств, что мешает распределению муки по пекарням. В 1 Арбатском участковом комиссариате, для облегчения вопроса о снабжении населения хлебом, приступили к учету жильцов и хлебных и сахарных карточек. При проверке жильцов первого владения оказалось лишних 30 сахарных карточек и 25 хлебных. Это объясняется тем, что при выезде жильцов из Москвы карточки у них не отбираются. С сахаром положение неудовлетворительное. На отсутствие сахара жалуются из Городского, 2 Яузского, 2 Серпуховского, 2 Пятницкого, Симоновского и 1 Тверского участковых комиссариатов.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. С. Карпинского присяжный поверенный Ив. Плят.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве. Н. Кишкину, 26 марта 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров в городе продолжает наблюдаться острый недостаток белого хлеба.

Во многих местах очереди около булочных начинаются в час ночи.

25 марта хлеба хватило только в 1 Пятницком, 2 Мясницком, 2 Пречистенском, 1 Яузском, Богородском участковых комиссариатах.

Во 2 Арбатском, Городском, 1 Сретенском, 2 Сущевском, Алексеевском, 1 и 4 Мещанских, Богородском, 1 Лефортовском, Ново-Андроньевском и Симоновском участковых комиссариатах — острый недостаток как черного, так и белого хлеба.

Сахара нет: в Симоновском, 2 Тверском, 1, 2, 3 и 4 Мещанских, 2 Пятницком, 3 Лефортовском, 2 Басманном и 2 Пятницком участковых комиссариатах.

На ст. «Канатчиково» в районе 1 Серпуховского комиссариата обнаружено 2 000 пудов ржаной муки и 700 пудов сырых кож.

До 11 часов вечера особых происшествий донесениями не констатировано.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. С. Карпинского, присяжный поверенный Ив. Плят.

Рапорт комиссара Московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 27 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров продовольственное дело за истекшие сутки нисколько не улучшилось. В громадном большинстве комиссариатов отмечен острый недостаток белого хлеба. Об этом донесено: из Городского, 1 Пресненского, 2 Пресненского, Петровско-Разумовского, Марьинского, 3 Сущевского, 2 Мещанского, 2 Сретенского, 2 Мясницкого, 1 Басманного и 2 Хамовнического комиссариатов. Не хватило даже черного хлеба в целом ряде комиссариатов, а именно: в 1 Пятницком, 1 Пречистенском, 1 Арбатском, 2 Арбатском, 1 Яузском, 3 Пресненском, 4 Мещанском, 2 Яузском, 2 Басманном, Ново-Андроньевском, 2 Рогожском, 3 Тверском, Бутырском и 3 Мещанском.

В виду острого недостатка в белом хлебе, один из комиссаров предлагает на хлебных карточках, выдаваемых семьям, где имеются дети, ставить штемпель «детский» с предоставлением права на преимущественное получение белого хлеба по таким карточкам ради снабжения им в первую очередь детей.

Продовольственные запасы были обнаружены лишь в одном случае, именно во 2-м Рогожском булочник Гольцов скрыл 50 мешков муки и не выпекал хлеба. Под контролем милиции обнаруженная мука была пущена в продажу населению.

Из некоторых комиссариатов доносят об отсутствии сахару, а именно: из 2 Басманного, 1 Пресненского, Бутырского, 2 Хамовнического и 2 Арбатского.

На почве продовольственной нужды отмечено недовольство и волнения населения во 2 Яузском и Городском. В Петровско-Разумовском на этой же почве замечена антиеврейская агитация в толпе. Комиссариатом 2 Тверского обнаружено, что в обществе «За Россию» устраиваются собрания, на которых ведется погромная агитация.

Из происшествий за день надлежит отметить следующие: в 1 Арбатском задержана шайка аферистов, изготовлявших подложные карточки на сахар; отобрано клише и 2 000 готовых карточек. Задержанные заявили, что не они одни занимались этим промыслом. В том же районе во время обыска, поставленный у дверей солдат по недоразумению ранил помощника комиссара милиции А. Погасова.

В 3 Мещанском отмечено крайне антисанитарное состояние улиц.

В 1 Мещанском замечены частые случаи продажи солдатами казенного имущества.

В остальном благополучно.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Карпинского, присяжный поверенный Я. Перский.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 28 марта 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров 27 марта черного и белого хлеба не хватило: во 2 Мясницком, 3 Пресненском, 3 Сущевском, 2 и 3 Мещанских, 1 и 2 Басманных, Лефортовском, 2 Рогожском, 1 и 2 Серпуховском участковых комиссариатах. В 1 Пятницком, 4 Пресненском, Симоновском, 1 Сретенском, 2 Якиманском, 2 Пятницком комиссариатах чувствовался недостаток только белого хлеба.

Из некоторых комиссариатов доносят об определенном недовольстве населения на почве недостатка хлеба. Во 2 Тверском участковом комиссариате в очередях велась погромная агитация по адресу евреев.

Сахару нет: во 2 Тверском, 2 и 4 Пресненском комиссариатах. В остальных мало.

Из многих комиссариатов доносят о недовольстве населения введенной системой выдачи талонов на получение обуви.

Очень многие не могли ничего получить.

В 1 Якиманском комиссариате обнаружен склад муки. Найден 21 мешок.

На Смоленском рынке толпа едва не разгромила магазин Морозова в виду слухов о скрытых там запасах муки. Обыском обнаружено только 300 пудов соли и 5 мешков сахара.

В 1 Лефортовском участковом комиссариате задержан некто Одиноков, призывавший толпу к неповиновению Временному правительству. Открыто провозглашался лозунг: «Долой войну».

В остальном благополучно.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Карпинского,
присяжный поверенный Ив. Плят.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 29 марта 1917 г.

Продовольственное дело, по донесениям 48 участковых комиссаров, по-прежнему обстоит неудовлетворительно. За несколькими исключениями, отовсюду получены заявления об остром недостатке белого хлеба. На этой почве происходят среди публики у очередей волнения и раздаются упреки по адресу Временного правительства, как доносят: из 1 и 2 Мещанских, 2 Лефортовского и 3 Сущевского. Комиссар последнего района отмечает необходимость выдать беднейшему населению муку для куличей и доносит о создавшемся на почве недостатка продовольствия тревожном настроении.

В 1 Хамовническом — отмечены недоразумения при магазинах обуви.

Из 2 Хамовнического доносят о начавшемся наводнении.

Из других происшествий наиболее крупными оказались следующие: во 2 Сретенском на складе Общества взаимного кредита обнаружены скрытые 500 пуд. мыла и запасы других товаров. В том же комиссариате арестована шайка, состоявшая из нескольких беглых каторжников.

В Бутырском — ночью после обыска ранен начальник милиции.

В 1 Сущевском арестован на улице скандаливший комиссар милиции 1 Пятницкого участка, о чем сообщено инспектору милиции г. Лазареву.

В 1 Мещанском облавою в чайных задержано 11 беглых солдат.

В Богородском на фабрике Каверина начались недоразумения между рабочими и администрацией фабрики на экономической почве. Возможна забастовка.

Из 2 Лефортовского доносят, что в помещении Варнавинского о-ва происходят закрытые заседания сторонников старого режима.

В остальном спокойно.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Карпинского, присяжный поверенный [1].

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 30 марта 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров продовольственное дело осталось без изменения: отмечается повсеместная недостача белого хлеба. Из нескольких комиссариатов, именно: 1 Пресненского, 1 Мещанского и 3 Сущевского — поступили заявления о недостаче и черного хлеба.

Из происшествий надлежит отметить прежде всего экспроприацию на 66.380 рублей 77 коп. из кассы Общества военно-промышленного завода 1915 года (2-го Басманного комиссариата по Гороховой улице, № 4). Экспроприация произведена в 2 часа дня семью вооруженными людьми, приехавшими на автомобиле и ворвавшимися в контору с командой «руки вверх». Ведется следствие. В 3-м Мещанском было покушение на экспроприацию из железной торговли Порусяк.

Во всем городе забастовали служащие в банях, предъявив требования на экономической почве.

Во 2 Тверском получены сведения: а) о том, что милиционеры не впускают в город крестьян с картофелем; б) о предполагающихся 30 марта беспорядках. Во 2 Мещанском поступили жалобы на милиционеров за взятки. Во 2 Хамовническом много милиционеров ушло после получки жалованья.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Карпинского,
присяжный поверенный Я. Перский.

Рапорт комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 4 апреля 1917 г.

По донесениям 48 участковых комиссаров снабжение населения хлебом за истекшие сутки обстояло благополучно, за исключением: 2 Басманного, 2 Серпуховского, 1 Якиманского комиссариатов, в коих ощущался недостаток белого хлеба, и 4 Мещанского, где ощущался большой недостаток как черного, так и белого хлеба.

Обнаружен некоторый запас продовольственных продуктов в 3 Пресненском комиссариате на ст. «Москва» Александровская.

Из происшествий надлежит отметить следующие: в 1 Пречистенском, по донесению подпоручика 725 Алтайского полка, Бологова, в церкви св. Илии в пятницу, после выноса плащаницы, неизвестным с амвона была произнесена антихристианская речь, чему содействовал священник названной церкви. В том же комиссариате [2], в Чу-

---

[1] В подлиннике подписи не имеется.

[2] Ошибка в подлиннике, т. к. Чудов монастырь, находившийся в Кремле принадлежал к городскому участку.

довом монастыре священник сказал речь против Временного правительства [1].

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского, старший помощник делопроизводителя

Алексеев.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 10 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров повсюду наблюдается недостаток белого хлеба. В 1 Арбатском на этой почве замечается ропот населения. Во 2 Сретенском и 2 Серпуховском белый хлеб был с песком и очень плохого качества. Недостаток муки чувствуется в 3 Сущевском, 2 Тверском, 1 Басманном, 1 Лефортовском, 3 Мещанском, Марьинском, Петровско-Разумовском, 3 Рогожском и 2 Пятницком, где, кроме того, наблюдается недостаток дрожжей.

Особенно велик недостаток как в белом, так и черном хлебе, в 4 Мещанском и 2 Мещанском, где положение с продовольствием принимает острый характер, так как разъехавшиеся на праздник рабочие возвращаются в Москву, а количество муки, отпускаемой продовольственным отделом, остается то же.

С черным, кроме двух вышеуказанных комиссариатов, дело обстоит благополучно.

Сахара нет достаточного количества в 1 Лефортовском и Марьинском.

В 1 Лефортовском задержано 19 возов порченой рыбы, во 2 Мещанском задержан возчик т-ва Бландова, сваливший 9 ящиков белого хлеба в кондитерскую Сухорина.

В 1 Тверском, Симоновском, 2 Тверском и 2 Арбатском происходят митинги. Тревожный характер они имеют в районе 2 Тверского...

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя

Соколов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 14 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров дело снабжения населения черным хлебом обстояло удовлетворительно, за исключением комиссариатов: Бутырского, 2 Мещанского, 3 Мещанского, 2 Тверского, 3 Тверского и 3 Сущевского, где ощущался небольшой недостаток. Белого хлеба по-прежнему мало; почти повсюду отмечается его недостаток, а население 1 Яузского комиссариата белого хлеба совершенно не получило ввиду очень плохой выпечки и плохого качества муки.

Жалобы на недостаток муки в 1 Арбатском, 2 Пятницком и особенно 2 Тверском.

Недостаток сахара ощущается только в 4 Пресненском.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя

Соколов.

---

[1] В подлиннике рукой Кишкина написано: «Сделать расследование при разговоре с Карпинским».

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 15 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров всюду ощущается большой недостаток в белом хлебе; поэтому в комиссариаты поступает много заявлений недовольства со стороны населения.

Черного хлеба не хватило в следующих комиссариатах: 1 и 3 Мясницком, 1 Яузском, 1, 3 и 4 Мещанском, Марьинском, 1 и 2 Басманном, 1 Лефортовском, Богородском, 2 и 3 Рогожском, 1 Пречистенском и 2 Пятницком. В некоторых комиссариатах хлебный паек был значительно сокращен, что вызывает недовольство публики. Комиссар Марьинского уч. сообщает, что в булочной Лазарева по Стрелецкой улице хлеб совсем не выпекался ввиду того, что мука продовольственной управой не была взята с вокзала во-время.

В 3 Пресненском районе ощущается недостаток в воде, вследствие того, что 3 водоразборных крана, закрытые на зимнее время, до сих пор не открыты.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 16 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров дело снабжения населения хлебом за истекшие сутки обстояло так: хлеба белого не хватало почти во всех комиссариатах, а где и был, так в небольшом количестве и выдавался неполным пайком; в черном хлебе ощущался недостаток в следующих комиссариатах: 1 Арбатского, 2 Басманного, Городского, 1 Лефортовского, 1, 2, 3 и 4 Мещанских, 1 и 3 Мясницких, Ново-Андроньевского, 1 и 2 Пречистенских, 2 и 3 Пресненских, 1 и 2 Пятницких, 1 и 2 Рогожских, 2 Серпуховского, Симоновского, 2 Сретенского, 1, 2, 3 Сущевских, 2 Тверского, 2 Якиманского и 2 Яузского, в коих хлеба не хватило или же выдавался неполным пайком.

Ощущается недостаток в мясе в районах следующих комиссариатов: Бутырского, 2 Лефортовского, 4 Мещанского, 1 Пресненского, 2 Пятницкого, 1 Рогожского, 1 Сущевского, 1 Якиманского и 2 Серпуховского, в котором также ощущается нужда в сахаре.

В районе Благушинского комиссариата, на мыловаренном заводе обнаружено 20 боченков меду и 5 бочек патоки; в районе того же комиссариата в одном из колбасных заведений обнаружено 50 пудов испорченного мяса.

В комиссариат 2 Сретенского участка поступают жалобы от жителей на неправильное получение без карточек и вне очереди хлеба солдатами, чем они нарушают очереди, стоявшие несколько часов, и сокращают пайки для жителей, причем замечается, что некоторые солдаты подходят по несколько раз.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя А. Алексеев.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 17 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров сегодня в городе почти не было как белого, так и черного хлеба.

Население получало хлеб только во 2 Мясницком, 1 Пятницком,

1 Хамовническом и 2 Яузском участковых комиссариатах. Из-за большого недостатка хлеба среди населения неспокойно. К участковым комиссариатам приходят толпы по 300—400 человек с требованием дать хлеба.

Поступает масса жалоб на недостаток мяса.

На недостаток сахара за сегодняшний день жалоб не поступало.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя [1].

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 19 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров население 1 Рогожского, 4 Мещанского, 3 Лефортовского, 2 Якиманского, 1 Пятницкого, 1 Якиманского, 2 Хамовнического, Алексеевского, 3 Тверского, 2 Мясницкого участковых комиссариатов, хотя и в ограниченном количестве, но было удовлетворено хлебом. В остальных же комиссариатах как черного, так и белого хлеба почти совершенно не было. Большое количество населения осталось не удовлетворено хлебом. Население волновалось и угрожало разгромить многие булочные. Принятыми своевременно мерами, со стороны продовольственной милиции, население удалось успокоить.

Поступает много жалоб на недостаток картофеля.

На недостаток сахара и мяса жалоб за сегодняшний день не поступало.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя [2].

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 21 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров дело по снабжению населения хлебом и прочими съестными продуктами за истекшие сутки обстояло так: черного хлеба хватило не во всех комиссариатах и во многих комиссариатах выдавался неполным пайком; в белом хлебе ощущался еще больший недостаток, и он выдавался во многих комиссариатах также неполным пайком. При выдаче как черного, так и белого хлеба вследствие сокращения пайка происходили волнения со стороны населения.

Нуждаются в мясе жители 4 Пресненского, 1 Пятницкого, 2 Серпуховского, Смоленского, 1 Сущевского и 1 Хамовнического комиссариатов.

В некоторых комиссариатах ощущается недостаток картофеля.

Из происшествий надлежит отметить следующее: в районе 4 Мещанского комиссариата по Слободской ул. произошел пожар в д. Кузнецова — убыток 35.000 рублей; в районе того же комиссариата имеется булочная Декшня, выпечку хлеба в которой командир телеграфного батальона приказал производить не для населения, а для нужд солдат,— нужда в этой булочной для населения слишком велика и поэтому возможно большое волнение со стороны населения.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя Алексеев.

---

[1] В подлиннике подпись неразборчива.

[2] В подлиннике подпись неразборчива.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 22 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров с продовольствием дело обстоит плохо. Хлеба белого и черного мало. На почве недостатка хлеба и уменьшения пайков в 3 Пресненском, 4 Мещанском, 2 Лефортовском и 2 Яузском — были волнения. Настроение жителей этих районов тревожное.

В некоторых комиссариатах обращает внимание отсутствие масла, мяса, сахару.

В 1 Мещанском — у капитана 251 пехотного полка Трубникова найдено 6 мешков пшеничной муки.

В районах комиссариатов Городского, 2 Мещанского, 3 Пресненского, 2 Басманного, 1 Тверского и 2 Пречистенского происходили митинги, на которых выступали ораторы с призывом: «Долой войну, долой Временное правительство».

В 3 Пресненском на Сенной площади собралась толпа около 2.000 человек, настроение сильно повышенное; раздавались крики: «Где хлеб и мука, долой милицию, долой Временное правительство!»

Во 2 Басманном рабочие всех заводов, за исключением газового, прекратили работу. Охрану заводов несут рабочие совместно с милиционерами.

На Земляном Валу собрались толпы народа; после переговоров с представителем комиссариата и представителями от рабочих Басманного района толпы спокойно расходились.

Во 2 Мещанском толпа манифестантов требовала у милиции выдачи оружия; настроение тревожное.

В районах остальных комиссариатов также происходили митинги, но настроение населения более спокойное.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя Соколов.

Дополнение к рапорту Н. Кишкину — комиссару Временного правительства по г. Москве, 22 апреля 1917 г.

ПРОТОКОЛ

21 апреля 1917 года в 4 ч. 55 м. вечера комиссар инспектор московского градоначальства А. Н. Вознесенский и помощники комиссара инспектора присяжный поверенный И. И. Плят и С. М. Алхутов явились в 1 Пятницкий комиссариат и, опросив служащих, установили следующее:

В начале четвертого часа пополудни к помещению 1 Пятницкого комиссариата подошла толпа человек в двести. Часть толпы около ста человек осталась у входа, а остальные ворвались в помещение комиссариата, заняли весь корридор около кабинетов комиссара гражданского и начальника милиции. Телефоны были арестованы, а добавочный телефон из кабинета гражданского комиссара был ими унесен и спрятан. К толпе вышел помощник гражданского комиссара помощник присяжного поверенного Гольденберг и спросил, чем нужно объяснить появление толпы. Из толпы раздались голоса, что среди пришедших имеется представитель Совета рабочих депутатов товарищ Богданов, который это и разъяснит. Действительно из толпы выделился один рабочий, блондин в черной шляпе, и заявил, что рабочие требуют выдачи оружия, так как у них на заводе Телефонного обще-

ства получены сведения о том, что Временное правительство отказалось выполнить требование Совета рабочих депутатов, а поэтому рабочим нужно вооружаться для борьбы с буржуазным правительством. Помощник комиссара Гольденберг тщетно старался установить наличность мандата какой-нибудь организации, справлялся, по чьей инициативе организовано это выступление, но ни на один из своих вопросов ответа не получил. Толпа настойчиво требовала оружия, причем проявила почему-то полную осведомленность о количестве оружия и месте его нахождения. Отправившись затем в помещение милиции, толпа, руководимая Богдановым, захватила пятнадцать револьверов и штук семь берданок, все имевшиеся патроны для берданок и обоймы (две) для турецких винтовок. Толпа удалилась, но быстро вернулась и потребовала предъявления документов, подтверждающих количество оружия, имевшегося в милиции. Документы были предъявлены, наличность оружия по ним проверена, и толпа, предводительствуемая Богдановым, удалилась, причем оставила одного своего представителя. Около шести часов вечера в комиссариат снова ворвалась возбужденная толпа солдат и рабочих и требовала освобождения арестованного какого-то их товарища, но такового, по выяснению в комиссариате, не оказалось, и толпа удалилась. Незадолго до этого в помещение комиссариата был доставлен некий Кузнецов, который по словам задержавших его, советовал толпе всюду расставить пулеметы и расстреливать всех.

Изложенное в настоящем протоколе подтверждаю.

Помощник Комиссара [1]

Помощник присяжного поверенного Гольденберг

Помощник начальника милиции [2]

Помощник комиссара [3]

Присяжный поверенный Буравцов

Помощник комиссара инспектора присяжный поверенный И. Плят

Комиссар инспектор А. Вознесенский.

Из рапорта московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 27 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссариатов всюду ощущается значительный недостаток черного и белого хлеба. Кроме того, из 2 Тверского и 3 Мещанского сообщают, что хлеб продавался очень плохого качества. Паек был почти везде сокращен, что вызывает ропот недовольства со стороны населения. Из очередей уходят, как сообщают комиссары, 100, 200 и 300 человек, не получив хлеба. В Петровском комиссариате недовольство населения недостатком хлеба было улажено тем, что взамен хлеба и муки продавался картофель.

Владелец булочной Смирнов на Краснохолмской ул. продал свою булочную т-ву Марс, что очень серьезным образом повлияло на выпечку хлеба в 3 Рогожском комиссариате.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

---

[1] и [3] В подлиннике подписи не имеется.

[2] Подпись неразборчива.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 29 апреля 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров хлебный вопрос особенно остро обстоял в 2 и 3 Мещанских, Богородском и 2 Рогожском участковых комиссариатах; так во 2 Мещанском комиссариате только одна треть населения получила хлеб. В остальных комиссариатах дело с хлебом обстояло несколько лучше, но все-таки хлеб как белый, так и черный выдавался по очень урезанному пайку. И только в 1, 2 и 3 Лефортовских, 1 Серпуховском и 3 Рогожском участковых комиссариатах хлеба было сегодня для населения в достаточном количестве. В 1 Серпуховском комиссариате хлеб даже остался в количестве 20 пудов.

Жалоб на недостаток сахара не поступило ни в один из участковых комиссариатов.

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя [1].

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 1 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров продовольственный вопрос особенно остро стоит в следующих комиссариатах: Городском, 4 Пресненском, 2 Сущевском, 2 Рогожском, 3 Тверском и 2 Арбатском. В последних двух комиссариатах были даже волнения в очередях.

В отношении других продуктов первой необходимости отмечается почти повсеместный недостаток мяса.

В 1 Пресненском комиссариате в мясной лавке Лапшина обнаружено 9 пуд. испорченного мяса.

В Ново-Андроньевском задержано несколько подвод с овсом, всего около 100 пудов...

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 1 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров дело по снабжению хлебом и прочими съестными продуктами за истекшие сутки обстояло так: в хлебе как черном, так и белом особенно острого недостатка не ощущалось за исключением: Городского, 3 Лефортовского, Мариинского, 2 и 3 Мещанских, 1 Мясницкого, 2 Пречистенского, 2 и 4 Пресненских, 2 Серпуховского, 2 и 3 Тверских комиссариатов.

Острый недостаток ощущается в мясе в районах: Бутырского, 2 Пресненского, 2 Пятницкого, 2 Якиманского и 1 Яузского комиссариатов; настолько же велика нужда в картофеле и жалуются на нее жители: 2 и 3 Мещанских, 2 Пречистенского, 2 Пресненского и 2 Тверского комиссариатов; в некоторых комиссариатах ощущается недостаток сахара и муки.

Во многих комиссариатах происходят недоразумения и встречаются неудобства вследствие приписки жителей к определенным булочным.

Из происшествий надлежит отметить следующее:

В районе 2 Пречистенского комиссариата (у Арбатских ворот и Пречистенского бульвара) происходила демонстрация с флагами и надпи-

[1] В подлиннике подпись неразборчива.

сями на них: «Долой Временное Правительство, Россия в опасности» и происходили небольшие митинги...

За комиссара градоначальства присяжного поверенного Н. Карпинского старший помощник делопроизводителя Алексеев.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 2 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров ощущается недостаток черного хлеба в районах следующих комиссариатов: Городского, 2 Тверского, Мясницкого, Мариинского, 3 Сущевского, 3 Мещанского и 2 Пятницкого. Особенно в тяжелых условиях относительно получения хлеба находятся столовые и рестораны Городского участка, так как часто они совершенно не могут получить хлеба. Недостаток черного хлеба вызывает недовольство рабочего класса. С белым хлебом дело обстоит удовлетворительно.

Во 2 Пречистенском у Кузнецова обнаружены скрытые запасы: 30 пуд. сахару, 20 пуд. муки и 4 пуда рису.

В Ново-Андроньевском задержано 40 пуд. овса.

В 1 Лефортовском уч. реквизировано около 134 пуд. гречневой крупы; последняя передана в общество потребителей.

Комиссар 3 Пресненского района сообщает о недоразумениях с выдачей дополнительных карточек. За май их выдано в 3½ раза больше, чем в апреле. Столь большая выдача дополнительных карточек грозит совершенно нарушить правильное снабжение населения хлебом в районе его участка.

Из 1 Мясницкого и 2 Лефортовского поступают жалобы на солдат, нарушающих порядок у булочных и вносящих дезорганизацию в дело снабжения населения хлебом.

В районе 1 Лефортовского комиссариата в лабазе Самкова были обнаружены скрытые запасы гречневой крупы. Лабаз был опечатан, чтобы с утра 3/5 [1] произвести подсчет скрытых продуктов. Население, узнав о спрятанных запасах, собралось рано утром к лабазу в количестве 3 000 человек; печати были сорваны, и толпа приступила к продаже крупы. Были вызваны казаки и конная милиция, причем казаки заявили, что разгонять толпу они не будут, но громить не позволят. После долгих переговоров представителей комиссариата с населением толпа несколько успокоилась, и продажа крупы производилась уже под наблюдением комиссара по продовольствию.

В районе Симоновского уч. забастовавшие рабочие завода «АМО» вывезли на тачке 2 директоров завода. Администрация покинула завод, охрану его несут милиционеры; производится подробное дознание...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Н. Вознесенского старший помощник делопроизводителя Соколов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 7 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров хлеба на сегодняшний день не хватило почти во всех тех же комиссариатах, на которые указывалось в рапорте за 6 мая. Обращается внимание на не вполне правильное распределение муки по районам. Выдача муки как белой, так и черной производится по печам, печи же неправильно распределены

[1] Так в подлиннике.

в отношении количества населения. Несмотря на прикрепление жителей к своим участкам, во многих комиссариатах, после того как жители данного района получали хлеб по полному пайку, хлеб раздавался населению других участков.

Ко многим комиссариатам сегодня собирались большие толпы народа, не получившего мяса. В очереди становились с 7—8 часов вечера. Во многих лавках хотели произвести обыск, не веря в то, что в лавке мяса больше нет. В 4 Мещанском комиссариате в одной из лавок пришлось продать, по требованию публики, мясо, предназначенное для лазаретов.

Жалоб на недостаток сахара за сегодняшний день не поступало...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя [1].

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 8 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров значительный недостаток хлеба наблюдался в районе 2 Мещанского комиссариата, где половина населения осталась неудовлетворенной, и 2 Лефортовского, где на этой почве заметно выражалось недовольство, главным образом, по той причине, что хлеб получают жители соседних участков.

В 1 Мещанском, 2 Тверском и 1 Пречистенском в отношении хлеба наблюдался даже некоторый излишек.

В районе Мариинского комиссариата в 6 булочных хлеба было выпечено достаточно, но тем не менее все эти булочные осаждались целыми толпами народа, препятствующими представителям комиссариата раздать выпеченный хлеб по колониальным лавкам для продажи населению. Из толпы слышались ругань и угрозы по адресу членов комиссариата.

Мяса и картофеля повсюду очень мало, публика жалуется и негодует...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 9 мая 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров продовольственное дело за истекшие сутки обстояло таким образом: хлеба не хватало в Петровско-Разумовском, 2 и 3 Мещанском, 1 и 3 Лефортовском, 1 Сретенском, 1 Якиманском и 2 Серпуховском комиссариатах.

В последнем из указанных районов, в котором жителей считается более 60.000, хлеба не хватило по той причине, что мука отпускается по количеству имеющихся печей, а не по количеству населения.

Наряду с районами, бедными в смысле продовольствия, есть районы, где хлеб даже остался. Таковыми являются: 1 Тверской, 2 Арбатский, 3 Сущевский, 1 Пречистенский, 2 Сретенский, 1 Рогожский, 3 Мясницкий; в некоторых из этих участков хлеб остался, главным образом, из-за плохого качества доставленной муки.

Мяса повсюду очень мало, но особенно остро стоит мясной вопрос в 1 Тверском, 2 Мясницком, 3 Сущевском, 4 Мещанском, 1 Якиманском, 1 Пресненском, 1 и 2 Лефортовском и 2 Яузском комиссариатах. Оче-

[1] Подпись неразборчива.

реди за мясом громадные, недоразумений масса. Во многие лавки мясо было привезено лишь только вечером — в некоторых комиссариатах до закрытия, в других после закрытия лавок; публика, несмотря на позднее время, требовала продажи вечером, так как торговли мясом не будет до субботы...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 21 мая 1917 г.

Из происшествий надлежит отметить следующие:

В районе 1 Серпуховского комиссариата в 2 ч. ночи произошел пожар на заводе Бр. Бромлей по Донской ул. Сгорело кузнечное и штамповальное отделения. Пострадало 6 человек пожарных, из которых один — тяжело. Убытков заявлено на четверть миллиона...

...Из 3 Тверского комиссариата сообщают о забастовке и беспорядках официантов кофеен: Сиу — на Кузнецком, Трамбле — на Петровке, Бристоль — на Неглинном и Унион — в Столешниковом переулке. Бастующие врывались в кофейни, выгоняли публику и били мебель, так что пришлось вызвать резервы милиционеров и прекратить торговлю.

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя А. Панфилов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 24 мая 1917 г.

Были небольшие волнения жителей в 3 Пресненском и 2 Арбатском участках, где мясо было доставлено в лавки к вечеру и его могла получить только незначительная часть населения, так как мясники отказывались увеличить время торговли.

Комиссар 1 Пресненского уч. сообщает о забастовке хлебопекарей. Причины забастовки — экономические. Рабочие, не дожидаясь решения примирительной камеры, прекратили работу. В большинстве булочных забастовка ликвидирована, и выпечка почти нормальна.

Во 2 Мещанском комиссариате указывают на крайне недоброжелательное отношение домовладельцев к лицам, наблюдающим за санитарным состоянием означенного района, и чрезвычайно медленное и неохотное исполнение домовладельцами их требований...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя Соколов

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 1 июня 1917 г.

По донесениям участковых комиссаров, положение с продовольствием обстоит вполне благополучно. Хлеб имеется везде в достаточном количестве и выдается в большинстве случаев без очереди. Единичное заявление о недостатке хлеба и муки поступило из 3 Тверского комиссариата.

Раздача карточек на июнь месяц заканчивается.

Забастовка дворников на раздачу карточек влияния не имела, так как в большинстве случаев за получением карточек они являлись.

Из 2 Тверского комиссариата сообщают, что к ним поступили заявления бывших членов О-ва «За Россию» на вредное направление деятельности О-ва в настоящее время.

Комиссар 2 Пресненского сообщает о страшной грязи и пыли на улицах.

Во 2 Сретенском комиссариате приняты энергичные меры к упорядочению санитарного состояния участка.

В некоторых участках задержаны в незначительном количестве дезертиры.

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя Н. Соколов.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 3 июня 1917 г.

В Симоновском комиссариате указывают на отсутствие мяса, а во 2 Якиманском — картофеля и крупы.

Из 2 Якиманского комиссариата сообщают о забастовке в Голицынской больнице. Сняты все служащие; оставлены только швейцар и 1 сиделка. После переговоров пришли к соглашению, что тяжело больным и раненым помощь будет оказываться. Работу сиделок пока исполняют ученики фельдшерской школы. Причина забастовки — недовольство администрацией больницы и экономические требования.

Из 2 Басманного сообщают, что объявленная забастовка в Николаевском институте в отделении для малолетних успеха не имела и быстро окончилась...

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя Алексеев.

Из рапорта комиссара московского градоначальства комиссару Временного правительства по г. Москве Н. Кишкину, 3 июня 1917 г.

Из происшествий надлежит отметить следующие:

... В районе 1 Хамовнического комиссариата происходил митинг, на который приехал на автомобиле неизвестный и стал разбрасывать воззвания от партии народных социалистов к голосованию за список № 1; толпа встретила его враждебно, заставила прекратить разбрасывание указанных прокламаций, затем он был побит некоторыми из толпы и арестован; толпа пыталась учинить над ним самосуд, но все окончилось благополучно.

Во всех концах Москвы, на всех ее площадях происходили митинги, носящие мирный характер.

В дополнение сообщения в рапорте от 18 сего июня[1] рабочие фабрики Миронова, находящейся в районе 1 Рогожского комиссариата, заявили о намерении администрации за недостатком топлива прекратить работы и рассчитать всех рабочих (число их до 500 человек), вследствие чего рабочие просят принять меры к тому, чтобы фабрика имела достаточное количество топлива, после чего она в состоянии будет продолжать работы.

В остальном отношении спокойно.

За помощника комиссара градоначальства присяжного поверенного А. Вознесенского старший помощник делопроизводителя Алексеев.

[1] В рапорте от 18 июня сообщалось о временном закрытии фабрики Миронова вследствие недостатка топлива.

Из документов по организации Красной армии

Декретом Совета народных комиссаров 15 января 1918 г. была создана Всероссийская коллегия по формированию Рабоче-крестьянской Красной армии, при которой был образован Организационно-агитационный отдел, а потом (при Всероссийском бюро военных комиссаров) Агитационно-просветительный отдел.

Эти отделы сыграли колоссальнейшую роль в деле создания Красной армии.

Агитационная работа проходила под непосредственным руководством Л. М. Кагановича, комиссара Организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по созданию Красной армии.

Результаты работы посланных агитаторов сказались прежде всего на численном росте отрядов Красной армии. Агитатор из Иваново-Вознесенска сообщает: «Красная Армия была численностью до 100 чел., но после ведения широкой агитации в отряде численность стала быстро возрастать и к настоящему моменту таковая выражается в цифрах до 250 чел. Выделена пулеметная команда в 20 чел.».

В марте агитаторы из Екатеринбурга пишут: «Агитация в массе имеет успех, но сделать успели только лишь один митинг, на котором присутствовало около 600 человек, записалось 109 чел. По нашему же содействию успешно формируется отряд Союза молодежи в 130 чел., который имеет целью выступать на фронт под Петроград».

Ценнейшими документами эпохи являются резолюции рабочих, красноармейцев, крестьян по докладам агитаторов о необходимости создания Красной армии.

Документы говорят об огромном росте влияния коммунистической партии на трудящиеся массы в первый период гражданской войны. Агитаторы являлись первыми организаторами коммунистических ячеек, комбедов и вообще политико-просветительной работы.

Документы хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции.

П. Анисимова.

Телеграмма агитаторов из Иваново-Вознесенска в организационно-агитационный отдел, март 1918 г.[1]

В Иваново-Вознесенске сформирован отряд Красной армии в 200 человек, началось обучение прибывшими от вас инструкторами, военный отдел нами сорганизован и проявляет деятельность, чувствуется недостаток в обмундировании, агитация ведется нами в самом широком масштабе, ежедневно проводим по несколько митингов на фабриках и выносимые резолюции помещаем в «Рабочем крае»[2], сегодня выезжаем в уезд для агитации.

Из сообщения из Екатеринбурга, март 1918 г.[3]

Сообщаем, что агитация в массе имеет успех, но сделать успели только лишь один митинг, на котором присутствовало около 600 человек, записалось 109 человек.

---

[1] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 68. В последующих телеграммах и сообщениях в орг.-агит. отдел наименование последнего опускается.

[2] Газета «Рабочий край» — орган Иваново-Вознесенского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов и Иваново-Вознесенского городского самоуправления — начала издаваться с марта 1918 г.

[3] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 298, л. 4. Сообщение получено орг.-агит. отделом 3 марта 1918 г.

По нашему же содействию успешно формируется отряд Союза молодежи в 130 чел., который имеет целью выступать на фронт под Петроград.

Постановление граждан Ольшанской волости, Купянского уезда Харьковской губернии, 13 марта 1918 г.[1]

Мы, нижеподписавшиеся, граждане Ольшанской волости, в присутствии председателя Совета Мазка, где слушали: 1-е доклад товарищей агитаторов, прибывших с Петрограда, относительно добровольной записи в Красную армию, постановили:

1) Открыть добровольную запись в Красную армию.

2) Относительно требования вооружения постановили: требовать вооружения Ольшанской волости. [Подписи].

Резолюция общего собрания рабочих Куваевской фабрики в Иваново-Вознесенске, 25 марта 1918 г.[2]

Общее собрание рабочих Куваевской фабрики 25 марта сего года вынесло следующую резолюцию по текущему моменту.

Обсудив переживаемый текущий момент и видя, что международная буржуазия, а также и наши кулаки Путилов и Гучков совместно с прислужниками старого режима подготовляют заговор против русской, а также и международной социалистической революции, дабы задушить такую, и, отняв завоевания пролетариата, вновь эксплоатировать трудящиеся массы,— мы, рабочие Куваевской фабрики, стоя на платформе защиты Советской власти в лице народных комиссаров, никогда не допустим надеть ярмо на трудящийся народ и скле буржуазии мы всегда противопоставим силу революционного пролетариата. Перенеся на своих плечах всю тяжесть четырехлетней империалистической войны, во время которой вся наша буржуазия на чужом несчастии создавала собственное благополучие и наживала огромные барыши.

Если мы, товарищи, могли почти четыре года проливать свою кровь в угоду чужих барышей, то теперь, когда революция находится в смертельной опасности, мы признаем единственным спасением для пролетарской революции создание народно-социалистической Красной армии, которой мы всячески будем содействовать и организацию которой проводить в жизнь.

Для того мы требуем от местного Иваново-Вознесенского совета рабочих и солдатских депутатов беспощадного обложения имущего класса для скорейшей организации народно-социалистической Красной армии.

Да здравствует народно-социалистическая революция!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует беспощадная борьба с буржуазией всего мира!

Председатель фабричного комитета Куваевской мануфактуры [Подпись].

Резолюция общего собрания рабочих фабрики Витова в Иваново-Вознесенске, 28 марта 1918 г.[3]

Мы, рабочие Товарищества фабрики Витова, стоя на платформе защиты народной Советской власти и признавая таковую в лице Совета народных комиссаров, обсудив текущий момент, и в связи с ним пере-

---

[1] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 68, л. 11.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 12.

живаемый экономический кризис, на общем собрании 28 марта 1918 года единогласно постановили:

1) Признать необходимым самое широкое распространение монополизации на все продукты продовольствия и предметов промышленности и торговли.

2) Требовать беспощадной борьбы со спекуляцией и мародерством и строжайшего контроля над расходом всех продуктов первой необходимости.

3) Требовать немедленного и беспощадного обложения всего имущего класса, для проведения в жизнь всех вышеозначенных мероприятий, для углубления русской и международной социальной революции.

4) Мы выражаем всем глубокое негодование и полное презрение вождям партии меньшевиков и правых социалистов-революционеров за их зверскую расправу над пролетариатом на Кавказе и вполне справедливо считаем их предателями русской революции [1].

5) Там, где у власти меньшевики, уже полилась кровь рабочих в угоду буржуазии, и мы призываем всех товарищей рабочих, стоящих на страже завоеваний пролетариата, громко и твердо сказать, что партиям, идущим в ногу с буржуазией и продающим русскую революцию, не должно быть места среди трудящихся масс.

6) Мы приветствуем все декреты народных комиссаров о создании крестьянско-рабочей социалистической Красной армии для борьбы с империалистами и буржуазией всего мира.

7) Во имя спасения русской революции и новых завоеваний пролетариата мы будем содействовать созданию Красной армии и организацию ее проводить в жизнь.

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует крестьянско-рабочая Красная армия!

Да здравствует международная социалистическая революция и III Интернационал.

Председатель фабричного комитета [подпись].

Доклад агитатора из Иваново-Вознесенска, 15 апреля 1918 г. [2]

По приезде в Иваново-Вознесенский Совет солдатских и рабочих депутатов оказалось, что военного отдела нет и его заменила солдатская секция, но по моему настоянию таковая была упразднена, и создался военный отдел, который и приступил к созданию Рабоче-Крестьянской Красной армии, разбившись на соответствующие подотделы. Красная армия была численностью до 100 ч., но после ведения широкой агитации и водворения внутреннего порядка в отряде, численность стала быстро возрастать и к настоящему моменту таковая выражается в цифрах до 250 человек. Выделена пулеметная команда в 20 чел. при двух пулеметах Максима, при инструкторе Ветошкине, [он] командирован советом в Ярославль для получения новых пулеметов.

При агитации особых затруднений не встречалось, оппозиция была, но успеха не имела, о чем и свидетельствуют прилагаемые при сем резолюции, которые мною помещались в местной газете «Рабочий край» [3].

---

[1] Повидимому, имеется в виду расстрел на митинге в Александровском саду в Тифлисе, о чем говорится в резолюции рабочих ф-ки Николая Гарелина-сыновья по докладу того же агитатора о текущем моменте в тё же дни.

[2] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 68, л. 9.

[3] Имеющиеся в деле № 68 резолюции, как-то: резолюция общего собрания рабочих Куваевской фабрики от 25 марта 1918 г. и резолюция рабочих фабрики Витова 25 марта 1918 г. (в Иваново-Вознесенске) приводятся в данной публикации. В деле № 68 имеется еще резолюция рабочих фабрики Никона Гарелина-сыновья от 1 апреля 1918 г.

Резолюция красноармейцев Бузулукских сотен, 18 апреля 1918 г.[1]

Мы, красноармейцы Бузулукских сотен в количестве 500 человек, заслушав доклад и обсудив вопрос о текущем моменте и о создании рабоче-крестьянской Красной армии, приветствуем создание рабоче-крестьянской Красной армии, как истинной защитницы интересов трудового народа, и всем постановлениям как Совета народных комиссаров, так и Центрального исполнительного комитета совета кр., раб. и солд. депутатов по созданию рабоче-крестьянской Красной армии готовы подчиняться, ибо знаем, что они исходят от истинных избранников трудового народа.

Да здравствует создание рабоче-крестьянской Красной армии!

Да здравствует борьба за социализм!

Председатель [подпись].

Резолюция общего собрания Петроградского и Московского отрядов латышских стрелков, 28 апреля 1918 г., г. Пенза[2].

Мы, латышские стрелки Петроградского и Московского отрядов, до последней капли крови будем поддерживать и защищать Советскую власть, как власть народную, власть революционных рабочих и крестьян.

Ни хитроумные сплетения буржуазии, ни гнусные старания прислужников ее, — меньшевиков и правых эсеров, никакая провокация, ничто не может поколебать революционный дух и дисциплину в наших честных рядах.

Поднявшие вместе с большевиками знамя Октябрьского переворота, мы будем держать и защищать это знамя рабочих и крестьян.

Верим, что придет час, когда пролетариат запада, как и русский трудовой народ, восстанет и разобьет оковы, в которых держит его класс эксплоататоров.

Каждого, в ком бьется сердце честного революционера, каждого, кому дороги интересы трудового народа, кто помнит заветы борцов за народную свободу, мы призываем итти в ряды Красной рабоче-крестьянской армии и с оружием в руках бороться за интересы рабочих и крестьян и защищать Советскую власть.

Секретарь [подпись].

Резолюция красноармейцев 3 сотни рабоче-крестьянской Красной армии в г. Саранске, Пензенской губ., 4 мая 1918 г.[3]

Мы, красноармейцы 3 сотни, собравшись на собрании и заслушав доклад тов. агитатора всероссийской коллегии, обсудив его, постановили:

1) Ввиду того, что буржуазия не складывает оружия перед трудовым народом, напрягать все силы, чтобы выбить из рук это оружие международного капитала.

---

[1] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 72, л. 29.
[2] Там же, д. № 230, л. 26.
[3] Там же, л. 23.

2) Стоять на платформе Советской власти и защищать эту власть до последней капли крови, и никакие попытки контрреволюции не поколеблют наш революционный дух.

3) Мы как вышли с семьей трудового народа, будем защищать его интересы до тех пор, пока не добьемся завоевания трудового народа.

4) Стоять на защите Советской власти, так как эта власть есть власть рабочих и крестьян.

5) Заявляем всем контрреволюционерам и соглашателям, что им не место в среде трудящихся.

Председатель.

Сообщение из г. Кустаная Тургайской области, 21 мая 1918 г.[1]

Сообщаем, что мы в настоящее время находимся в г. Кустанае Тургайской области. Дело организации Красной армии поставлено плохо, в настоящее время начинаем налаживать. Начали формирование 1 батальона 16 Уральского стрелкового полка, всего навербовано 300 человек, но записываться еще продолжают. Нужда в инструкциях по организации и литературе. Просили обязательно выслать. Адрес г. Кустанай Тургайской области. Совдеп.

[Подписи].

Резолюция общего собрания красноармейцев Новгородского гарнизона[2].

Выслушав доклады по вопросам о текущем моменте, предательстве русской буржуазии и соглашателей и задачах рабоче-крестьянской Красной армии, общее собрание красноармейцев Новгородского гарнизона приветствует всех своих товарищей по борьбе за освобождение трудового народа, всех истинных борцов за власть рабочих, солдат и крестьян. Красноармейцы Новгорода ни на минуту не забудут, что они пошли в ряды Красной армии для того, чтобы бороться везде и со всеми за власть Советов. Диктатура пролетариата должна быть тверда. Не должно быть пощады врагам трудового народа: кто против нас, тот должен погибнуть. Мы верим, что рабочий класс и беднейшее крестьянство будет твердо стоять на своих позициях, что все попытки буржуазии и социал-предателей путем голода и погромной агитации посеять раздор и смуту в трудовой среде окончатся полным поражением этих врагов нашего класса. Диктатура пролетариата будет тверда. Рабочий класс может лишь победить или умереть. И мы победим. Все рабочие, все крестьяне, все красноармейцы и впредь будут стоять на своих постах. И пока рабочие у станка и крестьяне у плуга будут делать свою работу по укреплению нашей власти — мы, красноармейцы, с винтовками в руках, будем стоять на страже, отбивать всякую попытку вырвать власть из рук Советов, откуда бы эта попытка ни исходила. Мы сознаем тяжелое положение нашего социалистического отечества и мы призываем всех тт. рабочих, крестьян и красноармейцев приложить все силы к исполнению той работы, которая им поручена. Выдержка, твердая трудовая дисциплина, трудовая вера в победу трудового народа — и мы закрепим свою победу.

Да здравствует всемирная революция!

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует Рабоче-крестьянская армия!

Смерть врагам революции!

Председатель собрания.

---

[1] Там же, д. № 296, л. 14.

[2] Там же, д. № 203, л. 13. Дата получения 9 июня 1918 г.

Резолюция железнодорожников и крестьян деревень при ст. Тумская, Рязанской губ.[1]

Москва, Кремль.

Совету народных комиссаров.

Рабочие железнодорожники станции Тумской и крестьяне окружных деревень, выслушав доклад: «защита социалистического отечества», единогласно вынесли следующую резолюцию:

На террор против наших вождей Ленина, Урицкого — мы объявляем массовый террор против контрреволюционной буржуазии и ее приспешников правых эсеров и их компаний.

Акты безумия наших классовых врагов нас еще больше должны сплотить вокруг наших Октябрьских знамен: вне Советской власти не будет власти.

Задача момента положительно требует от нас: продолжать организовать стальные ряды Красной армии,— защиты Октябрьской революции, продовольственные хлебные отряды и комитеты деревенской бедноты, и мы победим.

Мы не можем не победить.

На наших же центральных партийных и советских организациях лежит святая честь — обязанность охранять наших вождей.

Революция ранена, но она живет, жить будет, должна жить.

Да здравствует революция. Да здравствует наш вождь товарищ Ленин.

Тумский комитет коммунистической партии большевиков.

За председателя [подпись].

Резолюция граждан деревни Латышевки и села Потижской слободы, Инсарского уезда, Пензенской губ., 15 октября 1918 г.[2]

Митинг граждан деревни Латышевки и села Потижской слободы Инсарского уезда.

Порядок дня:

1. Доклад о красном терроре.
2. О хлебной монополии.
3. О Красной армии.

Выслушав доклад о красном терроре, мы, собравшиеся на митинг, приветствуем красный террор, как единственный верный способ борьбы с контрреволюционным элементом и буржуазией, гарантирующей неприкосновенность наших передовых вождей и закрепление власти рабочих и крестьян.

Выслушав доклад по проведению в жизнь хлебной монополии, постановляем: приветствовать проведение в жизнь хлебной монополии, а также снабжение населения предметами первой необходимости по нормировочной цене, как единственный и верный путь к выходу из сложившегося тяжелого продовольственного кризиса и хозяйственной разрухи страны, способствующий переходу к коммунизму.

Выслушав доклад о Красной армии, мы, собравшиеся, находим, что наша рабоче-крестьянская армия стоит на страже защиты революции и борется за интересы власти рабочих и крестьян, а потому постановляем: приветствовать нашу рабоче-крестьянскую Красную армию и все мероприятия правительства по ее усилению.

Председатель митинга [подпись].

---

[1] ЦАОР, ф. 2316, 1918 г., д. № 299, л. 74. На бланке со штампом «Российская Коммунистическая партия (Большевиков). Тумская организация. Сентября 2, 1918 г. № 52».

[2] Там же, д. № 61, л. 12.

Ленский расстрел 1912 г.

«Ленский расстрел,— писал Ленин,— ... явился точнейшим отражением всего режима 3-тье-июньской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем»[1].

Произвол и бесправие, зверская эксплоатация, нищета и порабощение — были характерны для положения рабочих Ленского золотопромышленного товарищества в гораздо большей степени, чем для многих других отрядов российского пролетариата.

Длинный рабочий день, нищенская заработная плата, нечеловеческие условия труда определяли собой условия жизни ленских рабочих.

Рабочий день официально продолжался 11—11½ часов. «Рабочий день,— читаем мы в договоре найма рабочих «Лензото» на 1911—1912 гг.,— должен заключать в себе: с 1 апреля по 1 октября 11½ рабочих часов, а с 1 октября по 1 апреля —11 часов; обеденный перерыв, назначенный по усмотрению управления, в число этих часов не входит». Фактически же рабочий день начинался в 5 часов утра и кончался в 7 часов вечера, т. е. достигал 14 часов. Значительная часть рабочих жила в казармах, расположенных за 3—10 километров от приисков. И к 14-часовому рабочему дню прибавлялись долгие часы томительного хождения пешком на работу и обратно.

Условия труда были ужасны. Рабочие работали в мокрых забоях, часто по колено в воде. Сушилок при шахтах не было, и рабочие уходили в казармы, иногда за 10 километров, в мокрой одежде.

Заработная плата была ничтожна. Обсчеты и обмеры рабочих были постоянным явлением на ленских приисках. Реальная заработная плата с каждым месяцем падала. Вместо денег рабочие получали свою заработную плату талонами на продукты, которые приходилось покупать в магазинах того же товарищества, где цены росли с каждым месяцем. «Положение рабочих на приисках тяжелое,— писали рабочие в своих показаниях сенатору Манухину. Происходят постоянные обмеры, так как смотрители сразу выработку не записывают, а записывают потом и всегда записывают меньше. Администрация очень жестокая, обращается с рабочими очень грубо. Бывали случаи, что отдельные служащие били рабочих... Служащие ввели принудительную проституцию».

Расплата талонами на продукты вместо денег являлась ужасным бедствием для рабочих. Кроме того, что они были вынуждены платить неимоверно высокие цены, им приходилось покупать всякое гнилье. По данным ревизии сенатора Манухина, за операционный 1908/09 год промысловым управлением было выдано рабочим заработной платы: товарами, припасами и талонами на магазин на 1 258 897 руб. и наличными деньгами 1 536 702 руб.; в 1910/11 году: товарами, припасами и талонами на магазин — 1 989 838 руб. и наличными деньгами 1 960 677 руб. Процент выдачи заработной платы наличными деньгами постепенно уменьшался. В 1908/09 г. он составлял 55%, а в 1910/11 г.— меньше 50%.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 534.

Даже сенатор Манухин в своем «всеподданнейшем отчете» был вынужден признать: «К сожалению, беспристрастное наблюдение за характером деятельности этих распорядителей дает право утверждать: доброй воли они не проявляли в деле устроения жизни и труда рабочих.

Напротив того, как выше уже отмечено, правление и управление Ленского товарищества всегда и с полным рвением упорно добивались намеченной ими цели, сводившейся к тому, чтобы добывать возможно большее количество золота при уменьшении, всеми доступными способами, всяких расходов, которые могли бы понизить высоту расчетного годового баланса. Этим объясняется, почему совершенно независимо от ежегодного роста получаемой от предприятия чистой прибыли, составлявшей за последние три отчетные операции свыше 16 миллионов рублей, в деле улучшения условий приискового труда и быта рабочих на приисках не замечалось существенных изменений, а в некоторых областях усматривается даже ухудшение» [1].

Такова была неприглядная картина условий жизни и труда, зверской эксплоатации, нищеты и бесправия рабочих Ленского золотопромышленного товарищества.

В публикуемом нами письме из Иркутска очевидца ленских расстрелов, а также в докладной записке чиновника особых поручений П. П. Оленич-Гнененко читатель найдет много ценного и интересного, как для понимания положения рабочих Ленского золотопромышленного товарищества, так и всего хода ленской кровавой трагедии.

29 февраля 1912 г. на Ленских приисках забастовало 5 000 чел. Они предъявили администрации ряд экономических требований: Установление 8-часового рабочего дня, увеличение заработной платы на 30%, отмена штрафов, отмена расчета талонами на товар и т. д.

Стачкой руководил забастовочный комитет, в составе которого была сильная группа большевиков. Забастовка протекала мирно.

В течение больше месяца, несмотря на труднейшие условия борьбы, рабочие стойко продолжали забастовку. Чтобы сломить упорство рабочих, администрация решила применить вооруженную силу.

По распоряжению правительства из Киренска был отправлен на Ленские прииски отряд войск, а из Иркутска был командирован жандармский ротмистр Трещенков.

29 марта командование усиленным военным отрядом перешло в руки Трещенкова. Жандармский ротмистр распоясался во-всю. В ночь на 4 апреля он арестовал стачечный комитет, а 4-го днем, когда рабочие в количестве 3 000 чел. направились к Надеждинскому приску, они по дороге, по приказу Трещенкова, были расстреляны без всякого предупреждения.

«Двух зайцев хотели убить в день выстрелов,— писал товарищ Сталин.— Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов.

Во-вторых, припугнуть рабочих других городов и местностей,— дескать, несите безропотно ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими» [2].

Но не удалось русскому самодержавию запугать пролетариат России. Как только жуткая весть о кровавой трагедии стала известна, сотни тысяч пролетариев поднялись на борьбу по призыву и под руководством большевистской партии.

Все промышленные центры страны были охвачены волной забастовок протеста в апрельские дни 1912 г. Свыше 500 000 рабочих открыто выступили на борьбу против самодержавия и капитализма в ответ на кровавую расправу со своими братьями по классу.

«От мирной экономической забастовки на Лене,— писал товарищ Сталин,—

[1] Всеподданнейший отчет члена государственного совета, сенатора, тайного советника Манухина. 1912 г., стр. 175—176.

[2] «Звезда» № 31(67), 1912 г.

к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России — к многочисленной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России,—вот чего добились представители власти в своей борьбе с рабочими» [1].

Товарищ Сталин с особой четкостью вскрыл перед рабочим классом ту связь, которая существовала между общим положением пролетариата и началом гигантской борьбы, сигналом к которой послужили ленские выстрелы. Он писал:

«Подъем в основных отраслях промышленности и рост капиталистических барышей наряду с падением реальной заработной платы; рост профессиональных и политических организаций буржуазии наряду с разрушением рабочих организаций; подъем цен на жизненные продукты и рост помещичьих доходов наряду с голодом 30 миллионов крестьян, когда гонимые нуждой отцы и матери принуждены продавать своих дочерей и сыновей,— все это не могло не внести политического оживления в ряды рабочего класса.

Ленские выстрелы послужили лишь сигналом» [2].

Насколько велик был размах движения, можно заключить из того, что за одни только апрельские дни 1912 г. бастовало больше рабочих (500 000 чел.), чем за четыре предыдущие года 1908—1911 гг. (400 000 чел.).

«Ленские выстрелы,— писал товарищ Сталин,— разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась.

Все, что было злого и пагубного в современном режиме; все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций» [3].

Героическая борьба ленских рабочих, поддержанная всей страной, имела огромное международное значение.

Оценивая историческое значение ленских событий, товарищ Сталин в своем обращении к ленским рабочим в 1927 г. писал:

«Апрельский расстрел ленских рабочих 15 лет назад был одним из самых кровавых злодеяний царского самодержавия. Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать: ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне свободные от царского капиталистического гнета, на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире своего рабочего государства. Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса.

Приветствуя Вас, дорогие товарищи, в этот день воспоминаний о героической борьбе павших товарищей, позвольте выразить уверенность в том, что вы твердо и неуклонно будете продолжать дело дальнейшей борьбы за полное торжество победы социализма в нашей стране [4].

Публикуемые ниже документы представляют несомненный интерес и сообщают ряд новых данных, как о положении рабочих Ленского золотопромышленного товарищества, так и о событиях, окончившихся расстрелом рабочих 4 апреля 1912 г. Касаясь одного и того же вопроса, публикуемые документы совершенно по-разному освещают события, имевшие место на Лене. Заместитель главноуправляющего Тешнан, очевидец событий, письмо которого мы печатаем, чиновник Оленич-Гнененко, правление Ленского золотопромышленного товарищества — все они по-разному подходят к разбору ленских событий и сообщают ряд характерных черт, дополняя друг друга. В этом разнообразии материала, касающегося одного и того же события, и особый интерес данной публикации.

---

[1] «Звезда» № 31 (67), 1912 г.
[2] «Звезда» № 30 (66), 1912 г.
[3] «Звезда» № 32 (68), 1912 г.
[4] «Ленский шахтер» № 8, 1927 г.

Письмо заместителя главноуправляющего инженера Теппана было написано в январе 1911 г. Оно в новом свете показывает действительное положение Ленского золотопромышленного товарищества, «больные места» в жизни приисков. Это письмо показывает, что основными источниками высоких прибылей Ленского товарищества являлись не технические усовершенствования, а усиленная, не считавшаяся ни с чем эксплоатация рабочих.

Чиновник особых поручений П. П. Оленич-Гнененко сопровождал ленских рабочих при их отъезде с приисков. Он имел возможность беседовать с десятками рабочих в условиях, когда они могли говорить о забастовке и связанных с нею событиях более или менее откровенно. Представленная Оленичем-Гнененко докладная записка № 2 начальнику переселенческого управления Глинке была составлена им на основании его многократных бесед в пути с бывшими рабочими Ленского золотопромышленного товарищества. В этом отношении докладная записка Оленича-Гнененко во многом отличается от «показаний» рабочих, собранных чинами сенаторской ревизии Манухина. Чинам сенаторской ревизии Манухина рабочие давали свои показания в обстановке официального расследования и судебного следствия, поэтому эти показания отличаются сдержанностью. П. П. Оленичу-Гнененко рабочие рассказывали о ленских событиях в иной обстановке. Это, несомненно, отразилось в докладной записке, и в этом ее особый интерес.

Иным по своему характеру является доклад о забастовке правления Ленского золотопромышленного товарищества. Когда после массовых расстрелов рабочих на Ленских приисках против правления Ленского золотопромышленного товарищества был выдвинут ряд обвинений, последнее пыталось прямой ложью и фальсификацией фактов и событий снять с себя вину за происшедшее. Представленный собранию акционеров в том же 1912 г. доклад, часть которого здесь публикуется, являлся попыткой путем подтасовки фактов и событий показать все происшедшее в выгодном для золотопромышленного товарищества свете. Но даже прямой ложью и фальсификацией они этого не добились.

Положение рабочих было настолько вопиющим, что даже через эти фальсифицированные и подтасованные факты со всей неприглядностью выступает страшно тяжелая жизнь рабочих Ленского золотопромышленного товарищества.

Публикуемые документы подготовлены к печати Н. Войтинской и М. Л. Лурье.

Кроме того, редакция во II отделе помещает ряд документов, хранящихся в Центральном архиве революции, а именно: 1) Донесение прокурора Иркутской судебной палаты в Министерство Юстиции 16 апреля 1912 г. 2) Сообщение М. Ф. Рейна в чрезвычайную следственную Комиссию Временного правительства, 27 июля 1917 г. и 3) Показание солдата С. Ф. Кузнецова, данное 3 мая 1917 г., о ленских событиях 1912 г.

Документы подготовлены к печати В. В. Далаго. *М. Л. Л.*

Письмо заместителя главноуправляющего приисками Ленского товарищества инж. А. Теппана главноуправляющему приисками И. Н. Белозерову, 31 января 1911 г.[1]

Многоуважаемый Иннокентий Николаевич,

Прилагаю при сем копию краткого отчета о ходе работ за минувший месяц, из которого вы, конечно, усмотрите, что добыча у нас по

[1] Публикуемое здесь письмо воспроизводится по копии, сохранившейся в Центральном государственном архиве народного хозяйства в Ленинграде в фонде «Ленского золотопромышленного т-ва», конверт № 17, где находятся разрозненные бумаги. Копия письма написана на пишущей машинке; она очень пострадала от наводнения, так что чтение ее представляет большие трудности; места, которые невозможно разобрать, обозначены многоточием.

сравнению с предыдущими годами уже не так хороша, как прежде. Что у нас дело идет хуже, чем прежде, то в этом виновата наша рабочая команда, развращаемая окружным инженером. По праздникам мы почти не работаем, и вы, конечно, понимаете, что вред не в праздниках, а в прогулах, с которыми связан каждый отдых. В октябре по расписанию 9 отдыхов праздную их... является 9 дней... 12 рабочих дней с угаром и очень много.

При сем прилагаю вам для образца выписку из инспекторской книги как образец агитационной деятельности Тульчинского. При чтении этой записи вы усмотрите массу ссылок на ту или иную статью законов, циркуляров, и пр., но красною нитью проходит через всю запись тенденция внушить рабочему право на неподчинение приисковой администрации. Полная истина, что разъяснять рабочему его «право» — это хорошо, но совершенно было бы не бесполезно разъяснить рабочему и его обязанности. Из подчеркнутого места записи Тульчинского, наоборот, видно, что он внушает рабочим право их во всякое время, выйдя на работу по праздникам, во всякое же время безнаказанно ее оставить. Свое право самовольного ухода с работы рабочие давно уже знают, но до сего времени ни один из представителей инспекции не наталкивал рабочих на усиленное применение этого права.

Какая теперь может быть работа по праздникам? Разве можно ее производить, когда каждый рабочий, опираясь на данные ему разъяснения Тульчинским, может при первом же сделанном со стороны смотрителя замечании оставить работу?

Я полагаю... сознательное желание Тульчинского внести в среду рабочих неудовольствие существующей на приисках платою. Благодаря массе праздников и связанных с ними прогулов заработок рабочих значительно уменьшился, и я считаю необходимым вас предупредить, что, если деятельности Тульчинского не будет положен предел, то за спокойное течение работы я поручиться не могу. Капля воды и камень точит. Если представитель правительственной власти то там, то здесь как бы невзначай бросит крылатое слово, то оно может попасть в удачное время в столь благоприятную почву, что даст обильную жатву волнению среди рабочих.

Так как Тульчинский, как окружный инженер, является представителем правительственной власти, то мы все полагаем, что в своих действиях он опирается на данные ему из министерства указания. Интересно было бы узнать, неужели министерство объявило открыто войну капиталу, тогда, пожалуй, Ленскому товариществу следует прикрыть свое дело.

Что касается увольнения рабочих, то в этом отношении считаю необходимым доложить следующий случай: на Андреевском прииске артель накладчиков спускала крепежный лес в шахту. Работу эту артель выполняла неоднократно. В один прекрасный день артель эта, нагрузив бадью лесом, почему-то сняла «стрелку» и, начав опускать бадью с лесом, опустила водило, и бадья с лесом свободно ухнула в шахту. В результате бадья была разбита, привод изломан, но, к счастью, из людей никто не пострадал, так как в это время около зумфа никого не было. Моисеев за такую небрежность назначил артель к расчету, на что он имел право даже по закону, где предусматривается небрежное отношение рабочего к порученному ему делу, влекущее за собою материальный убыток предпринимателя. Рабочие пошли с жалобой к Тульчинскому, и тот, не разузнав ничего, а основываясь лишь на показаниях рабочих, почему-то нашел нужным составить акт о неправильном расчете их с указанием, что рабочие имеют право

искать с Ленского товарищества плату до конца контрактного срока. Рабочие предъявили иск, а судья Хитун, основываясь на заключении окружного инженера, присудил каждому рабочему сумму иска с судебными издержками. Правда, мы апеллировали, но вторая инстанция не имеет обыкновения изменять решения по гражданским делам. При сем прилагаю письмо Хитуна с копией с приговора мирового судьи об увольнении и расчета водовоза, которому тоже присуждено вознаграждение за неправильный расчет, с оригинальной мотивировкой приговора, что истец (водовоз) был нанят специально, как водовоз. Мне до сего времени неизвестно то учебное заведение, которое выдает дипломы на звание водовоза. Эти заключения гг. окружных инженеров и приговоры судей совершенно деморализуют команду и внушают каждому сомнение, что во многих случаях действует со стороны рабочих злая воля: работать надоело, сделаю какую-нибудь пакость, изувечу коня, сломаю привод и т. п., и все пройдет безнаказанно, да еще взыщу с дела кругленькую сумму.

При таких условиях работать трудно, а, имея на своих плечах пятитысячную команду, частенько приходится задумываться, что-то будет. Представители правительственной администрации как-то относятся в этом вопросе более, чем легкомысленно.

Прилагаю при сем также две копии с протоколов, составленных окружным инженером о неисполнении Ленским товариществом требований обязательного постановления об организации врачебной помощи.

Протокол 28 декабря недействителен, так как окружный инженер составил его прежде вступления обязательного постановления в силу. Это постановление на приисках было получено в конце... и следовательно вступило в силу через два месяца после опубликования в номере «Иркутских ведомостей», т. е. привлечение меня по второму протоколу по ст. 29 ул. о наказаниях, во-первых, незаконно, так как врачи по договору, заключенному... увольняются не мною, а вами; во-вторых, протокол был мне объявлен 15 января и потому привлечение меня по ст. 29 могло состояться не ранее 15 февраля.

Я слышал, что Тульчинский, наложив на Ленское товарищество штраф в 50 руб., посылал телеграмму иркутскому генерал-губернатору с просьбой наложить на Ленское товарищество за неимение врачей штраф в 30 000 руб., но от генерал-губернатора был послан Тульчинскому ответ, что генерал-губернатор рекомендует окружному инженеру действовать на основании существующих законоположений, в результате Тульчинский притянул меня по 29 ст. Дело не в штрафе, а, как вы можете усмотреть из протокола, в требовании принять 5 человек врачей. С одной стороны, это тяжело для дела, а с другой — число слишком велико и не вызывается действительным положением врачебной помощи. Параграф 20 имеет отношение только к Ленскому товариществу, так как оно является единственным делом, имеющим более 2 000 человек рабочих.

Не найдете ли возможным возбудить, где следует, ходатайство об изменении этого параграфа, тем более, что я рассматривал обязательные постановления других районов и нигде не нашел, чтобы число врачей определялось пропорционально увеличению числа рабочих; везде говорится лишь о том, что если предприятие нанимает рабочих числом выше известной величины, должно основываться на постановлении присутствия по горно-заводским делам. В Уложении горного управления сказано, что на каждую тысячу рабочих полагается по одному врачу.

У нас до сего времени находится без движения чайный вопрос. На

прошлой неделе я был вызван Хитуном, как ответственный по даче показания, по обвинению меня в водворении в районе контрабандного чая. По прочтении Хитуном сделанного им заключения, в котором сказано следующее: «рассмотрев следственное дело, я, мировой судья, Хитун, в качестве следователя, нашел, что обвинение горного инженера Тешана в водворении в районе контрабандного чая вполне подтверждается, и полагаю необходимым привлечь горного инженера Теппана к ответственности по таким-то статьям». Следует целый ряд статей; по одной из них я подлежу выдворению за 50-верстную пограничную полосу и штрафу около 10 000 руб. Контрабанда обнаружена у нас второй раз; в первый раз в магазине оказался развешанный чай без бандеролей; второй раз, при представлении мест к развеске, некоторые места оказались без пломб. Все это мне доставляет мало удовольствия, и в этом отношении вам следует что-либо предпринять серьезно в Петербурге. Я считаю необходимым доложить вам, что в наших амбарах хранится еще чай в местах с утраченными пломбами, и следующий штраф будет, вероятно, около 100 000 руб. — сумма, над которой следует подумать.

Главноуправляющему или его заместителю, в зависимости от того, кто будет здесь, грозит заключение на три месяца; я полагаю, что эта перспектива мало улыбается и вам и мне. Да вообще иметь аттестацию контрабандиста вряд ли очень лестно. Считаю при этом необходимым сообщить вам, что наличность всего чая таможенному ведомству известна, так как таможенная контора взяла у нас справку из дел конторы. Я полагаю, вам следовало бы в Петербурге посоветоваться с кем-либо из специалистов, что нам делать. Имеем ли мы право места без пломб сжечь или вообще как-нибудь уничтожить, а может быть, таможенный департамент разрешит места эти оплатить вторично... было бы желательно, без применения к нам штрафа.

В каком положении дело о патентах? Если нет надежды получить разрешение на открытие продажи вин, следует приостановить дальнейшую покупку вина для магазинов II и I дистанции и производить покупку лишь для Успенского, где имеем патент. Может быть тоже крупная неприятность; кроме конфискации вин, нам грозит и судебная ответственность...

С расчетом Грунвальда получается целый ряд недоразумений. Что касается упоминания в заявлении о том, что за постройку железной дороги ему якобы ничего не было подсчитано, то это совершенно не верно. Управление, не считаясь с тем, что постройка приисковой железной дороги должна быть отнесена вообще к приисковым работам, Грунвальду, как вы, вероятно, помните, все время, кроме положенного жалования, подсчитывались суточные; по окончании постройки дороги И. Д. Грунвальду была выдана награда за счет постройки дороги 500 руб. и за счет разработки приисков тоже 500 руб. При постройке дороги вы его освободили от заведывания горными работами, и он исключительно был занят наблюдением за сооружением железной дороги. Что касается значительной величины задолженности Грунвальда, то по расчетам он должен всего около 350 руб., остальная часть состоит из выданной ссуды, которая подлежит взысканию с поручителя долга в магазине; сумма эта подлежит взысканию с Краснопевцева и Гр. А. Врежба, как допустивших произвольно значительный долг. (Грунвальд незадолго до своего отказа взял в магазине бриллиантовые вещи).

На Подгорном приске в правом увале недалеко от нашей широтной грани обнаружено нами золото.

8 саж.— знаки; на 8,23 саж.— 8 зол. 32 доли; на 8,75 с.— знаки, на 9 саж.— 3 золотника 12 д... Золото светло-желтое, есть крупное. Надо полагать, что это Надеждинская россыпь.

Надеждинский прииск А. Теппан.

Письмо из Иркутска во Владивосток за подписью «В. И. Г.» 30 октября 1912 г.[1]

Здравствуй, друже Федя!

Глубоко извиняюсь в том, что не ответил на затронутые в твоем письме вопросы своевременно, — было как-то некогда. Наконец-то приступаю к изложению данных забастовки рабочих ЛЗПТ, делая выписку из своей записной книжки, куда заносились первые впечатления забастовки. Ну, вот, слушай.

29 февраля сего года до Федосиевского прииска дошли слухи, что на приисках компанией промышленности (бывш. Сибирякова, теперь ЛЗТ), началась забастовка. Первым забастовавшим прииском был Андреевский, бастовавший в 1904 году. На этом прииске одна из жен рабочих, приготовляя обед, нашла в отпущенном ей с артельной кухни мясе половой член быка; с этим вещественным доказательством она обегала по казармам рабочих, вызвав, таким образом, в них чувство глубокого возмущения. Это, как говорят рабочие, и явилось к сигналу забастовки. Позднее стало известно, что забастовка вообще подготовлялась давно. Во главе стачечного комитета стояли исключительно рабочие из более развитых, как, например, слесаря, монтеры электрической станции; в том числе были два депутата II Государственной думы, фамилии которых мне не пришлось услышать: один трудовик, другой с.-д., сосланные на поселение в эти края за подпись Выборгского воззвания и проживавшие в качестве рабочих на Андреевском прииске. Вслед за Андреевским прииском забастовала электрическая станция Надеждинского прииска и все вообще прииска II дистанции, за исключением Пророко-Ильинского, который забастовал самым последним, проработав ночь на 3 марта. Прииски I и III дистанции забастовали около этого же времени, хотя про III дистанцию ходили слухи, что волна забастовок захлестнула ее около 5, 6, 7 марта, так как она находится приблизительно верстах в 300 от Надеждинского прииска. К этому времени бастовавших рабочих нужно было считать 8 000—8 500 чел. 2, 3 и 4 марта были сходки рабочих около Народного дома Надеждинского прииска; вырабатывались требования к управлению ЛЗТ. Все требования экономического характера, вот они: увеличение заработной платы, улучшение санитарных условий жилищ рабочих, надзор самих рабочих за отпуском продуктов из артельных кухонь, улучшение обстановки работ вообще, а горных в особенности, вежливое обращение с рабочими, смена некоторых служащих за их обращение с рабочими. Эта резолюция собраний была послана в петербургское главное правление акционерного общества ЛЗТ. Получился ответ, который через горного инженера Александрова объявлен рабочим в виде плакатов, расклеенных у казарм рабочих, что вызвало много толков в среде рабочих в таком роде: «Неужели главноуправляющий не мог выйти к народу и объявить это сам». Ответ для рабочих не-

[1] Центральный архив революции в Москве, ф. особ. отд. департ. полиции, д. № 341/1912 г., лл. 110—119. Печатается по копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

утешителен: удовлетворены только немногие требования, как-то: улучшение санитарных условий жилищ рабочих, контроль подсчета заработка самими рабочими, а также и отпуска провизии, вежливое обращение — и все; про прибавку заработной платы ничем не обмолвились. Циркулировали слухи, что будто бы, барон Гинзбург выразился так: «лучше потерплю один миллион убытку, чем уступлю рабочим». Разобрав по пунктам с довольно едкой-таки сатирой ответ главного управления в Петербурге, рабочие решили продолжать забастовку до приезда окружного инженера Витимского горного округа К. Н. Тульчинского, бывшего в то время в отпуску в Петербурге. Настроение рабочих мирное, пьянства нет, так как выборные от рабочих с первого же дня забастовки настояли закрыть монополию. За это время рабочие пришли к непоколебимому заключению, что раз их требования не удовлетворены, то управление должно дать им расчет по 1 сентября (конец контракта) потому, что оно само нарушило договорные условия с рабочими, что действительно так. Удостоверяю я со своей стороны. Приехал Тульчинский; у него была депутация от рабочих, которая, горько разочарованная, ушла от него с предложением выйти на работу и обещанием, что все то, что будет зависеть от него, им для рабочих будет сделано. Забастовка продолжается. Отпуск довольствия для рабочих не прекращен, хотя отпускают уже продукты в половинной порции; перед пасхой рабочим, имевшим за конторой деньги, была даже выдача таковых. На Надеждинской прииск прибыла команда Киренских солдат, которую 19 числа и выпустили в санях, на лошадях на выдворение рабочих из казарм. Когда солдаты подъехали к самым отдаленным Догальдымским казармам Феодосиевского прииска, рабочие из них бросились бежать к Надеждинскому прииску, забирая с собой и своих товарищей, живущих на пути движения их к Надеждинскому прииску. К 3 часам дня рабочие Феодосиевского прииска, электрической станции и часть соседнего Александровского прииска собрались у Народного дома. Вслед за ними сюда же и подъехали солдаты, выдворявшие рабочих. Открылся митинг; в это время построившимся уже солдатам была дана команда «ружья на прицел в рабочих». Рабочие, как один, все упали на землю; команда была отменена. Рабочие снова поднялись и занялись обсуждением назревших вопросов, а солдаты, оценив их, были невольными слушателями дебатов рабочих. Митинг окончился благополучно, так как солдат увели незадолго до конца митинга; резолюция неизвестна. С этого дня до пасхи ничего не было. Пасха прошла тоже тихо. После неудавшегося выселения рабочих управление объявило рабочим, что все они рассчитаны и могут получить окончательный расчет, и если желают, могут быть приняты вновь на старых условиях. На это воззвание рабочие ни словом не отозвались. Само по себе выселение рабочих из казарм солдатами 19 марта было результатом приговора «золотого» мирового судьи, некоего Хитуна, бывшего офицера, присудившего 7 человек к освобождению якобы незаконно занимаемых ими квартир. Это выселение, значит, относится к семи человекам. Такими небольшими кучками по приговорам мирового судьи с некоторыми промежутками времени управление хотело очистить все казармы от рабочих. Но это, как видно, не удалось, потому что рабочие на митинге 19 марта высказались: «Если уже выселять, так всех сразу». Такой политикой имелось в виду удалить всех денежных рабочих, оставив одну гольтепу, которая волей-неволей в конце-концов, должна была выйти на работу. А лишь только хоть немного вышло, за ними потянутся постепенно и остальные. Но этот номер не прошел, во-первых, потому, что сами рабочие требовали всеобщего удаления из казарм одновременно, что

могло бы подвергнуть город Бодайбо прямо-таки раззору. По этой-то причине, вскоре управление получило телеграфное предписание от иркутского губернатора прекратить выселение до пароходов. Итак, значит, рабочие хотя и считались управлением рассчитанными, но они расчета не брали. Да и не было смысла: получив расчет, им отказывалось в квартире и отпуске продовольствия, что то и другое можно получить, помимо приисков ЛЗТ, только в Бодайбо. Это своего рода монополия управления. После пасхи Феодосиевское управление наняло в Бодайбо около 200 человек рабочих — исключительно типов бодайбинского «дна». Эти рабочие некоторое время дня два-три, выполняли верховую работу: чистили водоотводные каналы, убирали нечистоты и кое-кто плотничал и т. п. Вскоре нашему управляющему Самохвалову пришла мысль выбрать из этих 200 человек 60 на горные работы и для их работы пустить шахту № 46, самую богатую, дабы этим подзудить бастующих рабочих к выходу на работы. Сказано — сделано. 3 апреля новые рабочие подготовляли 46 шахту к пуску: очищали рельсы, подвозили лес, собирали вагончики и т. д. Утром 4 апреля, шахта № 46 была пущена. Сколько шло забоев и сколько было рабочих в шахте, я не знаю; до обеда проработали без всяких трений, как в шахте, так и наверху. Видя такое положение, бастующие рабочие подступили к приисковой конторе и потребовали по телефону окружного инженера. Тот с поездом не замедлил явиться. Рабочие, разъяснив положение дел на прииске, разъяснили ему, чтобы он заставил Феодосиевское приисковое управление снять работы в 46 шахте, так как производство горных работ неконтрактованными рабочими (какими являлись вновь нанятые рабочие) незаконно, потому что управление за таких рабочих в несчастных случаях не отвечает. Эта просьба рабочих была приведена в исполнение, забастовщики постарались самолично снять и с верховых работ. Часам к 4 дня рабочие снова собрались у приисковой конторы, где заявили управляющему, что они явились за получением расчета и требуют личного присутствия исполняющего должность главноуправляющего горного инженера Теппана. С этим поручением управляющий поехал к Теппану, на что в первом случае он ответил управляющему, что Тульчинским подана телеграмма иркутскому губернатору с вопросом, в каком порядке произвести расчет с рабочими, следовательно, пусть они подождут ответа от губернатора; на вторую же просьбу рабочих явиться на прииск Теппан отказался. С таким ответом приехал управляющий к рабочим. Тогда рабочие потребовали на прииск Тульчинского с целью удостовериться в справедливости факта подачи им телеграммы губернатору. Тульчинский вскоре явился; здесь ему пришлось выслушать от рабочих много горьких истин за то, что он ничего не может сделать в пользу рабочих.

Около же Надеждинского прииска происходило следующее: рабочие ближних приисков: Александровского, Пророко-Ильинского, Прокопиевского и других, совместно обсудив случай ареста выборных рабочих, в ночь на 4 апреля, решили подать каждый прошение Тульчинскому (коллективное прошение нельзя подавать), указав в нем, что выборные от рабочих были выбраны ими по указанию самого Тульчинского в целях удобства сношений с рабочими, а потому они просили его освободить незаконно арестованных в ночь на 4 апреля выборных. С этим прошением в 5 часов вечера 4 апреля они подходили к Надеждинскому приску. Ротмистр Трещенков, выдав боевые патроны солдатам, выстроил их фронтом к идущим рабочим. Когда рабочие стали приближаться к солдатам, был дан сигнал к приготовлению к стрельбе. В это время с Феодосиевского прииска подоспел Тульчинский, ко-

торый сразу же бросился к идущим рабочим. Он только успел подойти к рабочим, как началась пальба. На махание фуражкой Тульчинского солдаты не обращали внимания, а жарили, не стесняясь, пачками по павшим рабочим, которые после первого же залпа полегли вместе с Тульчинским. В результате 117 убитых на месте, да 200 слишним раненых, из которых в первую же ночь умерло до 50. В это время подходили к Надеждинскому прииску, но с другой стороны, и Феодосиевские рабочие, по ним тоже хотели было дать залп, но почему то не дали. Нашим рабочим пришлось быть свидетелями расстрела других рабочих. После расстрела наступила мертвая тишина; рабочих нигде не было видно, кроме как у казарм, да и то по одному, по два, по три. Приблизительно через неделю были похоронены рабочих в общей братской могиле. Итак, трагедия кончилась. Мир вам, добрые труженики, павшие в борьбе за лучшую долю трудящихся масс. До 20 числа мая рабочие утихли. Но вот с первыми пароходами получились газеты и тогда-то рабочие увидели, какую историческую роль в жизни государства пришлось им сыграть; из газет же они вскоре узнали, что на прииски назначена сенаторская ревизия. До приезда этой ревизии они и остались. 5 июня было расклеено объявление сенатора Манухина, приглашавшее рабочих выйти на работу, дабы комиссии была возможность видеть рабочих в их обыденной ежедневной рабочей обстановке. Рабочие на этот раз откликнулись: был отслужен молебен, и рабочие приступили к работе. Когда на прииск приехал Белозеров, то заработную плату он повысил на 20%, и приступившие к работе рабочие получили расчет уже по новой таксе. Сенаторская ревизия пробыла на прииске до 5 июля; за это время она, изучив всесторонне условия жизни, работы, отношений к рабочим, пришла к заключению, что рабочие были правы, так как они требовали исполнения договорных условий. В силу этого сенатор предъявил ультиматум к правлению ЛЗТ: или удовлетворить полностью требование рабочих, или дать им расчет по 1 сентября 1912 года, вывезя их на свой счет до Иркутска. Требование рабочих правление удовлетворить отказалось, согласившись взамен этого на расчет рабочих. Результаты этих сношений сенаторской ревизии с правлением ЛЗТ стали известны рабочим 26 июня вечером, а 27 они прекратили работу окончательно везде. 27 июня я выехал с приисков, а вслед за мной вскоре потянулись и рабочие. Ну вот тебе и история с забастовкой ЛЗТ. Дело рабочих с Ленцами еще тянется, так как рабочие предъявили иск к ЛЗТ в сумме что-то до 300 000 рублей за время, которое они бастовали, за увечья, за обсчеты и т. д. 12 июля я приехал в Иркутск. Вскоре в Иркутске стали попадаться вывезенные рабочие, говоря мне: «Да вот и мы тоже за вами, Владимир Иванович, приехали, так же, как и вы, не пошли плясать под дудку десятников — заправил ЛЗТ». В этих встречах мне оставалось только сказать: «спасибо вам, товарищи-труженики». И, правда, встречаясь с ними здесь в Иркутске, я невольно думал: вот мои сподвижники по горю и тягости таежной жизни; с ними я только и могу жить, для них только я и жил в тайге; не будь бы их, я бы не потерял тебе известную, для меня дорогую Стешу. Во время пребывания сенаторской ревизии, я, как и многие другие из служащих, был на допросе; там я собственноручно написал следующее: 1) Рабочие ЛЗТ приступили к стачке потому, чтобы заставить правление ЛЗТ выполнять доподлинно заключенный с ними договор, который все время до стачки правлением ЛЗТ игнорировался самым безбожным образом; 2) на основании первого моего показания я категорически заявляю, что стачка была чисто по экономическим причинам, а потому стачка была законная; 3) обращение с рабочими ЛЗТ было самое дес-

потичное; служащие, которые относились к рабочим более гуманно, считались администрацией «никудышными» (к числу последних принадлежал и я); 4) подмер выработки по указанию приискового начальства производился неправильно: площадь выработки высчитывалась прямоугольником; на самом же деле она имела трапецию, малое основание которой принималось за сторону прямоугольника, заштрихованная часть рисунка шла в подсчет выработки, а не заштрихованная — оставалась в пользу ЛЗТ; 5) любая шахта, в течение промывки песков (летом), задерживалась «в подаче» на два, на три часа, что значит следующее: одна или две золотопромывальных машины всего прииска не успевают промывать пески всех работающих шахт и отвала, а раз они не успевают, то естественно, что получается перегрузка машины и эта перегрузка в шахте выражается такой картиной: человек 20—15 откатчиков сидят у зулфа шахты и ждут не менее, чем 0,5 часа бадьи, для выгрузки которой когда-то придут с перегруженной машины очередные воючники. Все это суммировалось мною на допросе в такой формуле: при хорошей работе рабочих продуктивность их труда падала обратно пропорционально их работе, вследствие систематической недостачи отвозочных и разгрузочных приспособлений, т. е. чем больше выработает рабочий, тем меньше он подает на поверхность. Значит, и хорошая добросовестная работа била рабочего также по карману, и при хорошей работе его заработок повышался на 10%, 15% минимума. При хороших же условиях рабочий поднимает свой заработок, в среднем на 100%, 150% минимума, вот тут и поработай; 6) жилище (казармы) рабочих уподобляю конюшням; здесь отсутствует техническая вентиляция; скученность без внимания кубатуры воздуха на человека, ординарные рамы круглый год (это там, где бывают морозы в 48, 50, 52 градуса), одна плита на 40 человек, не считая детей; 7) нет никакого контроля в расчете с рабочими: где бы он ни покупал у ЛЗТ,— везде его обсчитают на три-пять % и к тому же отпустят то, что похуже; 8) в горной работе (в шахте) рабочему отпускается осветительного материала (свечей) с таким расчетом, чтобы две восьмериковых ему хватило на день работы; этой нормы ему, правда, хватает на работу, но спуститься и вылезти из шахты ему приходится без огня. А установленное законом освещение лестниц за счет дела — и слушать никто не хочет. Вылезут и так, говорил нам начальник II дистанции Г. М. Савинов; 10) на все, что бы ни заявил рабочий (кроме телесного повреждения) был ответ: это не его дело. При такой обстановке управление искусственно держало и служащих, и рабочих в самом забитом бессловесном положении. Ну, вот, Федя, я; приканчивая, скажу, что Семен поехал во второй раз не за 150 рублей, которые ему предложил С. П. Черных, а затем, чтобы все, из-за чего бастовали рабочие ЛЗТ. постараться ввести в жизнь. В будущем письме я тебе опишу свое житье-бытье в тайге, и ты тогда вместе с этим письмом воскликнешь: «О нравы, о обычаи». Ну прости, дружище.

Твой В. И. Г.

30/X — 1912 года. Адрес старый. Пиши, мне очень интересно с тобой вести переписку.

Из докладной записки чиновника особых поручений П. П. Оленича-Гнененко начальнику переселенческого управления Г. В. Глинке 9 сентября 1912 г.[1]

Введение.

Сопровождая поезда с ленскими рабочими и присматриваясь к ним как в поездах, так и на пристани в Омске, где они ожидали парохода на Тару, я имел возможность не только приглядеться к поступкам рабочих, но изучить их внутренний мир, на первый взгляд очень несложный, но при более глубоком ознакомлении весьма интересный в смысле изучения народной души, легкомысленной и незлобивой. Проникнуть в эту душу, тщательно охраняемую от чиновничьего взгляда, не всегда легко и не всем дано, но мне посчастливилось найти в массе подозрительно настроенных людей, таких, которые отнеслись ко мне доверчиво, дали мне некоторые документы и, насколько было для них возможно, беспристрастно обрисовали тяжелые события на Ленских приисках и свою казарменную и «подземную жизнь».

Их рассказы я проверил, беседуя с группами рабочих, задавая им вопросы, поражавшие простое воображение тем, что в этих вопросах чиновника просвечивало знание шахтерской жизни вообще, а в частности,— жизни ленских рабочих. Как первыми, так и вторыми я заинтересовал их и заставлял отвечать не как чиновнику, а как своему человеку, близкому рабочему быту; быт же этот я изучил в свое время на юге России — в своем имении, где были шахты, а около чугуноплавильные и рельсопрокатные заводы. О быте ленских рабочих, как я упоминал выше, сведения мною добыты от отдельных рабочих проследовавших ранее эшелонов. Сопоставляя эти сведения с показаниями целых групп, часто неискренних под влиянием указаний выборных и адвокатов, я в данное время имею возможность высказать свой взгляд на Ленское дело, на рабочих и на лиц, соприкасавшихся с ними во время печальных событий 4 апреля.

Считая свою работу частным начинанием, я не составлял протоколов и актов, находя это неудобным при наличии сенаторской ревизии, но тем не менее, считаю своим долгом представить весь полученный мною материал на благоусмотрение вашего превосходительства в той надежде, что он может пригодиться для междуведомственного совещания по рабочему вопросу, если таковое состоится, и сможет послужить пособием для освещения рабочего вопроса...

Состояние духа рабочих. Большинство из них держались независимо, но не вызывающе, хотя при малейшем намеке на противодействие их требованию, сейчас же начинали общий ропот, ссылки на разные предписания и законы, на осведомленность выборных, на указания поверенных и тому подобные аргументы, свидетельствующие о том, что среди них существовала своеобразная дисциплина, привитая им выборными или другими лицами.

Та же дисциплина, при каждом удобном случае; например, при остановках на станции, они охотно отвечали на расспросы простонародья, демонстрировали раны, жалуясь на Лензотское товарищество, Трещенкова и стражников. Вся их манера держаться и особенно ма-

---

[1] Центральный государственный архив народного хозяйства в Ленинграде. Переселенческое управление, 3 делопроизводство, д. № 62 (1912), лл. 82—90. В начале записки резолюция: «Эту записку держать в виду».

нера их выборных руководить ими при мелких заявлениях, вполне соответствовала манерам «сознательных» рабочих 1905 — 1906 годов. Глядя на них и слушая [1] их повествования о «харчах» и «битве», становилось вполне ясным, что огромное большинство было действительно заинтересовано только харчами, плохими помещениями, неблагоприятными условиями жизни и работы на приисках, а меньшинство — более сознательное — воспользовалось этим настроением с чисто демонстративной целью, т. е. «ради принесения пользы другим, хотя бы в будущем»... Это — фраза дословная, вырвавшаяся у одного из сознательных в пылу разговора, вопреки дисциплине. Эта знаменательная фраза может служить мерилом общих событий, и нет силы, способной убедить меня в противном, особенно после получения мною прилагаемого документа № 2 с надписью рабочего на обратной стороне.

Причины недовольства большинства: 1) недоброкачественное продовольствие, недостаток капусты и овощей и потеря рабочего времени при получении провизии из кухни. 2) Неблагоустройство жилых помещений и отсутствие хозяйского освещения в бараках. 3) Необходимость пользоваться товарами из магазинов товарищества и уплата товариществом жалования талонами. 4) Увольнение за одиночные жалобы не только рабочих, но и их семейных, и увольнение за приобретение товаров у частных торговцев. 5) Неудовлетворительная постановка медицинской помощи. 6) Посылка семейных женщин на домашние работы. 7) Грубое обращение с рабочими. 8) Взыскания в виде вымораживания, т. е., так называемая, выморозка. 9) Недостаточное освещение в подземных корридорах. 10) Отказ в выдаче кожанов (кожаных балахонов для работы в водоточащих шахтах). 11) Неправильное измерение забоев и неправильный подсчет заработной платы. 12) Невозможность надзора со стороны губернского начальства в виду отдаленности приисков от Иркутска (1743 версты).

Вот перечень возбудителей забастовки, перечень, составленный по указаниям рабочих, клявшихся, что главным толчком ко всеобщему возмущению было конское мясо и хлеб с выпеченным в нем навозом. Последние два явления окончательно возбудили рабочих, переполнили чашу долготерпения и толкнули их на объявление забастовки из-за харчей.

Разъяснения рабочих

Недовольство, порожденное совокупностью вышепоименованных причин, вылилось таким образом в определенную форму — отказ от работы или стачку, а постороннее влияние, об руку с несвоевременным желанием Ленского товарищества исправить свои погрешности и настойчивое стремление ротмистра Трещенкова прекратить забастовку исключительно строгими мерами, поддержали упорство рабочих и привели их к кровавому дню 4 апреля.

Прежде чем описывать этот день со слов рабочих, побывавших в битве, я приведу их разъяснения, относящиеся к каждой причине, породившей недовольство общим положением вещей.

Недоброкачественное продовольствие и способ его выдачи. 1) Рабочим продавался хлеб из непросеянной муки, плохо выпеченный, иногда с запеченными мышами и даже конским навозом, благодаря небрежности пекарей и отсутствию санитарного надзора за доброкачественностью продовольствия. Мясо продавалось по высокой цене и к нему подмешивалась в последнее время конина. Кислой капусты, кар-

[1] В подлиннике: «ощущая».

тофеля и овощей запасалось для продажи рабочим недостаточно и отпускалось все это по слишком высокой цене. Отсутствие капусты и овощей отражалось на здоровье рабочих, заболевших цынгой. Приобретение мяса и овощей из посторонних рук оказывалось невозможным: припасы привозились из Якутска Ленским товариществом. Выдача продовольствия производилась крайне медленно при стоянии в затылок в течение нескольких часов, что заставляло терять рабочее время мастеровых и холостых рабочих.

Неблагоустройство жилищ и отсутствие хозяйского освещения. 2) Жилища, т. е. бараки, представляли из себя общие спальни для семейных и холостых, с устройством коек в порядке железнодорожных, т. е. вагонных, нар. Причем одна из двух нар занималась семейными, а другая, соседняя — холостыми. Между нарами ставился столик, отделяющий семейного от холостого. Мужчины сидели нагишом при женщинах и детях, переменяя и просушивая платье после работы. Последнее мылось тут же в бараке и просушивалось над плитой, где готовилась пища. Прачечных и сушилен в бараках не существовало. Окна в бараках были одинарные, часто заклеенные бумагой. На них намерзал лед, со стен стекала вода, а под нарами накоплялся в течение ночи слой льда. Мерзлые валенки за ночь не оттаивали в таком помещении. Отхожие места находились от бараков в 10 саженях, предоставляя 2 очка для 120—150 душ. Будучи общими для женщин и мужчин, они были очень плохо устроены: в некоторых имелись сорванные двери. Посещавшие эти места ночью, особенно женщины и дети, постоянно простуживались. Особым неблагоустройством отличался «кобылий барак», подпертый в предупреждение падения бревнами, и № 16, так называемый «паровой», где прежде помещались паровые котлы, а потом поместились люди. Все бараки отапливались за счет товарищества, но освещались за средства рабочих, приобретавших лампы, керосин и свечи из магазина Лензото.

Необходимость пользоваться товарами из магазинов товарищества и уплата жалования талонами. 3) Тысячи ленских рабочих вынуждены были пользоваться только товарами из магазинов товарищества, переплачивая на этих товарах большие деньги. Помимо потери в виде переплаты в магазин товарищества, рабочие несли еще крупные потери вследствие выдачи жалования талонами. Талон в 25 рублей продавался нуждающимися в деньгах за 20—22 рубля. Цены же на товар были следующие: в кладовых товарищества по талонам материя на брюки отпускалась по 62 коп. аршин, а такая же материя в частных лавках продавалась по 42 коп. Шляпа в кладовой ценилась 2 р. 80 коп., а в частном магазине 2 р. 20 к. Шапка-татарка также должна была цениться в 1 р. 30 коп., ценилась же в 2 р., а с оторочкой в 2 р. 50 к. Галоши в частном предприятии брались по 4 р., а в товариществах по 5 р. 60 коп. Кроме высокой цены, товарищеские магазины представляли для рабочих еще одно неудобство: они задерживали товар иногда до 3 суток, заставляя ходить покупателей за своей покупкой в рабочие часы.

Увольнение за одиночные жалобы и закупку товаров в частных лавках. 4) За попытки жаловаться на неблагоустройство жилищ, отсутствие медицинской помощи, грубое обращение, обмеры при подсчете забойной работы и т. п., всех жалующихся водиночку увольняли; поэтому жаловаться каждому за себя не представлялось возможности, как не оказывалось возможным покупать товар у частных торговцев. Таких покупщиков немедленно увольняли и даже тех, чьи жены или дочери приобретали товар из частных рук.

Посылка семейных женщин на домашние работы к начальству.

5) На приисках вошло в обычай посылать высшей администрации, становым и прочим начальникам приисковых женщин на домашние работы. Отказ от такого наряда влек за собой увольнение рабочего и изгнание непокорной семьи из приисков. Домашние же работы вызывали ревность, семейный разлад и озлобление рабочих против администрации, так как каждому рабочему было отлично известно, что домашние работы только ширма для разнузданных инстинктов приисковых управителей.

Отсутствие достаточной медицинской помощи. 6) Медицинская помощь на приисках была неудовлетворительна: рабочие не получали ее своевременно или оплачивали труд фельдшеров: например, за вырывание зубов платили по 3 рубля. Санитарный медицинский надзор, судя по всему, или был слаб или отсутствовал совсем.

Грубое обращение и выморозка. 7) Грубое обращение на приисках было в полном ходу и выражалось не в одном тыкании, которое само по себе не считалось и не считается среди рабочих такою уж грубостью: они постоянно говорят «ты» друг другу и даже попадались такие, что тыкали и на меня, совсем не желая меня обидеть, а по вкоренившейся привычке великороссов. Под грубым обращением понималась площадная брань, грубые отказы выслушать жалобы, выкрики «пошел вон» и т. п.

Выморозкой же называлось на местном жаргоне наказание, заключавшееся в том, что шахтера, не имевшего пимов и теплой одежды, выгоняли из глубины шахты, где тепло, наверх и заставляли возить воду, сгребать снег, колоть дрова при 20—25 градусах мороза.

Плохое освещение в шахтах, отсутствие кожанов и неправильное измерение забоев. 8) В подземных корридорах лампочки располагались в 18 саженях одна от другой; света давали мало, поэтому люди часто оступались, попадали в канавы с водой. Для шахтовых работ забойщикам выдавались тоненькие свечи производства Ленского товарищества на 12 часов, их никогда не хватало до конца работ. В шахтах, где просачивалась сквозь породу вода, капая на спину работающим, последние промокали насквозь за отсутствием кожаных балахонов, что отзывалось на их здоровьи при переходе от шахты до казармы, находившейся в расстоянии свыше $1^1/_2$ верст.

При измерении выработанной породы происходили намеренные ошибки, обмеры, рабочие несли крупные убытки, теряя часть заработка, и, конечно, озлоблялись.

Невозможность надзора со стороны губернского начальства. 9) Прииски находятся в 1743 верстах от Иркутска, а поэтому туда мало кто заглядывал. Про иркутскую администрацию рабочие говорили: «Их родители не бывали в шахтах, а не только они. Если бы побывали, то нами не распоряжались бы как сапогами». Возможно, что эти заявления неточны, преувеличены, но, вероятно, правда в них преобладает: без огня дыма нет.

Я лично склонен верить рабочим, так как сам бывал в таких медвежьих углах, где постоянно вспоминалась пословица: «До бога высоко, а до царя далеко», и где каждый письмоводитель смотрел орлом, выжидающим добычи.

Характеристика лиц, соприкасающихся с ленскими рабочими

Белозеров.

«Тот же бог: что захотел, то и сделал. Встречали его, как могущественную особу, как владетельного князя древних времен. Всякие пустяки делал: требовал красивых чужих жен. Прямо срам творил и

другим позволял озорничать, только не принимал во внимание жалобы людей».

Тульчинский.

«Всегда принимал людей днем и ночью. Если не мог чего сделать, удовлетворять всех жалоб, то надо быть от того, что власти достаточной не имел, да был один среди врагов, далеко от всякой жизни. Коли его убили бы, то нас всех повели бы закованными. Оттого, когда стреляли, то мы думали о нем. Одно непонятно: как он мог подписать телеграмму? Должно с испугу!».

Трещенков.

«Здоровый, рыжеватый, страсть сердитый, никаких резонтов не принимал. Одно требовал: становись на работы и не смей собираться в кучи, а не то я распоряжусь с вами, как повар с картошкой», да зверски кричал: «я вам прибавлю жалования! Ждите меня в другой раз. Если через два дня на работу не выйдете: прибуду с войском и разделаюсь по своему!»

Галкин.

— «Пристав, подневольный человек. Участия от него никакого! Если к нему с жалобой, то он сейчас тебя по этапу».

Судья[1].

— «Золотой судья: судит по старозаветным уставам, по статьям от крепостных времен».

Коротко, но довольно ясно рисуют рабочие этих людей. Из этих характеристик можно вывести следующее заключение: Тульчинский хотел что-то сделать, кому-то помочь, чуть не отдал жизнь за это и вдруг неожиданно для себя и для всех подписал знаменательную телеграмму в ущерб рабочим и своему престижу и сел между двумя стульями. Видно итти одному за всех и против всех — нелегкая задача. Трещенков не желал входить в положение рабочих, отнестись к ним добросердечно, отечески, окончательно ожесточил их резким обращением и таким способом укрепил руководителей забастовки, а в конце концов вынужден был прибегнуть к действию оружием...

«Мы спервоначала думали, что будут палить холостыми: пужают только!» — рассказывала мне жена рабочего...

Это был момент, когда никакие уговоры уже не действуют на психику толпы, а действует только животный страх видимой смерти...

...«А мы, ведь, не вороны, кустов не боимся: этот листок подавай ребятам, которые боятся взрослых»... Вот что начертала рука рабочего на обратной стороне объявления № 2 от 5 марта, и в этой надписи вылилось в определенную форму настроение ленских рабочих до 4 апреля. Мы, дескать, ничего не боимся и ни за что не согласимся, мы слушаем только своих и добьемся своего.

Павел Оленич-Гненко.

Из доклада правления Ленского золотопромышленного товарищества

Первый период событий с 29 февраля по 4 апреля сего года

29 февраля на нескольких приисках Ленского золотопромышленного товарищества возникла забастовка рабочих, прекративших работу без

[1] Речь идет о судье 2-го участка Олекминского золотопромышленного района Хитуне.

предъявления каких-либо требований. К забастовке постепенно стали примыкать рабочие с других приисков товарищества. Забастовка, разрастаясь с каждым днем, 3 марта охватила уже около 5 500 человек.

Для того, чтобы гг. акционеры могли составить себе понятие о том, как произошла забастовка, как под влиянием агитации она постепенно разрослась и сорганизовалась, правление считает необходимым привести, в выдержках, рапорт помощника главноуправляющего, инженера г. Теппана.

Как видно из этого рапорта, поводом к прекращению работ на Андреевском прииске послужил пущенный кем-то слух о выдаче одному из рабочих конины вместо воловьего мяса. Несмотря на неоднократные требования как промыслового управления, так и горного исправника, предъявить им эту конину, рабочие от этого отказались. По прекращении работ на Андреевском прииске к рабочим явился какой-то оратор с листком в руках и стал что-то им читать. От предъявления каких-либо претензий рабочие отказались, требуя от прибывших на прииск горного исправника, заведующего приисками, управляющего II дистанции и помощника главноуправляющего обождать, так как они ни к какому выводу еще не пришли и своих претензий еще не выяснили. На вопрос же, когда они выйдут на работу, получился ответ: «когда будут удовлетворены все их требования», но при этом никаких положительных требований предъявить не могли, заявив лишь свои личные мелкие просьбы. На повторное требование горного исправника предъявить выданную конину, рабочие заявили, что в данный момент они не знают, где и кем она хранится, а также они не знают точно, кто именно получил конину. Что же касается предъявления требований, то рабочими было заявлено, что в число таковых будет включено также требование об увеличении заработной платы.

В виду безуспешности переговоров инженер Теппан покинул Андреевский прииск, удовлетворив все мелкие претензии, высказанные рабочими во время переговоров.

Вечером 29 февраля несколько человек с Андреевского прииска направились к Прокопьевскому. В то же время стало известно, что рабочие Утесистого прииска, идя на работу после обеда, задержаны были в дороге каким-то человеком, заявившим им, чтобы они на работу не вставали, после чего они вернулись в казармы и ждали бастующих Андреевского прииска. Никаких претензий рабочие Утесистого прииска не заявили, сказав, что будут ждать посланных на Андреевский прииск.

Отправленные рабочими с Андреевского прииска на Прокопьевский лица успеха в этот день не имели: рабочие Прокопьевского прииска к предложению забастовать отнеслись враждебно, причем урядник просил разрешения горного исправника арестовать этих лиц; однако горный исправник не нашел возможным дать такое разрешение. Лица эти с Прокопьевского прииска пошли на Александро-Невский, где начали агитацию среди рабочих о прекращении работ, но были задержаны урядником нижнего управления, запросившим у горного исправника дальнейших указаний; по требованию горного исправника, нашедшего, что арест произведен неправильно, задержанные были отпущены.

На другой день от рабочих Андреевского и Утесистого приисков получено было требование, в котором ни об увеличении платы, ни об установлении 8-часового рабочего дня, ничего не было сказано, равным образом не было требования об утверждении выборных старост; претензии касались лишь осмотра мяса, разделения его на сорта, более вежливого обращения, принятия в расчет веса посуды при отпуске прови-

зии из артельной кухни, расширения Андреевской больницы, более гуманного отношения к больным со стороны доктора Короткова, выдачи квитанции на выработку, освещения лестниц в шахтах, увольнения некоторых служащих, ежемесячной выдачи денег полностью, допущения выборных при выдаче припасов из артельной кухни и более частой смены рабочих в различных забоях. Требования рабочих, кроме разделения мяса на сорта, увольнения служащих и ежемесячной выдачи всех заработанных денег, приисковым управлением были приняты к исполнению.

По поводу несогласия приискового управления разделить мясо на сорта правление считает необходимым заявить, что на приисках мясо отпускается одинакового качества как служащим, так и рабочим, без деления на сорта, что практически неосуществимо, в виду того, что мясо мерзлое и каждая туша рубится на куски, отпускаемые без различия как служащим, так и рабочим.

1 марта вынуждены были забастовать вышедшие на работу рабочие Васильевского прииска, которым о забастовке заявили лица, пришедшие с Андреевского прииска. Рабочие Васильевского прииска никаких требований не предъявили, выразив желание продолжать работы, если приисковое управление оградит их от насилия со стороны бастующих.

2 марта забастовка перебросилась на нижнее управление. Выяснилось, что большинство рабочих не знало даже о готовящейся забастовке, так как с утра вышли на работу почти все рабочие, но на пути были задержаны неизвестными лицами, угрожавшими рабочим насильственными действиями. Поэтому некоторые работы сразу были приостановлены, а другие — в течение дня, вследствие того, что работавшие были «сняты» приходившими стачечниками.

При опросе 2 марта рабочих нижнего управления повторилось то же, что и на Андреевском и Утесистом приисках. Все опрошенные рабочие отвечали, что они работать согласны, но их не пускают, а на предложение предъявить претензии получился ответ: «никаких претензий не имеем, но нас не пускают работать». Предложение инженера Теппана выбрать по 2—3 человека от каждой казармы для выяснения причин невыхода на работу успеха не имело, и рабочие разошлись. При вторичных переговорах Теппана того же 2 марта одним из рабочих было предложено Теппану осмотреть на артельной кухне испорченную рыбу. Оказалось, что рыба эта совершенно талая, тогда как в артельной кухне рыба получается мерзлая. По наведенным справкам выяснилось, что в течение двух дней до забастовки вообще не производилась выдача рыбы.

Правление останавливается на этой мелкой подробности, так как она наглядно доказывает, что непосредственные поводы к забастовке создавались искусственно. На одном прииске пущен был слух о выдаче конины, а на другом предъявлена была тухлая рыба, тогда как вообще выдачи рыбы в то время не было. Такие же попытки к обвинению промыслового управления в выдаче недоброкачественной провизии проявлялись и во время пребывания на приисках чинов сенаторской ревизии, и в каждом таком случае выяснена была недобросовестная подкладка предъявленного обвинения.

На предложение Теппана возобновить работу от рабочих был уже получен вполне определенный ответ, что ранее 4 марта они работ не возобновят и никаких переговоров с приисковой администрацией до этого срока вести не намерены.

В течение всего 2 марта и в ночь на 3 бастующие рабочие нижнего управления обыскивали поезда, идущие от Бодайбо на Александровскую станцию, с целью отыскать лиц из своей среды, которые почему

либо отсутствовали. 3 марта забастовка распространилась на Феодосиевское управление, и здесь вышедшие на работы обычным порядком рабочие удалены были небольшой группой агитаторов из числа рабочих того же Феодосиевского управления. Во время обхода казарм Теппаном в сопровождении лиц местной администрации повторилась та же картина, что и ранее. Рабочие никаких претензий не заявили, ответа на обращенные к ним вопросы не давали или же говорили, что претензий у них не имеется, но на вопрос, почему они не вышли на работу, рабочие ответили: «готовы выйти, если все выйдут», или же: «боюсь выйти, потому что, грозят убить», но кто грозил и кому грозили, указать не могли и не желали. Когда Теппан уже заканчивал обход казарм, подошедшая к нему группа рабочих в 10 человек заявила, что он напрасно тратит время, так как ранее 4 марта ничего не выяснится.

На Прокопьевском прииске забастовка также началась 3 марта после того, как вышедшие на работу вынуждены были бросить работу вследствие требования других рабочих с соседних приисков. И здесь никаких претензий заявлено не было, но рабочие сказали, что им нужно сговориться с рабочими других приисков для решения и выработки требований, для чего просили разрешения беспрепятственно сноситься с рабочими других приисков.

Того же 3 марта забастовка распространилась на прииски Ивановского управления I дистанции. Начавшиеся здесь утром 3 марта работы оставлены были вследствие требования зашедших в казармы в ночь на 3 марта трех человек, громко заявлявших рабочим о том, чтобы они завтра на работы не выходили, так как II дистанция забастовала. До появления этих лиц отношение рабочих I дистанции к начавшейся забастовке не только было отрицательным, но даже прямо враждебным; лишь после обращения к ним приехавших агитаторов, настроение команды сразу резко переменилось, но здесь также выяснилось незнание рабочими причин невыхода на работы и полная запуганность и растерянность.

4 марта в 12 часов дня на Ивановском прииске состоялась сходка. 5 марта после обеда забастовка началась также и на Иннокентьевском прииске II дистанции, а 15 марта забастовка перешла также на отдаленные прииски III дистанции, как то: на Иннокентьевский и Светлый.

3 марта горный исправник разрешил бастующим устроить общее собрание в Народном доме, состоявшееся без присутствия полиции.

Согласно полученной от Теппана телеграмме от 4 марта, рабочие, не стесняясь, снимали с самых незначительных работ, и полиция везде отсутствовала.

Окружной инженер Александров, за время отсутствия инженера Тульчинского заведывавший Витимским округом, прибыл из далекой тайги на Надеждинский прииск 2 марта, откуда затем направился вместе с горным исправником на Андреевский прииск, а затем уехал в Бодайбо, сообщив, что ему нужно туда поехать для решения вопроса о созыве очередного съезда золотопромышленников.

На состоявшемся с разрешения горного исправника и окружного инженера общем собрании в Народном доме, рабочими выработаны были требования, сообщенные затем Теппаном правлению.

Требования эти следующие:

1) Уплата за дни забастовки.

2) Бесплатное освещение помещений рабочих.

3) Увольнение рабочих допускается лишь летом. Проезд до Жигалова бесплатный.

4) Восьмичасовой рабочий день.

5) В праздники зимою и летом работы от 6 до 1 часу, плата за полтора дня.
6) Увеличение платы всем рабочим на 30%.
7) За командировки плата полуторная.
8) Уплата денег ежемесячно полностью.
9) Плата всем больным, по вине Ленского золотопромышленного товарищества,— поденная, прочим — половинная.
10) Увольнение рабочих с ведома рабочей комиссии.
11) Назначить в расчет служащих нарядчиков: Синцова, Горелова, Феоктистова, Баженова, инженера Кобылянского, Иовлева, Некужарова, Костина, Казакова, братьев Кузнецовых, Шебеко, инженера Савельева, Анельгольма, Токарева, Коморникова, Пестякова, Дэмут, Станукинаса, инженера Бромирского, Крыжановича, Русакова Павла, кассира Казакова, Бернина, Макарова, Коршунова.

Получив телеграмму Теппана, правление предложило ему телеграммой от 4 марта объявить рабочим, что если во вторник, 6 марта, они не станут на работу, то всем должен быть немедленно объявлен расчет, и все работы должны быть прекращены. В другой телеграмме, отправленной того же 4 марта, правление довело до сведения Теппана о согласии на некоторые из требований, а именно, касающиеся освещения казарм и внутреннего распорядка, причем Теппану предложено было объявить рабочим, что никто из бастующих не будет расчитан не только до весны, но и до срока контракта, если они станут на работу 6 марта и будут дальше вести себя спокойно и исполнять все пункты договора; если же команда этих условий не примет, то Теппану предложено было произвести полный расчет.

6 марта на работу никто не вышел, производились только необходимые для сохранения непрерывности работ — работы по водоотливу, которые не прерывались с самого начала стачки.

Таким образом положение на приисках не переменилось к лучшему, а при проявленном местными властями отношении к забастовке не было шансов на скорое прекращение забастовочного движения.

Посылая Теппану телеграмму 4 марта, правление руководилось тем, что потребованные рабочими уступки неприемлемы, так как они либо нанесли бы громадный имущественный ущерб не только обществу, но и самим рабочим, ибо в таком случае пришлось бы волей-неволей прекратить убыточные для общества работы и расчитать часть рабочих, либо подорвали бы в корне авторитет и престиж промыслового управления в случае удовлетворения требования рабочих об увольнении служащих. В виду положения, созданного распространением забастовки на все почти прииски общества и недостаточности существовавшей на приисках охраны, правление 5 марта отправило иркутскому губернатору срочную телеграмму, в которой, указывая на крайне слабую охрану, имевшуюся в округе, и недостаточную для обеспечения ни порядка, ни целости приискового имущества, в том числе его складов и магазинов, просило оказать скорейшее содействие к посылке из Киренска на подводах, хотя бы за счет товарищества, воинской команды в достаточном числе.

Губернатор, ссылаясь на донесения местных властей о якобы мирном течении забастовки, сначала было отклонил просьбу правления, но впоследствии, по настоянию министра торговли и промышленности и находившегося в Петербурге иркутского генерал-губернатора, отдал распоряжение об отправке из Киренска команды в 70 человек, которая 19 марта прибыла на прииски.

8 марта правлением получена была от забастовавших рабочих телеграмма, посланная ими также иркутскому генералу-губернатору, горно-

му департаменту, Государственной думе, на имя иркутского депутата Белоусова; и петербургскому биржевому комитету. Содержание этой телеграммы следующее:

«Забастовка возникла на почве недовольства; требования: продовольствие доброкачественное, квас от товарищества, хлеб без примеси, капуста, картофель, гигиенические квартиры, исполнение только тех обязанностей, на которые рабочие нанимались, не расчитывать зимою, расчитывать летом, бесплатный проезд до Жигалова, 8-часовой рабочий день, праздники полуторные, прибавка жалования 30%, ежемесячная уплата деньгами, не талонами, отмена штрафов, безусловная медицинская помощь, рабочие старосты, непринуждение женщин к труду, вежливое обращение, увольнение служащих, вызвавших забастовку, отмена распоряжения Белозерова Теппану 4 марта. Теппаном объявлено по I, II дистанциям приисков, если рабочие не станут вторник (6 марта) на работу, то произведет полный расчет, прекратит водоотливы; таким распоряжением правление Ленголото желает скрыть злоупотребления в шахтах остановкою работ на несколько лет. Просим вашего вмешательства; ждем ответ». Подписано: «рабочие Ленголото».

В ответ на эту телеграмму, правление предложило Теппану по телеграфу объявить рабочим на каждом прииске, что правление всегда принимало и дальше будет принимать меры к обеспечению доброкачественности выдаваемых припасов и улучшению быта рабочих и никоим образом не допустить каких-либо злоупотреблений, но что изменить условия найма оно не может. При этом Теппану предложено было объяснить рабочим, что, на основании закона, требуется выезд рабочих лишь до ближайшего жилого места, которым является Киренск, что 8 часовой рабочий день в мокрых забоях давно введен, и, наконец, Теппан уполномочен был сделать рабочим те уступки, касающиеся внутреннего распорядка, которые он сочтет соответственными.

Таким образом правление считало, что оно приняло все зависящие от него меры для успокоения рабочего населения, пойдя навстречу тем из заявленных ими требований, удовлетворение которых правление находило совместимым с интересами порученного ему дела. Впрочем, большинство из этих требований уже до возникновения забастовки приводилось промысловым управлением в исполнение. Так, например, врачебная помощь, на недостаточность которой рабочие жаловались, еще в прошлом году поставлена была в условия, удовлетворяющие последним требованиям обязательного постановления горнозаводского присутствия при иркутском горном управлении, согласно которому на каждую 1 000 рабочих промысловое управление должно содержать одного врача. В действительности, при рабочем населении в 6 000 человек на промыслах имеется 6 врачей, а кроме того, 15 фельдшеров и 6 акушерок. В промысловых больницах имеется 199 мест, причем всегда были свободные койки; уже одно это обстоятельство свидетельствует о полной обеспеченности рабочего населения врачебною помощью.

Жалобы рабочих на недоброкачественность провизии ни на чем не основаны; если бы в действительности отпускаемая рабочим провизия была плохого качества, то это несомненно сказалось бы на увеличении процента заболеваемости на промыслах, чего на самом деле не замечается. Из болезней, наиболее распространенных в сибирской тайге, вызываемых условиями питания, на приисках обнаружены были лишь единичные случаи заболевания цынгою, что, конечно, при населении в 6 000 человек рабочих, а с семьями 10 000,— также не выходит из ряда обыкновенных явлений.

Далее, при работах тяжелого характера, как-то в мокрых забоях, уже

само приисковое управление, еще гораздо ранее возникновения забастовки, установило 8-часовую смену.

Что касается жалоб на грубое обращение, то, не отрицая всегда возможных единичных случаев такого обращения, со стороны служащих, правление не допускает мысли, чтобы грубое и невежливое обращение возведено было управлением в принцип. Обращение же с рабочими на «ты» никого не должно удивлять, представляя собою явление бытового характера, да и не только на Ленских приисках оно практикуется.

Согласно данному Теппану полномочию телеграммою от 8 марта, приисковое управление согласилось на удовлетворение тех требований, которые относятся к внутреннему распорядку на промыслах, как-то: установление желаемого для рабочих порядка выписки припасов, назначение рабочих лишь на специальные работы соответственно их профессии, установление в шахтах работ при соблюдении очереди для всех рабочих, вывешивание табелей во всех шахтах, выдача квитанций в выработке, непринуждение женщин на работы, если имеется достаточное число желающих работать. Относительно последнего пункта следует заметить, что не только на промыслах Ленского товарищества, но и на всех других, женщины допускаются в казармы только в случае согласия поступить на работы, причем на Ленских приисках, при теперешнем управлении, на женщин возлагались, за плату, лишь работы домашнего характера. Уступка в этом пункте требований рабочих заключается в том, что если на указанные работы окажется комплект добровольно желающих, то остальных женщин промысловое управление уже не в праве будет принуждать работать. Впрочем, пункты, касающиеся работ женщин, всегда включались всеми золотопромышленными предприятиями Сибири в заключаемые с рабочими договоры, составляемые на основании правил о найме рабочих на золотые промыслы и утверждаемые окружным инженером. Что касается материального положения рабочих, то в марте с. г. правление не имело еще в своем распоряжении подробного отчета за 1910/1911 год и потому мнение свое о достаточности заработка оно выводило из данных отчета за 1909/1910 г., будучи твердо убеждено, что средний заработок за 1910/1911 г. не многим мог разниться от такого же заработка за предшествующий период. Средний годовой заработок Ленского рабочего, исчисленный на основании общего количества задолженных поденщин и уплаченной за то же время заработной платы, составил 1 р. 96 к. Наинизшая плата чернорабочих составляла 1 р. 35 к., максимальная же горнорабочих — свыше 4 рублей. Сверх того, команда, специально занятая добычею песков, за подъемное и вольно-приносительское золото получила 613 812 рублей, что на 1 поденщину составило в среднем 75 коп.

Остается еще дать объяснение по поводу заявленных жалоб на неудовлетворительное состояние квартир для рабочих. На постройку новых и ремонт старых казарм правление ежегодно затрачивает значительные суммы, как это можно усмотреть из нижеприведенной таблицы, составленной на основании последних отчетных данных. Между прочим в 1909/1910 г. на постройку новых казарм затрачено было 175 169 рублей, в 1910/1911 г. около 30 000 р.

При этом правление считает долгом обратить внимание на то, что пункт 4 обязательного постановления иркутского горнозаводского присутствия вступил в силу лишь в 1909 году; им установлена была новая норма содержания воздуха в 1,2 куб. саж. на каждого рабочего.

Для приведения казарм в соответствие с этим обязательным постановлением установлен был трехгодичный срок, который нельзя не признать слишком коротким для постройки жилищ, предназначенных для

населения в 10.000 душ. Впрочем, на эту сторону вопроса указал окружной инженер Н. К. Тульчинский постоянной совещательной конторе золото-и платинопромышленников, заявив в заседании от 8 февраля 1912 г., что, хотя им обращено специальное внимание на жилищный вопрос на приисках Ленского товарищества, но он вполне сознает, что вопрос этот может быть урегулирован лишь постепенно.

Далее следует заметить, что к Ленскому товариществу во второй половине 1910 г. перешли прииски от компании промышленности вместе с казармами, на благоустройство которых не было до этого времени обращено должного внимания горным надзором. Казармы эти оказались настолько обветшалыми, что потребовали немедленного ремонта и отвлечения значительного количества плотников; между тем, в тайге нет местного населения, среди которого можно было бы в любое время набрать необходимый контингент мастеровых.

Наконец, при всем желании постоянно увеличивать количество и размеры жилищ на приисках промысловому управлению весьма трудно справляться с некоторою скученностью рабочих в казармах; происходит это в тех случаях, особенно часто повторяющихся за последние годы, когда к найму является больше рабочих, чем это требуется по размерам предположенных работ. Желая оставаться в пределах закона, промысловое управление весьма легко могло бы отказаться от найма лишних рабочих; однако такая мера оказалась бы, если не безусловно неприменимой, то, во всяком случае, весьма жестокою, в виду почти полного отсутствия в Олекминско-Витимской тайге других, помимо приисков товарищества, источников заработка для пришлого населения. Правление может указать на случаи, когда по настоятельной просьбе местных горных и полицейских властей, например по просьбе Н. К. Тульчинского в 1909 г., пришлось взять на работу на приисках значительное количество добавочных рабочих, несмотря на явную недостаточность в помещениях.

Из вышесказанного явствует, что само правление признавало положение жилищного вопроса на приисках ненормальным и принимало меры к постепенному устранению скученности населения. На это также было обращено внимание горным департаментом, от которого получено было отношение от 14 декабря 1911 г. за № 4830 с предложением привести казармы в соответствие с требованиями закона. Получив это отношение, правление снеслось с приисковым управлением для выяснения действительного кубического содержания воздуха в наиболее населенных казармах Феодосиевского и Прокопьевского приисков, и затем, телеграммою от 13 января с. г. предписало исполняющему обязанности главноуправляющего промыслами немедленно, по наступлении весеннего времени, приступить к постройке новых казарм, не стесняясь потребными на это расходами. О таком своем распоряжении правление довело до сведения Горного департамента письмом от того же 13 января.

Переходя затем к остальным заявленным рабочими требованиям, следует отметить, что они постепенно менялись при каждом их предъявлении. Так, согласно телеграмме Теппана от 12 марта, к управляющему II дистанции г. Савинову, в районе которого находится Феодосиевское управление с наибольшим числом рабочих, явились представители рабочих для переговоров, причем, подтверждая вновь требования свои о 8-часовом рабочем дне, требование об увеличении платы изменили следующим образом: при поденной плате в 2 руб.— прибавка должна составить 30%, при поденной плате в 2 р. 50 к.—20%, а для платы выше 2 р. 50 к. эта прибавка должна составить лишь 10%. Затем рабочие настаивали на назначении выборных представителей.

В ответ на эту телеграмму правление вновь подтвердило, что ни на прибавку платы, ни на сокращение рабочего дня оно согласиться не может. Что же касается назначения выборных старост, то разрешение этого вопроса находилось не во власти правления.

Таким образом требования рабочих, на удовлетворение которых правление не нашло возможным согласиться, не рискуя нанести этим громадный ущерб интересам акционеров, были следующие:

1) 8-часовой рабочий день.

2) Увеличение заработной платы по вышеуказанной пропорциональной шкале.

3) Назначение выборных представителей от рабочих, без ведома и согласия которых ни один рабочий не может быть уволен.

4) Увольнение рабочих лишь летом, с предоставлением бесплатного проезда до Жигалова, тогда как, согласно п. 37 правил о найме рабочих на золотые промыслы, промысловое управление обязано доставлять рабочих до г. Киренска.

5) В праздничные дни продолжительность рабочего времени не должна превышать 7 часов при полуторной поденной плате.

6) Та же полуторная плата причитается рабочим, находящимся в командировке.

7) Больные должны получать ту же плату, что и остальные рабочие.

8) Увольнение указанных в требованиях рабочих некоторых служащих промыслового управления в числе 27 человек.

Не имея никакой возможности удовлетворить эти чрезмерно преувеличенные и неосуществимые требования рабочих, которые, как справедливо указал иркутский губернатор в своей телеграмме правлению от 13 марта с. г., носят признаки полнейшего произвола, правление телеграммою от 13 марта поручило промысловому управлению заявить рабочим о невозможности пойти навстречу какому-либо из вышеуказанных их требований. Затем, в виду отказа рабочих от получения расчета, единственным выходом явилось выселение их из занимаемых ими помещений, для чего промысловому управлению поручено было причитавшуюся расчитанным рабочим плату внести в депозит мирового судьи, у которого начать предъявление исков о выселении. В виду вполне законного характера этой меры, мировой судья приступил к разбору внесенных промысловым управлением дел, успев 42 из них решить в пользу товарищества с выдачею исполнительных листов на выселение рабочих. Однако, мера эта, в виду оказанного рабочими противодействия и бессилия местных властей, не могла быть приведена в исполнение.

Вообще, приходится удостоверить, что того содействия местных властей, на которое промысловое управление по закону в праве было расчитывать, не только не было ему оказано в достаточной мере, но напротив того, действия этих властей давали рабочим повод верить в правильность предъявленных ими требований.

С начала забастовочного движения, 29 февраля с. г., рабочие беспрепятственно получали продовольствие из приисковых лавок, на закрытие которых окружной инженер не дал разрешения, мотивируя это недостаточностью воинской охраны. Затем, 21 марта иркутским губернатором сделано было распоряжение о принудительной выдаче бастовавшим рабочим продовольственных припасов из приисковых лавок. Этому распоряжению промысловое управление, конечно, должно было подчиниться. Таким образом на приисках предприниматель, против которого направлена была забастовка, должен был, выдавая рабочим продовольствие по принудительному распоряжению правительствен-

ной власти, сам же поддерживать это движение. С другой стороны, исполняя все предъявленные к нему требования окружного инженера, промысловое управление вынуждено было давать согласие на удовлетворение тех требований рабочих, разрешения которых в сущности не требовалось, так как они вытекали из самого закона и обязательных постановлений, как-то: расчет рабочих согласно закону, предоставление им права жаловаться на неправильные действия служащих и привлекать их за это к суду, и неувольнение рабочих за это. Объявление об этом рабочим сделано было по настоянию окружного инженера, считавшего, что такая формула объявления будет для рабочих наиболее понятною и наиболее способствовать их успокоению. Между тем согласие на исполнение таких требований истолковано было присутствием по горнозаводским делам при иркутском горном управлении, на рассмотрение которого губернатором переданы были все вообще требования рабочих, в том смысле, что раньше они не исполнялись. Из факта согласия управления, в видах успокоения, на некоторые уступки рабочим, подтверждения которых вовсе не требовалось, каковое подтверждение было сделано по настоянию окружного инженера Александрова, горное управление вынесло заключение о нарушении самим промысловым управлением договоров о найме рабочих, последствием чего явилось постановление от 18 марта о нарушении якобы договора со стороны промыслового управления и об обязанности для последнего выдачи расчитанным рабочим платы по срок найма, т. е. по 1-е октября с. г., а равно продовольствия и прогонов до Киренска. Разумеется, на такое постановление горнозаводского присутствия, принявшего на себя в этом случае судебные функции, правление заявило протест. Пользуясь присутствием в Петербурге иркутского генерал-губернатора, правление просило его о дальнейшем содействии к восстановлению порядка на приисках, причем со своей стороны генерал-губернатор заявил, что вмешательство правительственных властей в вопросе об увеличения заработной платы рабочим вообще он считает невозможным.

Выше было упомянуто вскользь о телеграмме иркутского губернатора от 13 марта на имя правления. В ней губернатор настаивал на продолжении выдачи продовольствия забастовавшим рабочим. Телеграммою от 17 марта иркутский губернатор предписал горному начальнику не приводить в исполнение приговоров мирового судьи о выселении рабочих, иначе, как с возложением на промысловое управление непредусмотренной законом обязанности обеспечить доставку рабочих до Киренска за свой счет, независимо от выдачи продовольствия.

Несмотря на то, что такая мера товарищества не являлась обязательною, правление поручило промысловому управлению, для облегчения положения вещей, оказать исправнику полное содействие к скорейшему выезду рабочих, снарядив для этого, если нужно, особый транспорт до Витима, с выдачею рабочим прогонов и продовольствия до Киренска.

Таким образом к концу марта положение на приисках оказалось крайне неопределенным; с одной стороны, правление предприняло ряд мер, рассчитанных на восстановление нормального хода дел, удовлетворив некоторые из требований рабочих; с другой стороны, оно должно было кормить за свой счет бастовавших рабочих.

20 марта от иркутского губернатора получена была телеграмма, в которой он доводил до сведения правления, что он пришел к заключению о необходимости войти в переговоры с рабочими по вопросу об удовлетворении их требований в отношении некоторого повышения заработной платы вообще.

Создавшееся на приисках положение в связи с предъявленным требованием местных властей о желательности удовлетворить требования рабочих в пункте, касающемся увеличения заработной платы, побудило правление обсудить возникший конфликт в заседании с участием ревизионной комиссии и представителей главных акционеров. Ознакомившись из доклада директора-распорядителя с положением дел на приисках и принятыми правлением мерами, совещание пришло к заключению о необходимости командировать кого-либо из членов правления в Иркутск для ознакомления иркутского губернатора со взглядами правления по поводу забастовки и теми уступками требованиям рабочих, на которые оно считало возможным итти. Для этой цели в Иркутск отправился кандидат в члены правления П. М. Саладилов, которого правление снабдило необходимыми указаниями, уполномочив его, в соответствии с этими указаниями, входить в соглашение с иркутскими властями относительно тех уступок, которые могли бы повести к скорейшей ликвидации создавшегося на приисках конфликта.

В то время на прииски прибыл из отпуска окружной инженер Н. К. Тульчинский, возвращения которого с нетерпением ожидали рабочие, надеясь, что при помощи его удастся добиться от Ленского товарищества уступок на все предъявленные ими требования.

Тотчас же по прибытии на прииск, т. е. 23 марта с. г., Тульчинский имел продолжительные переговоры с рабочими Феодосиевского и Александро-Невского приисков, уговаривая их стать на работу и обещая, что все их требования будут исполнены. Однако Тульчинский не добился ничего, и положение дела не изменилось.

От промыслового управления он потребовал выдачи рабочим вознаграждения за 2 месяца, заявляя, что, в противном случае, он выдаст рабочим удостоверение о нарушении договора Ленским товариществом. Однако от выдачи такого удостоверения он вскоре отказался, но уже рабочие, обнадеженные им, требовали исполнения им этого обещания, а не получив его, обратились в консультацию иркутских присяжных поверенных, прося ее защитить интересы рабочих и предъявить иск к товариществу в сумме около 1 000 000 рублей.

Впрочем 29 марта, при личных переговорах с Теппаном, Тульчинский заявил последнему, что о нарушении Ленским товариществом договора о найме не может быть разговора. На рабочих же увещевания Тульчинского не возымели никакого влияния, а обещанная им и неиспользованная выдача удостоверений о каких-то нарушениях договора со стороны промыслового управления внесла лишь раздражение в среду рабочих. При таких условиях более благоразумная часть рабочих, представители которых неоднократно заявляли Теппану о том, что рабочие начинают тяготиться забастовкою и что прекратить забастовку и начавшиеся необходимые верховые работы по проведению весенних канав и т. п. могли производиться лишь под охраною воинской команды. К концу марта начаты были также и плотничные работы на Феодосиевском и Александро-Невском приисках: к тому же времени возобновились работы и в мастерских тех же приисков, а также и Андреевского, причем на работу стали вновь нанятые рабочие. Разногласия между рабочими, по сведениям, полученным от Теппана, увеличивались. В виду заявленного некоторыми рабочими Феодосиевского управления намерения приступить к работам на 3 апреля назначено было возобновление работ в шахтах этого управления. Таким образом явилась некоторая надежда на мирное улажение конфликта, тем более, что все сделанные рабочим уступки решено было включить в новый договор, по которому обратный прием должен производиться. Уступки эти расширены были в некоторой степени при-

бывшим в Иркутск П. М. Саладиловым, принявшим участие в совещаниях высших представителей правительственной власти. Решено было, что П. М. Саладилов пошлет 2 апреля с. г. Теппану телеграмму следующего содержания:

«По уполномочию правления и по докладу положения дел губернатору предлагаю вам нанять рабочих по новым договорам причем правление согласно на следующее: 1) заработная плата в поисковых партиях, при разведках до отводов площадей и при отводе таковых, также и в зимние праздники за полный день работы полуторная; 2) бесплатный проезд до Усть-Кута с содержанием рабочих, прослуживших не менее 3 лет; 3) выдача платы ежемесячно, но при условии лишь заключения контракта на 1 месяц; 4) бесплатное освещение казарм в помещениях общего пользования; 5) сменная работа в шахтах; 6) сверхурочные работы по добровольному соглашению; 7) отмена талонов; 8) оплата времени хождения на отдаленные работы, как за работы; 9) выдача расчетных книжек; 10) размещение женатых отдельно от холостых; 11) непринуждение женщин работать, если есть желающие; 12) назначение на работы по специальностям; 13) вывешивание табелей в шахтах; 14) выдача квитанций в выработке; 15) присутствие депутата при выдаче припасов. Также правление согласно на предъявление исков к нему и привлечение к ответственности администрации за оскорбление.

Отвергается требование об общем увеличении заработной платы, 8-часовом дне, уплате за забастовку, увольнение рабочих лишь летом и с ведома рабочей комиссии, заработная плата больным, кроме увечных, и увольнение служащих по первому требованию рабочих. Медицинская помощь, заработная плата за увечье и 8-часовой день в мокрых забоях производились и будут производиться согласно закону. На изложенных условиях предложите наем всем старым рабочим, кроме привлеченных к суду. Не изъявивших в течение 3 дней желания работать более не принимать, заменить новыми иначе подождите до навигации. Всем не изъявившим желания работать произведите расчет немедленно, вычтя причитающуюся сумму за продовольствие, остаток внесите депозит мирового судьи; вместе с тем велите прекратить им отпуск припасов и примите меры к выселению».

Копии этой телеграммы, по желанию губернатора, отправлены были всем представителям местных властей, находившимся в то время на приисках. К сожалению, агитация успела пустить настолько глубокие корни среди рабочих, что на них ни эта телеграмма, содержавшая ряд довольно существенных уступок, ни увещания окружного инженера Тульчинского успеха не имели, а положение с каждым днем приобретало все более и более угрожающий характер в виду предпринятых местною полициею мер, направленных к удалению из среды рабочих главных агитаторов и зачинщиков забастовки.

Таково было положение на приисках накануне кровавого события 4 апреля.

Характеризуя в общих чертах первый период забастовочного движения, приходится отметить, что, начавшись на одном прииске, под предлогом выдачи в одном случае конины вместо воловьего мяса, оно, благодаря агитации, постепенно распространилось на все промыслы. Требования рабочих не сразу были предъявлены, а, расширяясь, менялись и разрастались. В начале движения власти не считали возможным вмешиваться в создавшийся конфликт и держали себя пассивно, но затем, видя, что движение стало принимать угрожающие размеры, решили вмешаться, стараясь воздействовать на товарищество в смысле некоторого увеличения заработной платы. На это правление

не нашло возможным согласиться, так как оно было убеждено, что, даже принимая во внимание особенные условия жизни в тайге, заработная плата была достаточна, и материальное положение ленских рабочих было значительно лучше, чем где-либо в империи.

Второй период забастовочного движения— с 4 апреля по 7 июня сего года

Непосредственною причиною кровавого события 4 апреля явился арест главных руководителей стачечного комитета. Согласно объяснениям, данным министром внутренних дел в Государственной думе 11 апреля с. г. события, предшествовавшие расстрелу, представляются в следующем виде.

«Когда прокурор Иркутского окружного суда получил донесение горного исправника о том, что им обнаружено руководительство забастовкой стачечным комитетом, было предложено местному мировому судье приступить к предварительному следствию..., но возбуждение преследования не повлекло за собою никаких практических последствий, потому что на месте не имелось полицейской силы для приведения в исполнение требования мирового судьи об аресте членов стачечного комитета... благодаря чему положение на Ленских приисках становилось все более и более угрожающим, причем возникло предположение о возможности порчи и истребления приискового имущества. Вследствие этого было сделано распоряжение о командировании из Киренска, за 300 верст, находившейся там воинской команды, об отправлении находившегося в это время в Иркутске в отпуску горного инженера Тульчинского в Бодайбо, а также о командировании туда ротмистра Трещенкова для того, чтобы на месте была власть, которая объединяла бы все полицейские учреждения. Таким образом начальником полиции и был сделан 22 марта ротмистр Трещенков.

В это время результаты праздного шатания по приискам многочисленной толпы, среди которой агитировали подстрекатели, как и следовало ожидать, проявились во всей силе. Толпа проникала в полицейские дома, производила там обыски, останавливала пассажирские поезда, оказывала сопротивление при попытках к выселению рабочих по исполнительным листам судебных мест, не допускала вновь нанятых рабочих стать на работу и т. п. По телеграмме Тульчинского от 31 марта... он прилагал все усилия примирить стороны, но тем не менее рабочие стояли на своем и даже, когда он вывесил объявление, которое предупреждало, что в случае невыхода рабочих на работы, промысловое управление начнет срочные, нетерпящие никакого отлагательства работы по исправлению заплотов и приведению в должный порядок водяных канав новыми рабочими, под охраной вооруженной воинской силы, такого рода объявление никакого значения не имело равно как и объявление, выставленное в то же время ротмистром Трещенковым о том, что он будет охранять этих, вновь нанятых рабочих, воинской силой. К этому времени положение на приисках стало совершенно невозможным, и иркутский губернатор, относившийся с самого начала и до конца чрезвычайно благожелательно к рабочим, оказался вынужденным послать 2 апреля телеграмму ротмистру Трещенкову о необходимости, наконец, исполнить требование судебной власти и арестовать лиц, привлеченных мировым судьею к ответственности за участие в стачечном комитете. Это предложение губернатора было исполнено в ночь на 4 апреля».

Иным рисуется положение на приисках в конце марта, по опубли-

кованным в № 210 от 3 августа с. г. газеты «Речь» выводам ревизии сенатора Манухина, касающимся событий 4 апреля с. г.

Не отрицая единичных случаев беспорядков, не сопровождавшихся угрожающими общественной безопасности проявлениями, ревизия утверждает, что «по единогласному отзыву всех допрошенных при расследовании чинов горного надзора и полиции, а также большинства представителей приисковой администрации, забастовка протекала вполне мирно. Волнение вызвано было произведенными в ночь на 4 апреля с. г. арестами руководителей забастовочного движения, а равно и нескольких выборных от рабочих, через которых эти последние вели переговоры как с приисковым управлением, так и с чинами горного надзора и полиции. Утром 4 апреля в шахте № 46 Феодосиевского прииска были возобновлены при помощи вновь нанятых рабочих работы по добыванию песков. Нужно сказать, что в этой шахте рабочие больше всего находили так называемое подъемное золото. Узнав о возобновлении подземных работ, толпа рабочих этого прииска и мастерских Надеждинского прииска, численностью до 2 000, собралась перед конторою управления, требуя освобождения выборных, выдачи расчета, а также прекращения работ в шахте № 46».

Прибывшего на место начальника полиции в сопровождении воинской команды рабочие встретили ругательствами и криками: «Вот кому идут самородки, которые от нас отбирают и за которые мы сидим в тюрьме!»

Мы не будем вдаваться в подробности дальнейших волнений среди рабочих и их массового шествия на Надеждинский прииск, так фатально остановленного выстрелами воинской команды. Все подробности этого кровавого события, стоившего жизни 170 рабочим, не считая раненых, число которых превысило число убитых, всем вам, господа, хорошо известны.

Не дело настоящего доклада касаться разногласий, существующих между сообщениями министра внутренних дел в Государственной думе и изложением событий в газетной версии на основании произведенного на месте расследования сенаторской ревизией. Одно только несомненно с полной очевидностью явствует из обоих изложений: это полнейшая непричастность правления Ленского товарищества и местной приисковой администрации к этим печальным событиям.

Разделяя со всем русским обществом скорбь по поводу кровавых событий 4 апреля, правление вполне понимало, что они не могли не взволновать общественное мнение. События на Лене явились злободневною темою для русской печати, причем последняя, возмущенная происшедшею катастрофою и взволнованная давно уже небывалым массовым расстрелом, потеряла самообладание и перестала относиться к событиям с той трезвостью, которая одна только гарантирует беспристрастность оценки, и той объективностью, которая в моменты общественного потрясения, больше, чем когда-либо, является необходимой. В своем огульном осуждении всех так или иначе причастных к ленским событиям в своем сведении всех их в одну категорию, она не различала Ленского товарищества от администрации, одинаково осуждала и обвиняла в убийстве рабочих как тех, которые, по ее мнению, вызвали забастовку, так и тех, которые дали приказ стрелять в рабочих. В этом ее крупная ошибка, так как никакая трагичность события не может служить оправданием односторонней его оценки и освещения. Желая во что бы то ни стало обвинить во всем происшедшем правление Ленского товарищества, часть газет причину возникновения забастовки видела в беспощадной эксплоатации товариществом своих рабочих, попавших в кабалу к местной приисковой администра-

ции и доведенных действиями ее до полного отчаяния. Главнейшими из обвинений, приведенных в некоторых органах печати, были: систематическое понижение заработной платы, повышение таксы на предметы продовольствия, выдача недоброкачественной и гнилой провизии, невозможные гигиенические условия, полнейшая неудовлетворительность медицинской помощи и т. д.

Исчерпывающий ответ на большинство этих обвинений дает изданный по поручению правления горным инженером Г. И. Кваша труд под заглавием «Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках Ленского золотопромышленного товарищества». Труд этот составлен на основании цифровых данных, заключавшихся в официальных отчетах товарищества за время с 1894/1895 по 1910/1911 отчетный период.

Правление решается заявить, что в речи, произнесенной в Государственной думе 11 апреля с. г., г. министр торговли и промышленности, уступая, повидимому, напору общественного негодования по поводу расстрела 4 апреля, пришел к несколько поспешным выводам относительно нарушения Ленским товариществом закона, обязательных постановлений и договоров с рабочими. В начале речи министр торговли и промышленности указывает на обнаруженные якобы в течение 1911 г. неудовлетворительность жилищ, недостаточность медицинской помощи и задержку в расчетах и тут же прибавляет, что товариществом приняты были меры к устранению замеченных нарушений. Далее, разделяя требования рабочих на три совершенно определенные группы, министр заявил, что, относясь с чувством глубокого возмущения и с самым решительным осужденным к нарушениям товариществом требований первой категории, касающихся качества пищи, жилищ, назначения рабочих на такие работы, которые по договору не обусловлены, и т. п., он все-таки должен заметить, что товариществом представлены возражения на то, что жалобы рабочих несправедливы. Во вторую категорию требований рабочих министр включает такие требования, которые из договоров не вытекают, являясь к нему дополнительными, как-то: требования об увеличении заработной платы, повышения платы за командировки и т. д. Требования же третьей категории характеризуются уже чрезвычайными и возникающими при каждой забастовке, как-то: требования увольнения рабочих, не иначе, как с согласия комитета рабочих, увольнение неугодных рабочим служащих предпринимателя, 8-часовой рабочий день и плата за дни забастовки.

Насколько само правительство не было убеждено в правильности обвинений, возводимых на товарищество печатью, видно из того, что уже после речи министра в Государственной думе, горный департамент, указывая в своем отношении от 16 апреля с. г., за № 1289, на обнаруженные нарушения Ленским товариществом правил о найме,— нарушения, изложенные им в 17 пунктах,—сам заявляет, что из имеющейся в распоряжении горного департамента переписки по поводу забастовки на приисках Ленского товарищества, как-то: требований рабочих, уступок, объявленных рабочим со стороны Ленского товарищества, пожеланий присутствия по горнозаводским делам, при иркутском горном управлении и пр., усматривается, что на Ленских приисках можно предполагать наличность указанных в 17 пунктах нарушений закона и изданных в развитие его постановлений.

Пункты эти следующие: 1) Недоброкачественность продовольствия, выдаваемого рабочим, худшего качества, чем то, которое выдается служащим по той же цене; 2) неудовлетворительность квартир; 3) принуждение рабочих к таким обязанностям, на которые они не нанимались; 4) чрезмерная продолжительность рабочего времени при работах в мок-

рых забоях; 5) недостаточность праздничного отдыха; 6) уплата заработка талонами; 7) промедление в предоставлении рабочим медицинской помощи; 8) принуждение к труду тех женщин, которые не заключали договора о найме; 9) грубое обращение с рабочими; 10) неправильный расчет; 11) непредоставление всем рабочим возможности мыться в банях один раз в неделю; 12) увольнение рабочих за привлечение ими служащих к судебной ответственности; 13) размещение в общих казармах семейных рабочих с бессемейными; 14) невыдача рабочим, получившим окончательный расчет, на руки расчетных книжек; 15) неисправность к выдаче пособий увечным рабочим за дни болезни; 16) помещение рабочих в казармах, значительно отдаленных от места работ, без зачета времени ходьбы в рабочее время и 17) отсутствие на некоторых приисках особых сушилен для платья и обуви.

На все эти пункты правление представило горному департаменту исчерпывающие объяснения, изложенные в ответном письме от 26 апреля. В нем на каждый пункт дается подробное, основанное на фактах возражение, и правление полагает, что акционерам небезынтересно будет с этим документом ознакомиться, почему он и приложен к концу настоящего доклада.

Напрашивается мысль: если бы в действительности правонарушения существовали, то почему горный надзор, в лице окружных инженеров, до последнего времени не обращал на них никакого внимания, не составляя обязательных по закону протоколов; лишь после катастрофы 4 апреля, когда общей тенденцией было во что бы то ни стало, обвинить Ленское товарищество, окружный инженер Тульчинский начал составлять протоколы о некоторых будто бы нарушениях приисковой администрацией правил о найме, вызывая для этого в свою канцелярию по 10 человек от каждого прииска.

Правление считает долгом заявить, что существованию нарушений на приисках не могло быть места: с одной стороны, тому препятствовал бы горный надзор, — с другой стороны — эти нарушения не в интересах дела. Правление не отрицает возможности отдельных правонарушений со стороны его служащих, но категорически протестует против того, что нарушения были по требованию и инициативе правления товарищества и его исполнительного органа — главноуправляющего.

Таких правонарушений не мог не заметить горный надзор, а заметив, — не мог бы закрывать на это глаза, вследствие самого требовательного отношения именно к Ленскому товариществу. Принимая во внимание эти требования по отношению к товариществу, нельзя действительно поверить, чтобы нарушения закона, обязательных постановлений или условий договоров, были обычным явлением, на приисках Ленского товарищества. Но события 4 апреля так взволновали общественное мнение, которому нужно было для его успокоения показать виновника, что для всех заинтересованных слишком велик был соблазн во всем обвинять Ленское товарищество, и, хотя последнее совершенно неповинно в катастрофе 4 апреля, но общество везде и всюду искало доказательства, что расстрел вызван Ленским товариществом и только им. Насколько предубежденно было здесь отношение к товариществу, видно из следующего: после событий 4 апреля в печати стали появляться сообщения, что на приисках оказались в недостаточном количестве перевязочные материалы. Сообщая это, с негодованием добавляли, что это свидетельствует о полном отсутствии организации медицинского дела у Ленского товарищества. Оказалось однако, что перевязочных средств на приисках было более, чем достаточно и что, как о том свидетельствует телеграмма приисковых врачей, помещенная в конце доклада, перевязки раненых совершались беспрепятственно, и им ока-

зан был заботливый уход со стороны всего медицинского персонала. Когда в некоторых газетах помещено было заявление о том правления, то тогда известная часть печати опять подняла вопль, доказывая, ссылкою на недостаточность средств, что товарищество готовилось к избиению рабочих и что оно провоцировало его. При таком отношении печати к ленским событиям обществу трудно было составить себе правильное представление о действительной в них роли Ленского товарищества.

Получив первую телеграмму о расстреле, правление в ту же минуту телеграфировало на прииски следующее: «Немедленно придите на помощь семействам пострадавших, выдайте пособия, сколько потребуется. Если есть сироты, надо их обеспечить, поместив в приюте за счет дела».

В другой телеграмме, посланной 5 апреля, правление, предлагая Теппану погребение жертв принять за счет товарищества, подтвердило ему, что помощь пострадавшим надо оказать щедрою рукою. Конечно, никакой заслуги в этом правление для себя не видит, оно действовало так из чувства человеколюбия и сострадания несчастным жертвам.

По позднейшим сведениям, полученным от промыслового управления в телеграмме от 15 апреля, оказалось вдов 64, из них бездетных 13. От предложения поместить в приют оставшихся сирот вдовы пока отказывались. До открытия навигации назначены были им пособия в следующих размерах: бездетным вдовам 15 руб., а прочим 24 руб., а всего 2 064 руб. в месяц. Находя такой размер пособий недостаточным, правление того же 15 апреля предложило Теппану выдавать пособия вместо 15 руб.—20 руб. в месяц, с тем, чтобы вдовам, у которых остались на руках дети, делать соответственные прибавки. Такой размер пособий установлен был пока до открытия навигации. О дальнейшей помощи вдовам и раненым будет сказано впоследствии.

Дальнейшее течение приисковой жизни в период времени с 4 апреля до временного восстановления работ рисуется в следующем виде:

На другой день после катастрофы все производившиеся до 4 апреля работы были прекращены, за исключением лишь одного Андреевского прииска. Затем около 8 апреля приступлено было к работам в мастерских же Андреевского прииска, а также к верховым работам 1 дистанции. Объявление рабочим телеграммы П. М. Саладилова от 2 апреля и предложение желающим стать на работу, получить расчет — действия не возымело; рабочие за расчетом шли неохотно, и до 6 апреля рассчитано было всего 69 человек. Наем новых рабочих также шел весьма медленно. За 10 апреля число рассчитанных составляло 106 человек, а заключивших новые условия — 128. На Андреевском приступлено к добыче песков, а на Утесистом стал работать бур Кийстона. 11 апреля было приступлено к добыче песков на Прокопьевском, где работало 120 человек, и здесь с каждым днем увеличивалось число рабочих, но затем, после посещения этого прииска окружным инженером Тульчинским, дальнейшее увеличение числа рабочих сразу прекратилось. Кроме того, работы продолжались на Ивановском приске и начаты были на Нижнем, Феодосиевском, Утесистом, Васильевском и Иннокентьевском. Тем не менее подземных работ на Феодосиевском еще не было. Общее число рабочих постепенно однако возрастало и на 12 апреля составляло уже 1 604 человека.

Промысловое управление принимало меры к возобновлению работ для того, чтобы промывку можно было начать уже в начале мая. К этому времени работало уже около 2 000 человек. Несмотря на предъявление расчета всем бастующим рабочим, управление не прекращало все-таки с ними правоотношений. Рабочим, как получившим расчет, так и не взявшим его, а равно и тем, которые были должниками, продовольствие

выдавалось на тех же основаниях, что и раньше. Обязательная выдача продовольствия расчитанным рабочим, производившаяся по распоряжению иркутского губернатора, подтверждена была также правлению горным департаментом, по приказанию г. министра торговли и промышленности 16 апреля с. г., почему правление вновь подтвердило это промысловому управлению, поручив ему лишь оговорить право Ленского товарищества впоследствии долг этот взыскивать с казны.

Выселение расчитанных рабочих из казарм также не приводилось в в действие, в виду полной невозможности выезда из тайги во время весенней распутицы; по окончании же ее, выезд рабочих, даже тех, которые сами добровольно желали оставить промыслы, был приостановлен по распоряжению иркутского губернатора, в виду ожидавшегося прибытия на прииски иркутского генерал-губернатора и горного инженера Митинского, которым предполагалось поручить расследование событий, предшествовавших расстрелу 4 апреля, а также причин, вызвавших забастовку.

Иркутский генерал-губернатор 2 мая с. г. обратился к правлению со следующей телеграммой: «Признавая необходимость в насущных экономических интересах Ленского края неотложное прекращение забастовки и возобновление работ на приисках, прошу правление телеграфировать предел всех полномочий, данных Ленским товариществом главноуправляющему Белозерову, а в особенности касающихся непосредственного установления им на месте окончательных предложений товарищества бастующим рабочим».

В ответ на это правлением была послана иркутскому генерал-губернатору следующая телеграмма: «Выехавшему на прииски Белозерову даны все полномочия. В отношении забастовки предложения правления объявлены рабочим через исправляющего должность главноуправляющего телеграммою от 2 апреля, копия которой сообщена иркутскому губернатору. Что касается заработной платы, таковая превышает не только плату во всех аналогичных предприятиях Сибири, но, насколько известно правлению, во всех отраслях промышленности империи, принимая во внимание при этом местные цены, тем не менее Белозерову поручено еще раз тщательно проверить расценки работ, и, если бы оказалось, что в отдельных случаях или в отношении какой-либо категории работ плата недостаточна, то таковую повысить и вообще озаботиться дальнейшим улучшением внутреннего распорядка».

Со своей стороны, хотя правление давно уже пришло к заключению, что никакие дальнейшие переговоры с забастовщиками, после целого ряда данных им сроков и отсрочек и сделанных уступок, не приведут ни к чему, и отношения с ними следует считать бесповоротно покончеными,—тем не менее, уступая настоянию то тех, то других правительственных властей, последовательно бравших на себя роль посредников, правление сочло себя вынужденным итти на новые уступки и потому решило повысить таксы на некоторые категории работ, почему и дало соответствующие в этом смысле указания выехавшему на прииски главноуправляющему Белозерову.

Уступая давлению общественного мнения, правительство решило расширить рамки назначенного расследования Ленских событий, и 9 мая с. г. Манухину поручено было производство всего расследования с предоставлением для этого ему самых обширных полномочий.

Окружной инженер в неоднократных разговорах с рабочими сообщал им о назначении сенаторской ревизии, и рабочие решили не возобновлять работ, а подождать приезда сенатора Манухина. Таким образом нормальная жизнь на приисках все-таки не могла быть восстановлена. Тогда горный департамент поручил окружному инженеру убедить ра-

бочих, для облегчения производства расследования, стать на работу, чтобы на время сенаторской ревизии возобновить нормальный ход жизни. В ответ на это рабочими предъявлен был ряд требований, изложенных в 12 пунктах, при исполнении которых они дали обещание возобновить работы. Телеграмма Тульчинского от 12 мая с. г., содержащая изложение требований рабочих, препровождена была правлению при письме горного департамента от 15 мая с. г. В этом письме горный департамент просит правление сообщить, в какой мере приемлемы такие условия рабочих, исполнение которых зависит от правления.

Телеграмма Тульчинского была следующего содержания:

«Во исполнение предложения вашего превосходительства телеграммой 5 мая разъяснял, начиная с утра седьмого до вечера 11 сначала 300 выборным от всех рабочих, затем самим рабочим Иннокентьевского, Феодосиевского, Нижнего приисковых управлений — Лензото значение подробного расследования сенатора Манухина, убеждал рабочих для облегчения производства означенного расследования, стать на работу, возобновить нормальную жизнь. 150 Иннокентьевских решили стать на работу, если станут Феодосиевские, 1 000 рабочих Нижнего управления в большинстве, полагаю, станут на работу примеру Феодосиевских. Вечером 11 объезжал вновь казармы Феодосиевских, которых общее число около 2 000, но бастующих в настоящее время всего 1 300. Феодосиевские дали мне окончательный за себя ответ и заверение, что и остальные рабочие последуют их примеру. Феодосиевские, идя навстречу желанию высшей правительственной власти, заявили мне вечером 11 согласие приступить к работам на следующих условиях: 1) прием всех рабочих и неувольнение без законных оснований до конца ревизии сенатора Манухина; 2) запрещение приисковой администрации Лензото угроз, насмешек и других притеснений ставшим на работу; 3) производство перед приступом работам расследования относительно состояния шахтовых работ, путем осмотра особой комиссией из окружного инженера в присутствии чиновника особых поручений при губернаторе Майше и свидетелей рабочих; 4) проведение в жизнь всех уступок, сделанных Лензото (объявления окружных инженеров 7 марта, 29 марта и промыслового управления 11 апреля); 5) составление протоколов по просьбе рабочих о всяких незаконных поступках лиц приисковой администрации; 6) запрещение продажи крепких напитков до окончания сенаторской ревизии; 7) невычет стоимости продовольствия за время забастовки впредь до выяснения ответственной стороны; 8) неперевод рабочих одного прииска на другой до окончания срока найма; 9) срок найма — первое сентября 1912, вывоз по окончании срока найма до Жигалова, с продовольствием, по установленным нормам на счет Лензото; 10) предоставление выборным от рабочих права совещаться и собирать по приискам материалы, необходимые для предстоящей сенаторской ревизии; 11) прекращение арестов по делу забастовки до ревизии сенатора Манухина и 12) увеличение заработной платы. По пункту 12 мною разъяснено рабочим, что Лензото не пойдет на увеличение, на что рабочие заявили, что если они идут навстречу желаниям высшей правительственной власти облегчить расследование, готовы стать на работу, то, может быть, также и Лензото сделает в этом остром с самого начала забастовки вопросе какую-либо уступку. Полагаю, что решение этого пункта Лензото в отрицательном смысле не послужит препятствием к приступу к работам, если остальные 11 пунктов признаны будут приемлемыми. Кроме указанных 12 пунктов условий приступа к работам, рабочие просят: во-первых, ходатайствовать перед сенатором Манухиным об освобождении арестованных их выборных, которых многих они выбрали даже против их

желания и обещались оказать поддержку; во-вторых, просят возбудить ходатайство об издании специального закона для витимско-олекминского района об уменьшении в виду местных суровых климатических условий числа рабочих часов в сутки, предусмотренных существующими узаконениями. Тульчинский. 671».

Обсудив требования рабочих, изложенные в этой телеграмме, правление ответило горному департаменту 17 мая, что 11 первых пунктов оно нашло приемлемыми и заявило о своем согласии удовлетворить их, поскольку такое удовлетворение лежало в сфере компетенции правления. Что же касается пункта 8 — неперевод рабочих с одного прииска на другой до окончания срока найма, — то правление согласно было на него до окончания ревизии, а после ревизии постольку, поскольку такая мера могла быть приемлема в интересах рабочих не только Феодосиевского, но и всех других приисков. Относительно пункта 12 — увеличение заработной платы, правление сообщило горному департаменту, что независимо от инструкций, данных главноуправляющему в смысле пересмотра расценок, оно постановило предложить ближайшему общему собранию акционеров, из суммы прибыли, с которой за всеми уставными списаниями отчисляется 1% в пользу фонда для служащих, отчислять 10% в особый фонд для рабочих с тем, чтобы ближайший порядок пользования рабочими этим фондом был установлен на месте по приезде на прииски директора-распорядителя, по соглашению с рабочими и горными властями. Продолжая стоять на своей точке зрения, что заработная плата рабочих на Ленских приисках достаточно высока и возможность для них сделать некоторые сбережения больше, чем в какой-либо другой отрасли промышленности России, правление считало однако полезною мерою привлечение рабочих к участию в прибылях, потому что при этом всякая забастовка, имея своим следствием потери товарищества, тем самым была бы невыгодна и для рабочих. Когда об этом правление довело официально до сведения министерства, то от горного департамента 18 мая с. г. получился ответ в том смысле, что, по мнению министра торговли и промышленности, предложение правления не разрешало вопроса, и осуществление его на практике могло быть сопряжено с большими затруднениями, почему оно правительством не могло быть одобрено. Вновь обсудив этот вопрос, и в виду настойчивых указаний министерства торговли и промышленности на необходимость увеличения в известной степени заработной платы на приисках, правление пришло к заключению, что у него нет иного выхода.

К этому времени положение на приисках оставалось таким же неопределенным, как и раньше. Переговоры, как уже было замечено выше, не привели ни к каким результатам. Рабочие были твердо убеждены в нарушении контракта со стороны Ленского товарищества, почему вполне надеялись, что иски их о вознаграждении за время до срока истечения контракта будут удовлетворены и что им будет выдано продовольствие бесплатно за время забастовки. В этом еще более убедили их распоряжения и действия приехавшего на прииски чиновника особых поручений при иркутском губернаторе, г. Майша. Совместно с Н. К. Тульчинским и врачем Линдиком, имеющим тяжбу с Ленским товариществом и крайне враждебно к нему настроенным (впрочем вскоре устраненным по распоряжению губернатора), чиновник особых поручений при губернаторе объезжал все прииски, составляя протоколы по поводу, например, того, что по тракту на мосту только-что заменена доска, которая была сломана, или что около посетительской на Надеждинском прииске, в местности, где совсем нет рабочих, недавно прочищена малая водосточная канава и поправлен мостик; в больничной

кухне Феодосиевского прииска им обнаружены были 2 нелуженые будто бы кастрюли, в которых варили суп, но при ближайшем исследовании оказалось, что во время кипения на края посуды осела пена, что им было принято за отсутствие полуды. Мелочи эти лучше всего характеризуют отношение местных властей к Ленскому товариществу, виновность которого они всеми силами старались доказать еще до прибытия на место чинов сенаторской ревизии. Между прочим губернатором по телеграфу сделано было распоряжение о прекращении на приисках вывоза нечистот, опять-таки с той целью, чтобы чины ревизии могли воочию убедиться в неприглядной картине приискового быта. Разумеется, что в виду явной опасности оставлять на летнее время нечистоты, на очистку которых затрачивается около 11 000 поденщиц в год, приисковая администрация заявила об этом протест, но отменить это распоряжение удалось лишь главноуправляющему по прибытии на прииски генерал-губернатора.

Нечего удивляться, что при таком отношении представителей власти, рабочие считали себя хозяевами положения и не выказывали ни малейшего желания возобновить работы. Воспрещение выезда, даже желающим, с наступлением навигации, сильно тормозило наем новых рабочих, так как для них не было помещения в казармах, а построенные по распоряжению главноуправляющего бараки также не могли вместить всех нанятых рабочих. Первая промывка началась на Андреевском 4 мая, на Феодосиевском — 7 мая с. г., затем промывку начали на Прокопьевском и на остальных приисках.

Уверенность рабочих в наличии нарушения договора о найме со стороны Ленского товарищества окрепла со дня приезда Тульчинского, обещавшего, как уже это было указано выше, рабочим выдавать удостоверения в нарушении товариществом контракта. Предложенными им новыми условиями рабочие очень мало интересовались, заявляя, что как только приедет генерал-губернатор, то товарищество уплатит им по 10 сентября. Несколько исков рабочих в то время было уже предъявлено, и по сообщению промыслового управления ожидалось предъявление еще других исков на значительную сумму.

Вследствие этого, для защиты интересов товарищества, на прииски командирован был юрисконсульт товарищества, проживающий в Иркутске присяжный поверенный Переломов.

В виду того, что распоряжение губернатора о запрещении выезда рассчитанных рабочих сильно тормозило наем новых, правление обратилось к генерал-губернатору с просьбою об отмене этого распоряжения, на что 8 мая получен был ответ, что выезд из тайги рассчитанных рабочих разрешается в случае действительного их желания, но под контролем администрации.

По распоряжению губернатора, приисковой администрации разрешено было рассчитывать лишь тех рабочих, которые действительно того желали; таким образом приисковое управление лишено было принадлежащего ему по ст. 42 правил о найме права рассчитывать рабочих, не желающих стать на работу.

К началу навигации на прииски прибыли также поверенные, вызвавшиеся поддерживать иски рабочих.

Можно ли удивляться, что при таких условиях уступки, которые правление делало под сильнейшим давлением правительственных властей, принимались как односторонние его обязательства и нисколько не подвигали разрешения бесконечно затянувшегося конфликта.

Престиж лиц промысловой администрации низведен был до нуля. Все переговоры с рабочими взял в свои руки Тульчинский и чиновник губернатора г. Майша. Лица промысловой администрации совсем устра-

нены были от каких-либо переговоров с рабочими. Прибывший на прииски 18 мая Белозеров, несмотря на данные ему правлением полномочия, не мог добиться никаких результатов.

О переданном ему по телеграфу согласии правления на увеличение заработной платы на 300 тысяч рублей, одновременно сообщено было горным департаментом Тульчинскому, который, не снесясь с Белозеровым, сам объявил об этом рабочим, вывесив по всем приискам объявление о том, что директор горного департамента телеграммою от 19 мая уведомил его, что условия, предъявленные рабочими Ленскому товариществу, считаются приемлемыми только в части, зависящей от правления (см. выше телеграмму Тульчинского, содержащую требования рабочих), которое на главноуправляющего И. Н. Белозерова возложило вырешение вопроса о добавочной плате. Объявление о добавочной плате к таксе было вывешено Белозеровым 21 мая.

Переговоры с рабочими генерал-губернатора, приехавшего на прииски 22 мая, окончились тем, что в таксу плат рабочим, видоизмененную, согласно данным Белозерову указаниям, пришлось добавить еще некоторые незначительные разъяснения. Первоначально предполагалось назначить крайним сроком для выхода на работы 25 мая; по требованию генерал-губернатора, срок этот был отложен до 28.

При осмотре казарм генерал-губернатором никто из представителей промыслового управления не был, а окружной инженер Тульчинский показал ему более старые, которые притом в данное время заполнены были рабочими, пришедшими к найму и поместившимися у своих знакомых и товарищей без ведома приискового управления. Это было доложено генерал-губернатору Белозеровым, указавшим, кроме того, на то, что генерал-губернатору не были показаны новые казармы.

Несмотря на все сделанные рабочим уступки, они 28 мая на работы не вышли. По желанию генерал-губернатора по приискам разосланы были экземпляры договора с рабочими, вновь переделанного на основании последних уступок правления; при личной беседе генерал-губернатора с Белозеровым генерал-губернатор заявил, что если рабочие не согласятся на новые условия, то, убедившись, что рабочие продолжают упорствовать, не имея никакого основания, он сделает распоряжение о выселении всех не желающих стать на работу.

26 мая, с разрешения генерал-губернатора, рабочие устроили сходку; то же самое произошло и в следующие дни, а 29 на Феодосиевском состоялась громадная сходка, на которой, сверх всех бастующих на этом прииске, были также и рабочие с Александровского прииска. На этой сходке вынесено было категорическое решение не выходить на работы, после чего, утром 30 мая, по распоряжению генерал-губернатора, полиция вывесила три объявления, из них первое касалось воспрещения сборищ безработных у железнодорожной станции Бодайбинской ж. д. и мест общественного пользования; второе — порядка получения разрешения на собрания, и третье — рабочие оповещались, что так как они не приняли предложенных Ленским товариществом условий найма по новому контракту и в новой расценке, то они в настоящее время являются лицами, остающимися без определенных занятий вне места приписки, почему они предваряются, что со дня опубликования этого объявления им предлагается получить причитающийся им расчет у окружных инженеров, на что назначается 7 дневный срок, в течение которого им предлагалось добровольно выехать на заявленных Ленскому товариществу условиях на его пароходах с продовольствием за его счет до Усть-Кута. По истечении 7 дневного срока, лица, неполучившие причитающихся им заработанных денег и добровольно

невыехавшие, утрачивали право на занятие помещений в зданиях Ленского товарищества и на продовольствие не за наличные деньги. Наконец, рабочие были предупреждены, что по истечении того же 7-дневного срока, в виду отсутствия законных оснований к оставлению их на приисках, будет приступлено к принудительному их выселению и отправке на места их приписки партиями по утвержденному губернскими властями плану.

Между тем 1 июня приехавшими на прииски поверенными отправлена была сенатору Манухину, проезжавшему в то время Киренск, телеграмма с просьбой отменить распоряжение генерал-губернатора о выдворении бастующих рабочих. Просьба поверенных сенатором Манухиным была удовлетворена, и распоряжение генерал-губернатора было отменено.

5 июня сенатор Манухин с чинами ревизии прибыл в Бодайбо и, вызвав к себе главноуправляющего, выразил надежду, что забастовку мирно удастся ликвидировать при условии приема всех бастующих. В тот же день от имени сенатора Манухина вывешено было везде объявление с приглашением рабочим начать работы.

7 июня на прииски прибыли командированные туда по постановлению правления, директор-распорядитель барон Альфред Норациевич Гинцбург и кандидат в члены правления П. М. Саладилов, присутствие которых на приисках, во время производства чинами сенаторской ревизии расследования, правление находило необходимым для того, чтобы, в случае надобности, на месте от имени правления могли бы быть даваемы все требуемые объяснения и могли быть, без задержки, решаемы вопросы, не терпящие отлагательства.

Этим мы заканчиваем описание событий, развернувшихся на приисках в период времени, следующий непосредственно за печальными событиями 4 апреля, и вплоть до временного возобновления работ бастующими рабочими.

Подводя общий итог, нельзя не отметить, что в этой стадии хода забастовочного движения расстрел 4 апреля заслонил собою все остальные события приисковой жизни и не позволил отнестись ко всему происшедшему с должным беспристрастием. За Ленским товариществом не признано было право на защиту его интересов, как предпринимателя. Все претензии рабочих считались огульно, безусловно, справедливыми и требовавшими немедленного удовлетворения, а нежелание правления подчиниться им вменено было ему чуть ли не в преступление. Ни печать, ни общественное мнение не желали считаться с тем, что, если за рабочими признается право путем стачки добиваться улучшения своего материального положения, то и предпринимателю нельзя отказать в праве защищать свои интересы и не поддаваться тем уступкам и требованиям, которые он признает чрезмерными, преувеличенными или могущими нанести ущерб делу.

С другой стороны, представители правительственных властей, имевшие отношение к ленским событиям, вынуждены были постепенно, под напором печати и общественного мнения, активно вмешаться в распрю между товариществом и его рабочими, устранив от непосредственных переговоров с последними приисковую администрацию. Недовольство рабочих, вполне понятное после катастрофы 4 апреля, не улеглось, и у рабочих создалась уверенность в том, что они получат все то, чего они домогаются. И вот, при таком напряженном положении на приисках, когда рабочие несмотря на сделанные им уступки в большинстве их требований, не хотели все-таки возобновить работы, на прииски прибыли чины сенаторской ревизии.

Третий период забастовочного движения с 7 по 28 июня 1912 г.

Возобновление работ на приисках всеми бастовавшими рабочими произошло лишь после обращенного к рабочим объявления сенатора Манухина, распорядившегося вывесить таковое на всех приисках.

На состоявшемся общем собрании бастующих Феодосиевского, Александро-Невского и Андреевского приисков рабочие, обсудив совместно с поверенными положение дела, постановили следующее: «Идя навстречу предложению сенатора, выяснить всю правду, рабочие, в целях ревизии, не отказываясь от своих требований, временно встанут на работы по расценке, предложенной Ленским товариществом, не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов сенатором». Постановление это решено было довести до сведения сенатора и просить его сделать распоряжение об организации комиссии с участием представителей от рабочих для выработки договора и расценки.

Первые работы возобновлены были на Феодосиевском и Александро-Невском приисках 7 июня. 8 июня уже начались работы на Нижнем, Прокопьевском и Андреевском. 10 июня стали на работу I и III дистанции; работающих в это время было около 7 000 человек.

Таким образом, нормальная жизнь, повидимому, восстанавливалась на приисках; можно было надеяться, что после обращения сенатора Манухина, натянутые отношения между рабочими и промысловой администрацией прекратятся, и все вступит в нормальную колею. Действительно, по сообщению директора-распорядителя, согласно телеграммы его от 12 июня, в первые дни по возобновлении работ, рабочие по отношению к приисковому управлению вели себя мирно, хотя в то же время притесняли рабочих, небастовавших и возобновивших работу до приезда сенатора, вследствие чего некоторые из этих последних начали требовать расчет.

С другой стороны создалось такое положение, при котором промысловое управление лишено было возможности самостоятельно улаживать вопросы текущей жизни. Чиновники губернатора разъезжали на приисках для переговоров с выборными от рабочих, игнорируя управляющих приисками и служащих, что, конечно, повышало настроение рабочих.

Положение было таково, что главноуправляющий вынужден был обратиться к ревизующему сенатору с тем, чтобы обратить его внимание на образ действий губернаторских чиновников. Обращение это, повидимому, имело последствием более успокоительную тактику со стороны представителей местных властей. Со своей стороны сенатор, во время посещения им 13 июня Феодосиевского прииска, обратился к рабочим с успокоительной речью...

В то время осмотрены были чинами сенаторской ревизии поверхностные работы на Феодосиевском и Александро-Невском приисках, осмотрены были ледники, амбары, продовольственные припасы и казармы. Почти все приисковые служащие, так или иначе имевшие прикосновение к забастовке, были опрошены чинами сенаторской ревизии, но при осмотре приисков, шахт и казарм ни они, ни представители высшей приисковой администрации не только не присутствовали, но не были даже извещены о предполагавшихся осмотрах.

Одновременно происходила выработка тех изменений, которые сенаторской ревизией признано было необходимым внести в новый договор с рабочими. Дело это происходило следующим образом:

Сенаторской ревизией приняты были пожелания рабочих; эти пожелания чинами ревизии расследовались, включались в договор, который

с рабочими был окончательно выработан, и проект договора в готовом виде был представлен промысловому управлению. Некоторые возражения и поправки промыслового управления были приняты в соображение; другие же были отклонены. Общего обсуждения новых пунктов при совместном участии представителей от рабочих с представителями приискового управления не было, и вопросы обсуждались отдельно либо между чинами ревизии и рабочими, либо же между чинами ревизии и промысловым управлением.

В начале июня рабочими было предъявлено около 40 исков. Иски эти можно разделить на 3 категории.

Первая — иски, предъявленные кочегарами, пульзометрщиками и пр., которые лишились работы вследствие забастовки, хотя, по словам их, сами и не желали бастовать.

Вторая — иски, предъявленные рабочими, которые, не найдя в наших казармах помещения для семей, вынуждены были нанимать квартиры у соседей, и

Третья — иски о вознаграждении по 10 сентября, вследствие нарушения договора Ленским товариществом.

Ни одна категория исков не имела каких-либо серьезных шансов на успех, за исключением некоторых исков первой категории, по которым между рабочими и промысловым управлением состоялось миролюбивое соглашение. Впрочем, порядочное количество исков уже взято было обратно предъявившими их рабочими, а остальные предъявлены были в виде пробных. Из них по искам второй категории состоялись решения в нашу пользу. Интересы Ленского товарищества поддерживал юрисконсульт приискового управления А. Н. Переломов.

По поводу этих исков правление не может не привести одного мелкого факта, характеризующего отношение печати к Ленскому товариществу. Сообщая о предъявленных рабочими исках и о встречных исках, возбужденных промысловым управлением, издающаяся в Иркутске газета «Сибирь» в номере от 20 июня пишет, что «иски рабочих определены в сумме 104,110 и 380 рублей; иски же Ленского товарищества к рабочим, к каждому из бастовавших определены в 310, 438 и 450 рублей». Передавая это сообщение, газета «Вечерние биржевые ведомости» в номере от 26 июня уже утверждает, что «сумма исков рабочих выразилась в 104 111 000 рублей, против которой Ленцы подали иск на 310 500 000 рублей, желая во что бы то ни стало затянуть все дело». Цифры эти, повидимому, газета брала всерьез, так как в той же статье она пишет: «Такая огромная сумма мотивируется Ленцами тем, что товарищество терпит убытки, добывая мало золота». В том же духе появилась статья в «Русском слове» от 20 июня под заглавием «Встречные иски», где приводится та же колоссальная сумма исков в сотнях миллионов рублей и, по мнению газеты, такой громадный размер исков и требований, предъявленных к неимущим рабочим, ясно доказывает, что Ленское товарищество хочет затянуть дело до отъезда из Бодайбо адвокатов рабочих».

В заявлениях своих ревизующему сенатору рабочие, как равно и их адвокаты, постоянно указывали на необходимость смещения всей приисковой администрации, без чего они не ручались за дальнейшее продолжение работ.

Можно ли удивляться, что мирная жизнь на приисках не налаживалась и что, несмотря на громадное число рабочих, доходившее до 7 800 человек, интенсивность и продуктивность работ не только не была выше, по сравнению с соответствующим периодом минувшей кампании, в которой на приисках работало всего лишь около 6 000 человек, но что добыча песков и намывка золота не давали бо́льших результатов,

чем те, которых промысловое управление достигло при работе во второй половине мая, имея в своем распоряжении всего около 3 000 рабочих.

В телеграммах, посылаемых в Петербург и Москву, поверенные рабочих обрисовывали положение дел на приисках в самом безотрадном свете, жалуясь между прочим на то, что разрешенная комиссия с участием рабочих для выработки договора не созывается и указывая на то, что рабочие опасаются, что комиссия не будет созвана, а договор будет выработан без их участия. Далее приисковое управление обвинялось в попытках искусственно вызвать на Феодосиевском прииске забастовку рабочих, вновь принятых за время забастовки.

В середине июня сенатор Манухин признал желательным объявить рабочим о размере окончательного вознаграждения вдовам убитых и раненым во время расстрела 4 апреля. Конечно, здесь речь идет о вспомоществовании со стороны Ленского товарищества, а не о поддержке со стороны правительства.

Столь крупная жертва, принесенная товариществом, не дала однако желаемых результатов. Напротив того, поверенные рабочих считали выдачу пособий как бы подачкою со стороны Ленского товарищества, утверждая, что: 1) размер вознаграждения недостаточен, так как, по их мнению, следовало выдавать не менее 3 000 рублей, и что 2) почин в этом деле должно было взять на себя правительство. Еще 11 июня поверенными рабочих посланы были телеграммы некоторым членам Государственной думы с просьбой внести срочное предложение о назначении правительством пенсий и вознаграждений потерпевшим при расстреле 4 апреля. Однако никаких реальных последствий от этого не последовало.

К концу июня проект нового договора был уже окончательно выработан чинами сенаторской ревизии совместно с рабочими; в общем изменения против условий, предложенных рабочим в телеграмме П. М. Саладилова из Иркутска от 2 апреля с. г., были незначительные, но ими устанавливался новый срок найма — 20 мая, на что ни директор-распорядитель, ни промысловая администрация не соглашались, настаивая на сроке 1 сентября, как это рабочие первоначально требовали. Изменение срока найма имело в виду обеспечение рабочих от произвольного расчета осенью этого года. Стремясь и в этом отношении пойти навстречу пожеланиям сенатора Манухина, директор-распорядитель согласился на заключение нового договора на срок 1 сентября 1913 г., обеспечив таким образом всем рабочим возможность работать в течение всей будущей кампании.

Однако сделанные рабочим уступки их не удовлетворили. При обсуждении ими текста договора, расценки при прибавках, сделанных Ленским товариществом, признаны ими были недостаточными, равным образом и срок 1 сентября также рабочих не удовлетворил. Главное, на чем рабочие настаивали, это — удаление всех высших лиц приискового управления, причем они указывали на то, что ни Белозеров, ни его помощник не привлечены к суду. В общем, корреспондентами с места настроение рабочих характеризовалось следующими словами: «недоверие к власти». Настроение признавалось тревожным и указывалось на возможность вторичной забастовки на всех приисках.

Состоявшееся 27 июня собрание рабочих прошло очень бурно; общий смысл речей был таков: рабочие признают, что новый договор, выработанный сенаторской ревизией, содержит несомненно улучшения по сравнению с прежним договором, но все же он не обеспечивает их от беззаконий Ленского товарищества, так как он не предусматривает всех злоупотреблений, которые уже введены в систему. Рабочие согла-

сились стать на работу исключительно в надежде, что сенаторская ревизия всесторонне осветит условия их обыденного труда. Действительность их разочаровала. Предлагаемый новый договор служит полным свидетельством того, что ревизия оставила без внимания ежедневные условия их жизни. Виновники нарушения договора, ставленники Ленского товарищества, продолжают оставаться на своих местах. Виновники расстрела 4 апреля также на свободе. Ленское товарищество отказало рабочим в вознаграждении за нарушение договора, а потому работать для того, чтобы безуспешно судиться, нет никакого смысла. В результате баллотировкой оба тысячных собрания постановили: нового контракта с Ленским товариществом не подписывать и ходатайствовать о скорейшей отправке на родину. Об этом рабочие довели до сведения сенатора Манухина через своих выборных.

В том же постановлении сами рабочие не отрицали, что выработанные сенаторской ревизией новые условия являются шагом вперед, по сравнению с прежними; между прочим новыми условиями предусмотрено увеличение платы за работы на морозе и в мокрых забоях, увеличение летних праздников до 4-х в месяц, предоставление бесплатного выезда до Жигалова. Проект этот принят был промысловым управлением лишь под условием отказа рабочих от всех исков и претензий за нарушение якобы Ленским товариществом условий найма по старому договору.

28 июня рабочими Феодосиевского прииска подано было сенатору С. С. Манухину следующее заявление: «На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня, по точном обсуждении договора и расценок, рабочие нашли, что новый договор лучше старого, но что не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих: порядки остались прежние, администрация приисковая все та же, крепкий Белозеровский режим, даже не изменился и в присутствии начальства, виновность Ленцев не установлена и на них не наложена обязанность уплатить штраф за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных к ответственности за 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме. Одним словом, правда не выяснена. При всех этих обстоятельствах рабочие считают, что подписать договор невозможно и остаться у Ленцев на работе в тайге тоже невозможно при таких порядках, какие существуют в настоящее время. По окончании прений, при закрытой баллотировке, из голосовавших 2 005 человек 1 998 человек против 7 не приняли новых условий и к работе не приступят, а желают вывоза в другие жилые места, где они могут найти себе новую работу. Председатель собрания Андрей Якубов. Докладчик и разъяснитель договора и расценок Андрей Петухов».

29 июня от промыслового управления получены были две телеграммы: в одной из них сообщалось, что 28 июня после обеда работы остановлены были на Нижнем, Андреевском и Феодосиевском приисках и что 29 июня предполагалась остановка работ на Нижнем. В другой телеграмме правление было извещено о том, что, в виду прекращения работ губернатор настаивает на вознаграждении бастующих за потерянное время и, что как сенатор, так и губернатор, ради успокоения рабочих, желают, чтобы промысловое управление выдало им деньги, удержанные при расчете за время с 21 марта за провизию.

После долгих пререканий промысловому управлению пришлось подчиниться формальному распоряжению губернатора, вернуть рабочим как выезжающим, так и подписывающим новый договор, те деньги, которые были удержаны с них за выданную им провизию с

21 марта по день получения ими окончательного расчета. Это распоряжение губернатора носило принудительный характер. Кроме того, по настоянию губернатора, рабочим было объявлено, что при сдаче ими выданных им промысловым управлением инструментов, инструменты, лично им принадлежащие, будут приниматься обратно с уплатою по таксе, как равно и кожаное их платье. Всего выдано рабочим за инструмент и кожаное платье 13 553 руб. 9 коп.

Кормовые деньги были выданы всем выезжающим, начиная с 28 июня, считая по 57 коп. на холостого и по 1 р. 14 к. на семейного; удовлетворены были кормовыми деньгами и путевым довольствием жены даже таких рабочих, которые нанимались как холостые. Весь этот расход выразился в сумме 74 169 руб. 50 коп.

Так кончился третий период забастовочного движения, в течение которого работы были временно возобновлены ранее бастовавшими рабочими.

Попытки внести успокоение в среду рабочих и воздействовать на них умиротворяюще, чтобы побудить их стать окончательно на работы, потерпели неудачу. Все бастовавшие в числе около 4 800 человек не пожелали оставаться далее на приисках и выразили непреклонное желание выехать. Для выезда пришлось назначить очередь, отправляя рабочих партиями. Таких партий назначено было 5. О мерах, принятых промысловым управлением к постепенной эвакуации рабочих, о предъявленных при этом губернской администрацией требованиях и о вызванных выездом рабочих расходах будет сказано особо. Здесь же правление считает необходимым высказать несколько соображений по поводу неудачи умиротворительных попыток.

Чем объяснить, что, несмотря на все сделанные рабочим уступки, на существенные изменения в пользу рабочих условий договора о найме, на выдачу крупной субсидии всем потерпевшим, рабочие не пожелали оставаться? Для объяснения этого правление находит две причины. Первая из них заключается в том, что отвыкшие от работы в течение более чем трех месяцев рабочие не могли уже правильно продолжать трудиться. Рабочие, не получив всего того, на что они заявляли претензию, разочаровались и потеряли всякую охоту работать. Вторую причину неудачи примирительной тактики правление видит в том, что приисковая администрация была устранена от непосредственных сношений с рабочими. Правление глубоко убеждено, что если бы представителям товарищества на приисках дана была возможность в непосредственном общении с рабочими путем личных переговоров и взаимных уступок добиться окончательного соглашения, то в этом несомненно был бы залог дальнейшей совместной правильной работы, и рабочие навряд ли согласились бы оставить прииск, где они были поставлены в такое положение, с которым положение рабочих в империи не может итти в сравнение.

Донесение прокурора Иркутской судебной палаты в министерство юстиции, 16 апреля 1912 г., № 93.

По делу о беспорядках на Ленских приисках имею честь сообщить первому департаменту нижеследующие сведения.

В виду одновременного получения в г. Бодайбо 3 сего апреля двух руководящих телеграмм, из которых в одной — за подписями губернатора Ф. А. Бантыша и моею на имя ротмистра Трещенкова и товарища прокурора Преображенского — было указано произвести аресты членов стачечного комитета только в том случае, «если по местным условиям это будет содействовать мирному улажению конфликта», т. е.

принятию рабочими тех условий найма, которые были проектированы уполномоченным Ленского золотопромышленного товарищества д. с. с. Солодиловым, а в другой — департаментом полиции предписывалось «немедленно ликвидировать стачечный комитет», прокурор Иркутского окружного суда, по просьбе губернатора поручил шифрованной телеграммой от 9 апреля товарищу прокурора Преображенскому донести, определился ли срок производства арестов с общего согласия, в соответствие местным обстоятельствам, согласно общей телеграммы губернатора и прокурора палаты и считаясь с телеграммой Солодилова о частичных уступках и новом трехдневном сроке для начатия работ или же срок этот был придвинут под воздействием полученной Трещенковым телеграммы департамента полиции.

В своем ответе от 11 сего апреля названный товарищ прокурора удостоверил, что «срок арестов определен был по общему согласию после заявления окружного инженера Тульчинского о прекращении всяких переговоров за неудачею их и заявления его о необходимости арестов руководителей». К сему в том же донесении добавлено, что «телеграмма Солодилова ничего нового, существенного сравнительно с обещаниями Тульчинского не давала и что телеграмма департамента полиции ему, Преображенскому, неизвестна».

14 сего апреля от окружного инженера Тульчинского поступила телеграмма на имя генерал-губернатора, губернатора и мое следующего содержания:

«В интересах правосудия в целях самого полного беспристрастного выяснения условий катастрофы 4 апреля ходатайствую об изъятии следствия от мирового судьи Хитуна, который, совместно с товарищем прокурора Преображенским, присутствовал при войсках во время стрельбы, по толпе рабочих, являясь ближайшим участником тягостного события. Необходимо немедленное командирование для производства означенного следствия другого следователя, в виду распутицы хотя бы из Киренска или Витима, а в крайнем случае поручить таковое бодайбинскому мировому судье Рейну, не участвовавшему в событии 4 апреля».

При совместном обсуждении этой телеграммы с иркутским губернатором (главный начальник края еще не возвратился в Иркутск из С.-Петербурга), мы признали, что удовлетворение ходатайства названного инженера устранило бы неизбежные в будущем нарекания на отсутствие будто бы при производстве следствия должного беспристрастия со стороны самого производящего таковое мирового судьи Хитуна, что последний, как лицо авторитетное и по своему положению независимое, может дать по делу весьма существенное показание, как очевидец происшедшего и что за невозможностью в виду распутицы командировать в настоящее время в Бодайбо судебного следователя по особо важным делам необходимо остановиться, согласно указанию того же Тульчинского, на другом мировом судье на приисках — Рейне (1-го участка Олекминского золотопромышленного района).

Соответственно сему в тот же день мною была послана товарищу прокурора Преображенскому следующая телеграмма:

«На основании статьи 1036 уст. уг. суд. следствие по ст. 123 уг. улож. поручаю передать мировому судье Рейну. Примите меры к безотлагательному, до прекращения распутицы, тщательному выяснению обстоятельств, предшествовавших и сопровождавших залпы. Об исполнении донесите. Представьте соображения, желательна ли передача Рейну также другого следствия о комитете».

Свое ответное шифрованное донесение на имя прокурора Иркутского

окружного суда от 15 с. апреля названный товарищ прокурора редактировал следующим образом:

«Благоволите сообщить мотивы и причины передачи следствия Рейну. Нахожу передачу ущербом для дела в виду малой осведомленности о действительном положении дел и личных его свойств. Оба следствия ведутся при исключительных условиях благодаря тому, что руководимая исправником Галкиным полиция с начала забастовки совершенно отошла в сторону и буквально ничего не знает о внутренней жизни рабочих. Такой порядок сохранился до сего дня, так как теперь усилия полиции направлены исключительно к сохранению порядка. При таких условиях ведение следствия возможно только Хитуном, тщательно, лично, в центре событий собирающим материал. При передаче я буду бессилен. Оба следствия станут мертвым делом».

При обсуждении этого донесения я остановился на том соображении, что возбужденные по признакам статей 125 и 123 уг. улож. предварительные следствия, объединенные между собою последовательным ходом развертывавшихся событий, имеют различные задачи. Первое из них, посвященное раскрытию участников сообщества (забастовочного комитета), поставившего своей целью возбуждение рабочих к устройству или продолжению стачки, ст. 367 предусмотренной, требует особой осведомленности производящего следствия о сложившихся на приисках условиях жизни рабочих и их отношениях с местным правлением золотопромышленного товарищества. Этому требованию по удостоверению товарища прокурора Преображенского вполне удовлетворяет мировой судья Хитун, уже много лет проживающий на приисках и без помощи слабо представленной на месте полиции сосредоточивающий в своих руках необходимый материал. При таких условиях изъятие от него дела могло бы вредно отразиться на интересах последнего тем более, что мировой судья Рейн, недавно прибывший к месту назначения, проживает в самом г. Бодайбо в некоторой отдаленности от приисков, на которых протекала деятельность стачечного комитета. Другое же предварительное следствие о скопище, которое, действуя соединенными силами участников, учинило 4 апреля нападение на войска и тем вызвало употребление ими огнестрельного оружия, имеет своею задачею в сущности не столько обнаружение участников скопища, которых надо искать среди раненых рабочих, а раскрытие во всех подробностях самой картины нападения с тем, чтобы установить косвенным образом правильность и своевременность открытия по толпе рабочих огня. Такое расследование вполне успешно и — главное нелицеприятно — может быть произведено судьей, не принимавшим никакого участия в самых событиях. Указанному условию вполне удовлетворяет мировой судья Рейн, трудолюбивый и опытный судебный деятель, отличающийся сверх того независимым характером.

Вследствие этого сего числа мной была послана товарищу прокурора Преображенскому следующая шифрованная телеграмма:

«Задачей следствия по ст. 123 уг. ул. является установление обстоятельств события 4 апреля. При недостатке незаинтересованных свидетелей необходим допрос мирового судьи Хитуна, как очевидца происшествия; этим обусловлена передача дела мировому судье Рейну. Другое следствие о комитете должно быть оставлено в производстве мирового судьи Хитуна ввиду серьезности ваших соображений».

Прокурор судебной палаты Е. Нимандер.

Сообщение в чрезвычайную следственную комиссию мирового судьи 8 участка Благовещенского окружного суда Рейна, 27 июля 1917 г.

1 марта 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного т-ва (Лензото), в Олекминском золотопромышленном районе, началась экономическая забастовка рабочих, вызвавшая командирование туда в середине марта: 1) из Киренска — помощника начальника иркутского губернского жандармского управления Трещенкова, специализировавшегося в делах усмирения народных волнений (он считал за собой 8 усмирений — бескровавых и кровавых; Ленская забастовка стала его девятым валом), 2) из Иркутска — участкового товарища прокурора Преображенского, специализировавшегося в формальностях выполнения смертных приговоров (он считал за собой присутствие при 12 повешениях, как за себя, так и за товарищей, не выносивших ужаса казни).

4 апреля при свете яркого солнца на открытой местности Надеждинского приска совершено небывалое злодеяние: по команде штабс-капитана Лепина (героя кровавой якутской романовской истории), коему Трещенков передал власть, в присутствии последнего и, на позор судебному ведомству, в присутствии мирового судьи Хитуна и товарища прокурора Преображенского, соединенным отрядом команд бодайбинской и киренской, прибывшей незадолго из г. Киренска, под начальством штабс-капитана Санжеренко, также бывшего участника кровавых расправ,— был открыт боевой огонь по 3-тысячной толпе ленских рабочих, направлявшейся в праздничных нарядах, с семейными во главе, к товарищу прокурора Преображенскому с письменными просьбами об освобождении арестованных в ночь на 3 апреля нескольких рабочих, отмеченных следствием Хитуна по делу о забастовке членами стачечного комитета.

4 же апреля Хитун приступил к производству следствия — о нападении толпы на воинскую часть — по признакам преступления, предусмотренного 123 ст. уг. улож. Большинство свидетелей было поставляемо Трещенковым, по предварительном на них воздействии. В ночь на 5 апреля Трещенковым и Преображенским были посланы, по своим начальствам, согласованные телеграммы; они настояли на том, чтобы, ошеломленный пребыванием под пулями, окружный инженер Тульчинский, на время совершенно обезволенный, послал аналогичную телеграмму иркутскому горному начальству. Так была создана картина вооруженного нападения толпы рабочих на воинскую часть, отраженная товарищем министра внутренних дел Макаровым в докладе Государственной думе, закрепленном дерзким афоризмом: «так было, так и будет».

Уже с первых дней следствия пошли упорные слухи о пристрастном ведении Хитуном следствия, под наблюдением Преображенского, о подложности некоторых следственных актов и вещественных доказательств.

Телеграф работал усиленно, передавая распоряжения и запросы департамента полиции Трещенкову и прокурора палаты Нимандера Преображенскому, и принимая донесения этих героев «расстрела», составленные в унисон с первоначальными.

Тульчинский, оправившись несколько от ужасов расстрела, зорко приєматривавшийся к ходу Хитунско-Преображенско-Трещенковского следствия, не выдержав пытки, телеграфно, отчасти под давлением общественного мнения, просил иркутские высшие власти об устранении Хитуна от ведения следствия. 18 апреля в экстренном поезде Бодайбинской железной дороги прибыли с приска Надеждинского в г. Бодайбо Хитун с Преображенским и привезли слественное производство

по делу о расстреле с краткой на нем надписью, о передаче такового, по распоряжению прокурора палаты, мне, для дальнейшего производства. Словесно Преображенский пояснил мне мотив передачи: необходимость допроса Хитуна, как свидетеля-очевидца события.

В период ведения мною следствия, я был посвящен Трещенковым в содержание некоторых телеграмм департамента полиции, нетерпеливо ожидавшего арестов «бунтовщиков». Многократно Трещенков обращался ко мне с вопросом: «когда же вы будете сажать?» и удивление: «однако вы же и гоните следствие?» Преображенский, ознакомляемый Трещенковым со всеми телеграммами департамента полиции и делившийся с Трещенковым всеми телеграммами своего начальства, показывал мне, следователю, лишь некоторые из них; содержание других я, иногда и совершенно случайно, узнавал от Трещенкова, при неизбежных, вследствие неотвода мне отдельного помещения, частных встречах с ним в «посетительской». По этой же причине, все свидетели, вызывавшиеся мною на допрос, попадали в мой кабинет мимо: в прихожей — жандармского унтер-офицера, а дальше — самого Трещенкова; показания свидетелей, более, конечно, существенные, опасные для «расстрельщиков», были последним известны. Преображенский неоднократно говорил мне: «я ничего не скрываю от Трещенкова». А когда я начал устанавливать следствием число выпущенных в толпу пуль и установил, что число это превышает на 300 сообщенное штабс-капитаном Лепиным, Преображенский позволил себе в кабинете, один-на-один, пригрозить мне: «Михаил Федорович, мне кажется, вы даете следствию неправильный ход; вы проверяете действия воинской части; имейте в виду участие в Лензото высочайших особ и что Трещенков может вас плохо записать в департаменте полиции»; на эту угрозу я ответил Преображенскому там же: «я 30 лет на службе; в департаменте полиции не записан и только подлец может меня записать». (Извиняюсь за подлинное выражение). По поводу привлечения обвиняемых колебавшийся по сему вопросу Преображенский, не раз говоривший мне: «не пора ли нам привлекать?»,— послал телеграфный запрос, на который Нимандер ответил, по своему обыкновению, уклончиво: «ранение свидетельствует о нахождении в толпе»... Такой ответ, в связи с нагнетом департамента полиции, окрылил Трещенкова надеждою; несмотря на мои категорические указания: «пока я веду следствие, ни один раненый не будет посажен», он арендует, не знаю за чей счет, в г. Бодайбо огромное приисковое помещение со службами («резиденция Патушинского») под тюрьму для «бунтовщиков 4 апреля». Но, как известно, эта тюрьма не понадобилась, рухнул состав преступления, которое так настойчиво старались инкриминировать мирным рабочим Ленских приисков министры юстиции и внутренних дел.

Когда следствием было установлено, что жертвы расстрела были отпеты священником Николаем Винокуровым в братской могиле по полицейскому списку и что число покойных превышало число отпетых, а судебно-медицинский осмотр 192 раненых дал подавляющий % тыловых ранений, я, разойдясь с Преображенским по многим вопросам следствия, в целях точного установления числа погибших и % тыловых ранений, решил произвести осмотр погребенных, о чем меня просили многие рабочие, вдовы и сироты, и послал непосредственно прокурору палаты Нимандеру, телеграфную просьбу, о разрешении мне этого следственного действия, указав, что никаких осложнений этот акт не вызовет. В ответ я получил лаконическую телеграмму: «следствие передайте судебному следователю Сечкину, выехавшему из Иркутска».

В 1913 году Нимандер, вернувшись из Петербурга, довольный прие-

мом Щегловитова, рассказывал в Иркутске, что министр, прощаясь с ним и коснувшись следствия по делу о событии 4 апреля, напутствовал его: «Ну-с, так медленно поспешайте». Это передавал мне временный начальник полиции олекминского золотопромышленного района подполковник Римский-Корсаков.

Основание сего сообщения: Призыв Чрезвычайной следственной комиссии в «Журнале министерства юстиции» № 4.

Пос Экимчан Амур. обл.
почт. отдел.

Мировой судья Рейн

Отношение Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в Чрезвычайную следственную комиссию, 3 мая 1917 г., № 2649/334.

Юридический отдел при Исполнительном комитете препровождает на ваше распоряжение показания солдата Кузнецова о Ленских событиях.
Прилож. показания Кузнецова за № 8012.

Заведующий Юридическим отделом [подпись].

Краткое пояснение о событиях на Ленских приисках[1].

Писал сии строки не сторонник, а вынесший всю тяжесть на своем плече и видел все нахальства над рабочими собственными глазами и на одном шагу лежал под градом пуль с окружным инженером Константином Николаевичем Тульчинским.

Представитель от рабочих во время сенаторской ревизии в июне месяце 1912 г. Степан Федорович Кузнецов.

Все препятствия к заработку рабочего, как-то камень, твердое напластование земли, все было возложено на усмотрение смотрителя шахты, каковые старались всеми неправдами запугать рабочего то расчетом, то выгоном из шахты во время зимы на мороз на верховые работы, а по случаю малого заработка у рабочего нет теплой одежды, таковой рабочий не может выйти зимой на верховые работы, поэтому в силу необходимости принужден мириться с тем, что желает смотритель шахты, а за таковое насильственное принужденье все таковые поработители в конце отчетного года получали повышение оклада жалованья и единовременное денежное вознаграждение от предприятия.

Несмотря на чернорабочих и также поступали и с плотниками и со всеми мастеровыми не по обоюдному согл шению, а просто по назначению заведующего цехом. Таковые и сдельные работы не оправдывали поденной платы 1 р. 70 к.

А выход на работы вместо установленной нормы в 6 часов принуждали выходить даже в половину четвертого часа, в редком случае запоздал рабочий, в таком случае смотритель шахты, вместо добрых убеждений к рабочему, накидывался на рабочего с площадной бранью и в наказание рабочего выгонял из шахты, не давал такому рабочему никакой работы, а вместо того ставил рабочему штраф 75 к., кроме того на другой день такому рабочему давал в знак наказания самую невыгодную работу и кроме того позорную, чтобы тем запугать следующих рабочих. Во время получек продовольствия порядка никакого не соблюдалось, вне очереди проходит прислуга, администрация и полиция, да еще к тому же знакомые личности весовщиков и прочие, кроме

[1] Заголовок и орфография подлинника.

того вышеуказанные лица получают продовольствие на выбор, а остальные рабочие всегда получают чего лишь дадут: ребра да шею.

Во время зимы доставляют мясо из Якутска инородцы, и проживающие на приисках инородцы поддерживают интересы друг друга. Где-либо в районе сдохнет лошадь, они во время ночи обделают честь-честью и сдают таковое мясо в товарищество, а во время приемки от доставщиков мяса медицинский надзор никогда не был. Иногда рабочим попадет мясо конское, и рабочий запуганный находит не вправе отказаться от такового продукта, потому угрожает опасность со стороны администрации и полиции, составят бунтовщиком и возбудителем беспорядка, арестуют такового человека и через полицейского горного исправника выдадут расчет.

Рабочим вместо денег в счет заработной платы против желания рабочих выдавали талоны, каковые существуют лишь в их собственный торговый магазин, а в то время заведующие таковыми лавками выставляют для сбыта плохие товары и всего прочего, а сдачи с талона не давали и обратно не принимали, да кроме того рабочему в насмешку предлагают: «Возьми гармонь», ее продать можно. «Одеколону возьми, его пить можно».

До 1910 года в районе существовали много [других] кроме их приисков. Рабочим все-таки удобнее было. В этой фирме рассчитали, в другой наймется, а в 1910 году весь район приисков ленское товарищество взяло за себя, тогда что же получилось: для рабочего безвыходное положение. В то время главноуправляющий И. Н. Белозеров почувствовал себя самодержавным корольком и все его приспешники достигли желаемой цели, начали угнетать просто ужас невыносимо. Старые рабочие говорят: «Я столько-то вырабатывал, за такую работу я получал не менее 3 руб., а в настоящее время получаю книжку, гляжу в нее, думаю, наверно подсчитано за весь месяц не менее 60 руб., оно оказывается вместо 60 руб. да 37 руб. Справка и жалоба для рабочих недопустимы. Более года, так рабочие терпели и потом терпению пришел конец.

Я, написавший эти строки, не сторонник какой-либо, а вынес все эти тяжести и лишенья на своем плече и видел собственными глазами все издевательства над другими, а собраться, посоветоваться не имели никакой возможности. 28 февраля 1912 года первоначально забастовали рабочие Андреевского прииска. В течение 3-х дней весь район Ленского т-ва присоединился к андреевцам. Первым долгом как прекратили работы и приказали казенным винным лавкам не торговать вином и, кроме того, приказали сдать обратно казенное вино в казенную винную лавку, потом предъявили к товариществу требование:

1) 30 процентов добавки жалованья, отмена талонов, снабдить рабочих, работающих в мокрых работах, непромакаемой одеждой, отдельное помещение для стирки белья и для сушки мокрой грязной шахтовой одежды. При выдаче продуктов установить порядок и уравнение; устроить над плитой, где варится пища какой-либо железный зонт, чтобы не сыпался с потолка в миски мусор и для вытягиванья чада.

Администрация Ленского тов-ва так шла нам навстречу. Рабочие за такие призывы на бумаге, за нарушенье порядка, причинение местным жителям вреда и за бездействие подлежат ответственности от 6 месяцев до 3 лет тюремного заключения.

Собрали нас рабочих на площадь, а там на словах, этим же удовлетворяют, как и на бумаге; продолжали с толпами вести беседу до 5 дней и не пришли ни к какому заключению, потом приказали рабочим выбрать среди себя выборных и уполномочить их правом решать дела; выбрали рабочие выборных, все выборные угодили упря-

мые, ни чуть не от администрации. В присутствии горного исправника и окружного инженера Александрова набавили на поденщину 10 к. и все, а на сдельные работы, буквально ничего, притом посулили непромокаемой одежды, но кроме этого отказали категорически и объявили, если вы к 10 марта не приступите к работам, то вы все будете через горного исправника расчитаны. После 10 марта приказали сдать инструмент. Рабочие во всем подчиняются, сдали инструмент администрации, приготовили рабочим расчет. Администрация объявила рабочим получать деньги кому присчитывались по расчетной книжке, в расчетных книжках написали — расчетом доволен, претензий никакой не имею, деньги получил сполна и в том подписуюсь. Рабочие поглядели в книжки, деньги получили, а от подписки отказались, но более из тех рабочих, которые остались понемногу компании должны не более 5 руб. 10 марта администрация запросила правительство, по какой норме выдавать рабочим продовольствие, правительство ограничило выдавать паек 1 день на каждого рабочего мяса по 1¼ ф., хлеба черного 3 ф., крупы или капусты ½ ф. на 1 неделю, чаю 14 золотн., масла ½ ф., сахару ½ ф. А про жен и детей не упомянули ничего, а у некоторых рабочих при них жены и взрослые дети, купить хлеба не за что и заработать негде. Выборные сделали подписные листы, сбирали на неимущих и делили между ними, а мы одинокие поделялись между семейными раза 3 в неделю. Не варили для себя, а поддерживали семейных. 1 апреля приехал товарищ прокурора Иркутского окружного суда. В то время выборные узнали о приезде товарища прокурора, написали на имя его прошение —3 апреля о выдаче женам и детям пайка хлеба. Об этом полиция узнала, нашла нужным всех выборных арестовать и в ночь на 4 апреля арестовали выборных, осталось прошение. Некому нести. Тогда, немного поговорив, на утро прошение было передано мне без разрешения начальствующих лиц, вновь выбирать не посмели. Пойдемте себе, кто хочет. И пошли, начиная с Андреевского прииска. Пока дошли до Надеждинского прииска, а шли через Васильевск, Пророкоильинск, Александровск, с этих 4-х приисков собралось около 2000 человек, шли спокойно. Много раз нас рабочих на Надеждинскую площадь вызывали начальствующие лица прежде для переговоров. Подумали, ничего не будет, что мы соберемся самовольно. Да чего же за это будет. Передадим прошение товарищу прокурора и послушаем чего-либо; быть может, на словах нам скажут и пойдем с богом по местам. Не доходя до Надеждинской площади версты за полторы, видим обгоняет нас поезд с солдатами. Обогнали и среди пролета поезд остановился. Видим, делают высадку солдаты, потом слышим раздался сигнал. Между нами рабочие были солдаты запасные; говорят, сигнал подали солдатам на линию огня, а сами говорят, за что же бить нас будут — бьют бунтовщиков, громил разных. Не внимая этому, идем вперед, слышим второй сигнал раздается, а мы все одно знаем — идем. Видим солдаты стоят выстроены в шеренгу, а рабочие солдаты между нами говорят, второй сигнал обозначает приготовиться к бою. Рассуждаем: да за что же нас бить-то будут; видим поперек нашего направления едет окружной инженер Константин Николаевич Тульчинский. Он спросил нас, далеко ли идете и зачем? Сказали с прошением к товарищу прокурора Иркутского окружного суда. «С прошением? Дайте сюда я посмотрю ваше прошение». Мы передали ему, окружному инженеру, прошение, он начал рассматривать наше прошение, а, к счастью нашему, по левой стороне нашего направления ничем не обгорожен был склад лесной и задние люди посели на штабеля леса, начали раскуривать табак, а по правую сторону была изгородь-поскотина для коров, некоторые на нее посадились, я стоял ли-

цом к лицу Тульчинского и не обращая вимания на солдат. Стоят они и пусть стоят. Не менее четверти часа постояли, поговорили с Тульчинским и не обращали внимания на солдат, чем они занимались, только видно было из 2-х начальствующих лиц какая-то проявлялась странная выходка, какое-то нервное маханье руками. Вдруг раздался залпом выстрел; видим, между нами упали убитые и раненые. Увидел и Тульчинский убитых, снял фуражку с головы и обернулся ко всему народу и крикнул «братцы падайте, подлец бьет». Все попадали. Он и ну полосовать по лежачим. Вместе с нами упал Тульчинский, все время расстрела лежал под градом пуль. Раза три принимались усыпать нас лежачих пулями. Потом жалко наверно стало зря сеять по степи пули. Посреди дороги лежащие никто не спаслись. Кроме нас передних спасал бывший как раз через ключ мост, а выше по ключу железнодорожный был мост. От железнодорожного моста вниз по ключу проведен был вал земли, чтобы во время весны не выходила из ключа вода и не размывала шоссе. Между нами лежал окружный инженер К. Н. Тульчинский и намеревался встать, но мы его просили не вставать, лежать спокойно, а то вы встанете, вас убьют, а нас оставших живых истерзают, они постановят первый принцип к нашему обвинению, скажут вы убили инженера и шли дальше громить и убивать, вот бы им и оправданье; но спасибо он пролежал спокойно и тем нас спас живых от дальнейшего истязания; когда прекратили стрельбу, стражники пошли по лежащим и говорят: «Кто живой вставайте, идите всяк по своим местам». Мы живые встали, пошли. Не отошли от места расстрела и одной версты, видим едут не менее как на 30 лошадях собирать раненых и убитых; поэтому вся администрация обо всем этом впредь знала, как нас собрать и побить. Перво-на-перво развозили раненых и потом перевозили убитых, после этого заставили солдат ломать поскотину кольями, вершинки жердей и собирать камни, кирпичи пачкали в крови и клали в мешки, погружали в вагон в знак своего оправданья. С солдатами прибывший офицер отказался подавать команду своим солдатам расстреливать мирных людей, а начальник по полиции Трещенков арестовал этого офицера и с ним 4 солдат, наверно тех солдат арестовал, которые не стреляли в то время. Убитых было на месте 244 человека и после умерли от ран 14 человек, а раненых 276 человек. Выбрали удобное место для братской могилы. Когда похоронили и ставили кресты на могилах с надписью: «Погибшие 4 апреля 1912 года» и вензеля и ленты, начальник по полиции осматривал и заставлял таковые кресты и ленты, вензеля срывать, кресты срубать и бросать вон. Начальник по полиции, жандармский ротмистр Трещенков, после расстрела вывесил очень много объявлений не собираться толпами более 3 человек, идя по дороге ближе 5 шагов нельзя сходиться. Нагнал такой ужас. В открытую говорил: «9 убьют, а десятого заставлю работать». Но верно более 400 вышли после расстрела на работу, пришлось на этих рабочих обратить особое внимание. Эти же самые рабочие и эта же шахта и эти же забои в шахте, и этот же контракт старый. До забастовки зарабатывали не более 2 руб., а после расстрела зарабатывали до 5 руб. Это очень нас удивило, как они заманивали людей на работу. Потом приехал чиновник особых поручений. Мы не знаем, по чьим распоряжениям арестовали и отправили бывшего начальника по полиции Трещенкова в город Бодайбо. Вновь поступивший начальник по полиции Юрин. Мы тоже не можем знать, от кого зависело, выдали паек хлеба женам и детям, потом правительство запросило нас через окружного инженера Тульчинского, бывшие рабочие Ленского товарищества желаете ли вы работать. Мы ответили: желаем, но ни на каких условиях, а лишь временно не подписывая

никакого договора впредь до приезда начальствующих лиц, и немедленно, чтобы выслали начальствующих лиц для расследования дела и установить впредь порядок и расценку работ и все прочие согласно закона. Правительство получило от нас таковое предложение и сорганизовали следственную комиссию во главе с ревизующим сенатором Манухиным и помощником его Елатичем и потом известили нас: назначена для разборки дел в Бодайбо сенаторская ревизия. Все рабочие с нетерпением ждали ревизии. 20 мая приехал главноуправляющий И. Н. Белозеров, предъявил бывшим рабочим, если вы к 24 маю не выйдите на работу, в таком случае приступим к вывозу вас с приисков. Потом приехал генерал-губернатор города Иркутска, кажется Солодилов, еще удовлетворил немного, дал отсрочку до 28 мая. В течение этого времени не приступите к работе, будете все немедленно вывезены, как безработные. Дождались и 28 мая и почему-то все не вывозят нас безработных. В это время приехали присяжно-поверенные. Вдруг в роде что-либо с неба свалилось — в г. Бодайбо сенатор приехал Манухин, 3 июня послал к нам безработным призыв такого содержания: повседневно в заботах и нуждах о своем народе государь император самодержец всероссийский возложивши на нас такую трудную задачу, разобрать дело и установить порядок. Я глубоко уверен в том, что вы поможете нам и прошу вас приступить к работам, а не бездействовать, чтобы я мог видеть работу при полном движеньи и вместе с вашими представителями точнее разбирать дела и ценить все трудности работ не на словах, а на самом деле.

Первый состав народных представителей был арестован 3 апреля в ночь на 4 апреля, а по приезде сенатора в Бодайбо и после его возванья избрали взамен арестованных других представителей и потом попросили у начальника по полиции разрешение сделать нам собрание и с участием присяжных поверенных. Рабочие в то время разбивались на 3 группы на Андреевском прииске, Александровском прииске, Феодосиевском прииске. На общем собрании постановили вступить на работу, не подписывая никакого договора впредь до выработки нового договора лишь временно. 7 июня приехала на прииск сенаторская ревизия, отслужили общий молебен и с божьей помощью в ночь на 8 июня приступили к работам. Рабочие работают, а мы выборные написали сенатору докладную записку в кратких фактических данных об нарушении всех законных правил и насилия над рабочими обоего пола и детей со стороны предприятия ленских приисков. Таковая докладная записка написана в 33 страницах.

Сенатор вызывал нас выборных для объяснения по повесткам и порайонно небольшим группкам человек по 6,— а нас всех было выборных человек 30. Повидимому сенатору хотелось нас в чем-либо запутать в показаниях по делу забастовки, а когда приступили к расценке работ, в таком случае сенатор так делал как татарский мулла делает татарскую свадьбу. Один день занимается с нами, примет от нас сведения и разубедится, войдет в соглашение с нами, утвердительно скажет нам: быть по-тому. Мы только что являемся к своим избирателям, они нас ждут с нетерпением, спрашивают нас, что вам сказал сенатор относительно работ. Мы рабочих удовлетворяем всем тем, что получили лично от сенатора. Через день опять являемся к сенатору. Первым долгом начинает нам сенатор объяснять, что неприемлемо со стороны товарищества относительно расценки работ из того, что уже было сказано рабочим. Приходим к рабочим первоначально рассказываем, чем нас обрадовал сегодняшний день сенатор. Впредь мы разбирали такие-то дела и ценили такое-то дело и совместно с сенатором мы вошли в соглашение по данному делу. Наши товарищи рабочие выслушивают

внимательно; потом начнем рассказывать из прошлого, чего опровергнули товарищество, в то время получается великое неудовольствие со стороны рабочих к сенатору. Все рабочие остались недовольны новым договором и расценками работ. Проработавши 19 дней, вновь прекратили работы и попросили выезда с приисков; сенатор в то время был в г. Бодайбо. Узнал об том, что рабочие прекратили работу и попросили их вывести; сенатор в то время собрал несколько вельмож, устроил с ними собрание, вынесли такую резолюцию: мы рабочие Ленского тов-ва всем довольны в отношении к сенаторской ревизии, но потому только не можем остаться на продолженье работ, что у нас здесь пролита кровь наших товарищей,— и просил от выборных подпись на его резолюции, а мы наоборот должны сохранять братскую кровь, а потому уезжаем все рабочие недовольные выработкой вами нового договора, и так ему сенатору ответили на его резолюцию.

Представитель от рабочих Ленских приисков во время сенаторской ревизии в 1912 г. Степ. Ф. Кузнецов.

Царизм в борьбе с А. И. Герценом

Борьба царского правительства с Герценом началась с 1834 г., со дня его первого ареста, и продолжалась всю жизнь Герцена. Смерть Герцена не прекратила борьбы. Царизм преследовал произведения Герцена, память о нем, самое имя его — вплоть до своей собственной гибели в 1917 г. История этой борьбы могла бы составить сама по себе интересную книгу.

Николая I Герцен называл «высочайшим фельдфебелем», в Александре II пытался найти либеральные и гуманные черты. Но оба царя совершенно одинаково относились к Герцену, и традиция ненависти и страха перешла к Александру III и Николаю II.

О своих личных столкновениях и встречах с начальниками и агентами III отделения до 1847 г. Герцен рассказал в «Былом и думах». Бенкендорф, Дубельт, Голицын известны нам по мастерским характеристикам Герцена. Из борьбы, замаскированной светской любезностью, Герцен вышел победителем. Ему удалось усыпить внимание жандармов. Дубельт поверил тому, что Герцен смирился. Он не разгадал плана побега за границу. Легко представить себе, как велико было бешенство царя и его слуг, когда они убедились в том, что Герцен обманул их и выехал за границу не на короткое время, для лечения жены «на водах» (таков был официальный предлог), а — совсем, надолго, для прямой борьбы с царской властью, с произволом бюрократии, с жандармским режимом. Николай I приказал Герцену вернуться на родину. Вряд ли он сам рассчитывал на верноподданнические чувства Герцена. Но отказ вернуться давал «законный» повод для мести и расправы с имуществом Герцена и с его родными. Царь мстил.

Издания вольной русской типографии в Лондоне отравили последние годы Николая I. Жандармы III отделения начали яростную борьбу, в которой деятельное участие приняло и министерство иностранных дел.

Герцен был окружен царскими шпионами в Лондоне. Они нагло лезли в типографию и в его собственный дом. Герцен никогда не был хорошим конспиратором. Он был хлебосолен на старый московский манер, и двери его дома были широко открыты для гостей. На его приемах, получивших большую известность, бывали люди,— чаще всего приезжие из России, которых иногда никто не знал — ни хозяева, ни прочие гости.

Царская охранка использовала это свойство герценовской натуры. Агенты III отделения бывали на приемах у Герцена. Так проник астроном Хотинский, которого Герцен вскоре разоблачил. Неизвестные агенты сообщали III отделению о посетителях Герцена.

Вольная русская типография, а затем успех «Колокола» встревожили царское правительство. Предпринято было усиленное дипломатическое давление на иностранные правительства. Пруссия, Саксония охотно предоставили свои полицейские силы в услужение русскому царю. Такую же любезность оказала тайная полиция Французской империи. Даже парламентарное английское правительство согласилось принять некоторые меры против свободного распространения герценовских изданий, но на прямое закрытие вольной русской типографии и «Колокола» оно не пошло.

Герцен продолжал писать и печатать. Издания распространялись по всей Европе и проникали в Россию. Германские книготорговцы держали у себя книги Герцена и его журнал, потому что это было выгодно. Партии экземпляров «Колокола» переправлялись через русскую границу подпольными путями. Царизм подсаживал своих шпионов к германским издателям и книготорговцам. Так, служащий известной фирмы Трюбнера Михаловский, поддерживавший сношения с лондонской экспедицией Герцена, оказался шпионом царской охранки.

Царизм был бессилен против лондонской типографии. Вольное русское слово звучало как колокол, и звуки его разносились по России. Приняты были меры, чтобы усилить жандармский надзор на границе, заткнуть все щели в ней. Но обыски не давали желанного результата. Популярность «Колокола» побеждала все препятствия. Его читали все,— начиная от царя и придворных, кончая грамотными передовыми крестьянами. «Колокол» проходил тюками в общем потоке контрабанды, которую таможенные чиновники пропускали охотно за взятки. Бывали случаи, когда номера «Колокола» проникали в чемоданах столь высокопоставленных особ, что перед ними в нерешительности застывали самые рьяные жандармы-ищейки.

Пользуясь указаниями шпионов, круживших возле дома Герцена и проникавших в его дом, III отделение схватывало отдельных лиц. Оно тщательно искало корреспондентов Герцена в России. Неумение соблюдать конспирацию, неосторожность и беспечность друзей Герцена однажды оказали III отделению существенную услугу. В 1862 г. у арестованного на границе по указанию шпиона, очевидно бывавшего в доме Герцена, молодого человека Ветошникова были найдены списки и адреса корреспондентов Герцена. Жандармы без труда раскрыли примитивный шифр. Так возникло «дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Среди арестованных был и Н. Г. Чернышевский.

И все же «Колокол» не замолчал в России. По приказу III отделения должна была молчать о Герцене вся русская печать. Это была бессильная и мстительная борьба замалчиванием. Она вооружала против царского правительства даже реакционную часть общества, которая убеждалась в том, что замалчивание Герцена — мера борьбы с Герценом явно негодная. Даже среди жандармов складывалось убеждение в том, что в борьбе царского правительства с Герценом все преимущества на стороне Герцена. Такое мнение высказывает, между прочим, и жандармский офицер Рындин в Херсонской губернии (см. печатаемые ниже документы).

Борьба замалчиванием сменилась грязнейшей полемикой против Герцена в реакционной, а потом и в услужающей правительству либеральной печати. Сначала выступали литературные агенты III отделения за границей в продажных газетах и в официозах царизма. Потом царский чиновник барон Фиркс под псевдонимом Шедо-Ферроти выступил с пасквилем. Потом открылись клеветнические источники в «Московских ведомостях», за которыми вприпрыжку поспешил «Голос» и другие буржуазные русские газеты.

Герцен в то же время получал анонимные письма, в которых темные личности угрожали ему смертью.

Все это были бессильные сами по себе средства борьбы с Герценом. Подлые выпады Каткова давали лишь повод Герцену для блестящих полемических статей.

Но то, что не под силу было III отделению, сделала общественная реакция после 1863 г. Молодой революционно-демократический лагерь был разбит, потерял вождей после смерти Добролюбова, после ареста и ссылки Чернышевского. Либеральные прежние друзья Герцена покинули его, предали, осыпали теперь насмешками, проклинали. Квасной патриотизм, шовинизм в самой отвратительной форме торжествовал победу после разгрома революции в Польше.

«Колокол» замолк в атмосфере поражения, отступничества, ренегатства, господства обывательщины. Вступила снова в свои права жандармская тактика замалчивания Герцена. Имя его стало строго запретным для всех,— даже для ре-

акционных изданий. Царское правительство пыталось заживо похоронить Герцена, как Белинского, как Чернышевского.

О страхе перед именем Герцена можно судить по тому, что вплоть до 1905 г. в печати нельзя было называть его имя. Все его произведения были под строжайшим запретом,— не только те, которые выходили за границей в вольной русской типографии, но и написанные и напечатанные до отъезда за границу в подцензурных изданиях. Цензура Николая II была в этом отношении строже, чем цензура Николая I. В списках нелегальных изданий числились беллетристические произведения Герцена — «Кто виноват» и «Сорока-воровка», его философские статьи.

Но никогда царизму не удавалось заставить русское общество забыть о Герцене. «Колокол» звучал —и после смерти своего славного редактора — воспоминанием о нем, призывом к новым поколениям революционной молодежи. Герцен проникал в нелегальных, зарубежных изданиях, в пожелтевших листах «Отечественных записок» и «Современника». И продолжалась охота жандармов за сочинениями Герцена. Их находили при обысках, они служили уликой и достаточным поводом к аресту.

В 1905 г. издательству Павленкова удалось прорвать цензурную ограду и издать в семи томах некоторые произведения Герцена, искаженные и изуродованные цензурой. Наступившая затем реакция обрушилась на следующие издания отдельных произведений. Она свирепствовала вплоть до 1917 г. Но замолчать имя Герцена в печати больше не удавалось. О нем заговорили, о нем стали писать,— и теперь прежняя тактика реакционной клеветы в помощь полиции сменилась либеральной фальсификацией.

Катков и Леонтьев чернили Герцена прямой клеветой в «Московских ведомостях». Струве и Гершензоны боролись с Герценом путем извращения его литературно-политической деятельности. Они малевали Герцена как либерала, своего единомышленника. Ленин, разоблачая этот обман в гневной статье «Памяти Герцена», писал: «Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними,— писал Герцен,— развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины — сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы»,— «Эмпирия и идеализм»,— написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед «историческим материализмом» [1].

Только победа Великой пролетарской социалистической революции вернула нашему обществу подлинного Герцена,— свободного и от искажений царской цензуры, и от буржуазной клеветы.

Д. Заславский.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 464—465.

Справка III отделения (1849 г.)[1]

Герцен, воспитанник отставного гвардии капитана Яковлева, получил по смерти сего последнего богатое наследство; воспитывался в Московском университете и в 1835 г. оказался прикосновенным к делу о лицах, певших в Москве пасквильные стихи; за это тогда же по высочайшему повелению он был выслан на службу в Пермь, а оттуда в Вятку, под строгий надзор начальства. В 1837 г. Герцен перемещен был во Владимир, а в 1839 г. освобожден от надзора и после того прибыл в С.-Петербург. В 1840 г., за сообщение в частном письме в г. Москву неосновательных слухов насчет происшествий в С.-Петербурге[2], Герцен выслан был на службу в Новгород. В 1842 году дозволено жительствовать в Москве, но под надзором полиции и с воспрещением въезда в С.-Петербург, а в 1846 г. он освобожден и от надзора.

Все перемещения из города в город и освобождения Герцена от надзора всегда основывались на ходатайствах и засвидетельствованиях местных начальств о его исправлении и хорошем поведении.

Уволен за границу Герцен, как уже освобожденный от надзора, помимо III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии. В июне 1848 г., частным образом получено было сведение, что Герцен находясь в Париже, вовлекся в общество демократов, и вследствие этого тогда же по высочайшему повелению сообщено было государственному канцлеру, дабы миссия наша в Париже обратила внимание на поведение Герцена[3].

Герцен известен и литературными трудами; он помещал повести и разные статьи в журналах; отдельно издана им повесть «Кто виноват». В этих сочинених замечались некоторые вольные суждения, и потому в 1848 году, когда учреждена была особая комиссия, под председательством генерал-адъютанта князя Меншикова, для рассмотрения издаваемых в России журналов и газет, было обращено внимание и на сочинения Герцена[4].

Генерал-лейтенант Дубельт.

---

[1] Публикуемые документы подготовлены для печати А. А. Кобяко — Архив Революции, III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, лл. 148—150-а. Справка была составлена III отделением для доклада царю, но доклад не состоялся, так как в июле 1849 г. было доложено царю письмо русского посла в Париже, собравшего негласно все сведения о Герцене. На этом письме Николай I написал следующую резолюцию: «Очень замечательно! Этот Герцен, тот, который был мной выслан, кажется, в Кострому, а наследником, через Жуковского выпрошено прощение, надо велеть наложить запрещение на его имения, а ему не медля велеть воротиться».

[2] В письме к отцу в Москву Герцен описал убийство у Синего моста будочником прохожего.

[3] Поводом к собиранию сведений о поведении Герцена послужило письмо находящегося в Париже некоего Левицкого, возможно, двоюродного брата Герцена, С. Л. Левицкого, имевшего в Париже фотографию: это письмо было направлено в июне 1848 г. в Москву к Алексею Васильевичу Поленову, полковнику корпуса инженеров путей сообщения, где говорится о Герцене, «который опять приезжал сюда, вероятно, привлеченный революцией».

[4] 2 апреля 1848 г. при III отделении был учрежден комитет, ведавший «высшим надзором в нравственном и политическом отношении за духом и направлением книгопечатания». Как «установление неофициальное, известное в существовании своем только министерствам и главным управлениям», «действующее единственно по монаршему доверию и именем императорского величества», комитет давал отчеты о наблюдениях своих непосредственно царю. Первыми руководителями его были: князь Меншиков, Бутурлин, Дегай и барон Корф. 3 декабря 1855 г. комитет свои действия прекратил. Произведения Герцена совершенно случайно попали в поле зрения комитета. Объявление в № 208 за 1851 г. «Ведомостей московской городской полиции» о дешевой прода-

Отношение III отделения в министерство иностранных дел, 5 июня 1849 г., № 1490[1].

М. г. Лев Григорьевич.

Из донесения г. действительного статского советника Киселева[2] усмотрено, что находящийся во Франции надворный советник Александр Герцен вовлекся в сообщество демократов, ведет тесную связь с Бакуниным[3], Головиным[4] и другими злоумышленниками и предположил продать все свое имение, находящееся в России.

Государь император высочайше повелеть соизволил: наложить на все имение Герцена запрещение, а ему самому объявить, дабы немедленно возвратился в Россию.

Сообщив о таковой монаршей воле относительно наложения запрещения на имение Герцена г.г. министрам внутренних дел и юстиции, долгом считаю покорнейше просить ваше превосходительство поручить г. действительному статскому советнику Киселеву объявить Герцену высочайшее повеление, дабы немедленно возвратился в Россию, и в свое время уведомить меня как об отзыве Герцена, так и о том, когда именно и через какой пункт границы нашей он отправится в отечество.

Граф Орлов.

же «Отечественных записок» за 1840, 1841 и 1843 гг. навлекло подозрение одного из рьяных членов комитета, не есть ли тут «преднамеренное действие вредной пропаганды, сулящей при теперешней строгости цензуры к новым произведениям, возобновить в умах свои внушения по крайней мере через доступный всем, по необыкновенной дешевизне, сбыт прежних своих творений». По рассмотрению этих журналов оказалось: «В особенности примечательны в этом смысле две помещенные тут и продолжающиеся в нескольких номерах статьи Искандера: «Диллетантизм в науке» и «Буддизм в науке». Под псевдонимом «Искандер» их писал отрекшийся ныне от своего отечества Герцен, литератор, известный своим дерзким и преступным образом мыслей». Предложение докладчика скупить все имеющиеся в продаже книжки «Отечественных записок» за 1840, 1841 и 1843 гг. получило высочайшее одобрение и в январе 1852 г. были приобретены комитетом для уничтожения 202 книжки, а министром внутренних дел сделано распоряжение по всем городам, «чтобы при открываемой где-либо продаже сего журнала за означенные выше годы оные были немедленно скупаемы и в то же время предаваемы истреблению» (III о., ком. 1848 г., д. № 162). (О конфискации журнала «Отечественные записки» за 1840, 1841 и 1843 гг., см. в статье Л. Ильинского «Герцен и третье отделение», часть 2. «Герцен и комитет Бутурлина» в журнале «Голос минувшего» за 1918 г., д. 7—9).

[1] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, лл. 102—103. Означенное предложение III отделения вызвало поиски Герцена за границей. Так как из Парижа он уехал, то искали его в Женеве и в Италии и, когда нашли в Ницце, предъявили ему «высочайшее повеление вернуться в Россию».

В ответ на «повеление» Герцен написал письмо гр. Орлову о невозможности своего возвращения на родину, ввиду нежелания подвергать себя политическому процессу. Письмо опубликовано в т. II «Былого и дум». На подлинном письме Герцена графом Орловым при докладе его царю сделана следующая надпись: «Не прикажете ли поступить с сим дерзким преступником по всей строгости существующих законов», на что Николай I ответил: «Разумеется».

[2] Киселев, Николай Дмитриевич (1800—1869 г.), с 1844 по 1854 г. русский посол в Париже.

[3] Бакунин, Михаил Александрович (18 мая 1814 г. — 1 июля 1876 г.) революционер-анархист. С 1840 по 1851 г. деятельно участвовал в заграничных революционных организациях. С 1857 г. эмигрировал в Лондон к Герцену, где сотрудничал с ним в газете «Колокол».

[4] Головин, Иван Гаврилович, публицист-эмигрант, перешедший в 1845 г. в английское подданство. В этом же году написал книгу «Россия при Николае I», лишившую его права возвратиться в Россию.

Из перлюстрированного письма из Парижа от Левицкого в Москву Софье Львовне Поленовой, 24 июля 1849 г.[1]

Вообразите, что Герцен верно напроказил, что его выслали из Франции. У бедной Луизы Ивановны[2] полиция два раза делала обыск. Сколько мог я судить по одному разу, то я не думаю, что Луиза Ивановна сбережет до старости свой капитал. У ней, кажется, открыт кредит всем коммунистам и баррикадистам с целой Европы — она дает и помогает всем,— разумеется, не из политических видов, а просто от глупой доброты; у нее головы не много, а сердце доброе, но сам Герцен ничего не дает, а все посылает к матери. В Россию они не хотят возвращаться, говорят открыто, что между ними и Россией все кончено и здешнее посольство это знает. Луизу Ивановну мне жаль, но Герцена нисколько. Тон их общества прескверный.

Отношение шефа жандармов министру народного просвещения, 24 июня 1853 г., № 1136[3].

Вследствие полученных мною сведений, что изгнанник Герцен учредил недавно в Лондоне русскую типографию[4], с целью печатать в оной возмутительные сочинения, я отнесся к г.г. министру финансов и генерал-губернаторам пограничных губерний империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатанных в означенной типографии.

Считаю долгом сообщить о сем вашему превосходительству покорнейше прося, не изволите ли признать нужным обратить на это особенное внимание цензурных комитетов, так как в оные, в числе книг, привозимых из-за границы, могут быть представляемы и помянутые злонамеренные сочинения.

Генерал-адъютант граф Орлов.

---

[1] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 113. О корреспондентах (см. стр. 225 прим.). С. Л. Поленова, очевидно, родственница А. В. Поленова.

[2] Гааг, Луиза Ивановна, виртенбергская уроженка, мать Герцена, гувернантка детей Ивана Алексеевича Яковлева, московского сановника, отца Герцена. 1 августа 1828 г. было составлено Яковлевым завещание о внесении в Московский опекунский совет капитала в 60 тысяч из пяти процентов с правом «на получение» оного иностранке, виртенбергской подданной, ренткаммер-секретарской дочери Луизе Гааг», «в случае же ее смерти оный капитал с процентами принадлежать должен губернскому секретарю Александру Иванову сыну Герцена, коему теперь от роду шестнадцать лет». 17 июня 1846 г. этот капитал достиг 106 тыс. руб., а в 1850 г. на получение его было выдано заемное письмо Гассеру, который и получил деньги. Когда в 1849 г. возник вопрос о конфискации имущества Герцена, то оказалось, что ему принадлежало имение в Чухломском уезде, Костромской губ., дававшее 2000 руб. сер. годового оброка, и капитал 2945 р. 10 к., переданный доверенным Герцена Ключаревым, по требованию московского военного генерал-губернатора, в опекунское управление.

[3] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 247.

[4] В начале 1853 г. в Лондоне Герцен основал «Вольную русскую типографию» для печатания всего «писанного в духе свободы», как сообщал он в выпущенном в феврале 1853 г. литографированном листке» «Вольное русское книгопечатание в Лондоне». В июне 1853 г. первыми были выпущены произведения Герцена «Юрьев день», «Поляки прощают нас». Затем, кроме отдельных книг и воззваний, в типографии печаталась с 1855 по 1869 г. «Полярная звезда», с 1856 по 1860 г. «Голоса из России» и с 1857 по 1867 г. «Колокол» с приложениями: «Под суд» (1859—1862 гг.) и «Общее вече» (1862—1864 гг.). С апреля 1865 г. «Вольная русская типография» была переведена из Лондона в Женеву, а в августе 1867 г. ликвидирована. 20 июля 1853 г. министерство иностранных дел сообщило в III отделение, что «по получению известий об учрежденной в Лондоне изгнанником Герценом русской типографии,

Отношение почтового департамента шефу жандармов, 16 июля 1853 г., № 96 [1].

В С.-Петербургском почтамте получено из Англии письмо с французскою надписью: «au Maréchal de la Noblesse» и русскою: «его превосходительству г. С.-Петербургскому предводителю».— По секретном рассмотрении сего письма в нем оказалось адресованное из Лондона печатное революционное воззвание на русском языке, под заглавием: «Юрьев день», приглашающее к освобождению крестьян и наполненное угрозами в мятежном духе, вследствие чего воззвание это мною представлено государю императору [2].

Как по содержанию оного надобно полагать, что подобного рода воззвания будут адресованы и к другим дворянским предводителям и должностным лицам, то независимо от тех секретных мер, которые могут в некоторых местах быть приняты с почтовой стороны для недопущения водворения таковых возмутительных воззваний в России, его императорскому величеству угодно было повелеть мне сообщить об этом случае вашему сиятельству и г. министру внутренних дел с тем, чтобы приняты были надлежащие правительственные секретные меры для предупреждения тех должностных лиц, к которым могли бы дойти подобные письма с воззваниями, чтобы эти письма были немедленно представлены ими вашему сиятельству [3].

Главноначальствующий над почтовым департаментом
генерал-адъютант граф Адлерберг.

Отношение министерства иностранных дел в III отделение, 5 октября 1853 г., № 886 [4].

Министерство иностранных дел не оставило в свое время возложить на посланника нашего в Лондоне обязанность обратить особенное внимание великобританского правительства на издаваемые в Лондоне на русском языке изгнанником Герценом возмутительные прокламации, печатаемые в учрежденной им типографии.

Барон Брунов доносит ныне, что, вследствие его представлений, английское правительство приняло некоторые меры для прекращения, по крайней мере, публичной раздачи сих возмутительных воззваний. Он сам однако же остается уверенным, что означенные прокламации будут тайно рассылаемы и уведомляет, что по собранным им сведениям корреспондентом Герцена и других мятежных выходцев избран лейпцигский книгопродавец Р. Гартман, который состоит в торговых сношениях с здешними книжными торговцами.

поручено было нашему посланнику при великобританском дворе учредить надзор за ее действиями и доставлять сверх сведений о ней по экземпляру печатаемых оною всякого рода сочинений».

[1] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 1, лл. 268—269.

[2] Брошюра была издана в Лондоне «Вольной русской типографией» в июле 1859 г. и сейчас же попала в Россию. Прочтя брошюру Герцена «Юрьев день», Николай I написал шефу жандармов следующую записку: «Лист этот был прислан на адрес С.-Петербургского предводителя дворянства Потемкина, и очень вероятно, что такие же посланы были на имя других лиц, следить за этим очень надо, ибо за сим быть может пойдут и другие подобные. На почте велено очень смотреть».

[3] Через три дня III отделение разослало «весьма секретные» предписания всем жандармским полковникам и штаб-офицерам подобного же содержания и во всех уголках России жандармы стали искать «революционное воззвание, приглашающее к освобождению крестьян», но, судя по ответам их в III отделение, воззвание нигде обнаружено не было.

[4] III. о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 295.

Доводя о вышеизложенном до сведения вашего сиятельства, считаю долгом присовокупить, что по высочайшему повелению поручено посланнику нашему в Дрездене обратить внимание тамошнего правительства на книгопродавца Гартмана и на его сношения с начальниками мятежной пропаганды, находящимися в Англии.

Управляющий министерством, товарищ
министра иностранных дел Сенявин.

Отношение министерства императорского двора в III отделение, 20 января 1854 г., № 180 [1].

М. г. Леонтий Васильевич.

Известный III отделению собственной его императорского величества канцелярии, находящийся в чужих краях русский подданный Александр Герцен, издал в Лондоне на русском языке брошюру под названием: «Крещеная собственность» [2] в оскорбительном для нашего правительства и вообще вредном духе.

По доведению моем о сем до сведения государя императора, его величество высочайше повелеть изволил сообщить вашему превосходительству о принятии надлежащих мер, чтобы брошюра эта не могла проникнуть в Россию. То же будет сделано и с моей стороны по почтовому ведомству.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Адлерберг.

Отношение и. д. наместника в царстве польском шефу жандармов, 6 апреля 1854 г., № 641 [3].

Генеральный консул наш в Сардинии доставил экземпляр генуэзской газеты «Italia e popolo» от 11 сего апреля, в которой напечатано мятежническое воззвание известного вашему сиятельству злоумышленника, Александра Герцена (Hertzen) к нашим войскам, расположенным в царстве польском [4].

Сделав распоряжение, о принятии самых строгих мер, для воспрепятствования передачи и распространения этого воззвания в здешнем крае и сообщив о том генерал-губернатору в Вильне и командующему войсками в Курляндской губернии, имею честь уведомить о вышеизложенном ваше сиятельство, с препровождением, в русском переводе, помянутого воззвания.

Исправляющий должность наместника в царстве польском,
генерал адъютант граф Редигер.

---

[1] III о., 1 эксп., 1854 г., д. № 239, ч. 10, л. 331.
[2] Брошюра Герцена «Крещеная собственность» датирована 22 июля 1853 г.
[3] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 337.
[4] Воззвание было издано отдельным листком Вольной русской типографией 26 марта 1854 г., с заглавием «Вольная русская община в Лондоне русскому воинству в Польше», и передано в сборнике «Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне» вместе с другими, изданными в первые годы существования типографии. В 1935 г. Академией наук СССР переиздан этот сборник с приложением «Библиографического описания изданий Вольной русской типографии в Лондоне 1853—1863 гг.».

Отношение московского военного генерал-губернатора шефу жандармов, 25 июля 1855 г., № 1069[1].

М. г. граф Алексей Федорович.

Г. министр внутренних дел, сообщив мне 23 июля 1853 г., что в Лондоне изготовлено и предназначено к отправлению в Россию печатное революционное воззвание на русском языке, под заглавием «Юрьев день», приглашающее к освобождению крестьян и наполненное угрозами в мятежном духе, препроводил для моего сведения список с секретного отношения гражданским губернаторам по высочайшему повелению, чтобы начальники губерний, условясь без малейшей огласки и отнюдь не письменно с губернскими и уездными предводителями дворянства, в случае получения кем-либо подобных воззваний из Лондона или другого какого-либо места, немедленно доставили их к вашему сиятельству.

Ныне дознано мною секретно, что кроме брошюры «Юрьев день», сочинения Александра Герцена, изданной в Лондоне под заглавием: «Юрьев день — русскому дворянству»,— в Англии напечатаны на русском и французском языках другие сочинения Герцена в революционном духе, как-то:

1) «Крещеная собственность», с эпиграфом: «Я не ворон, а вороненок; настоящий ворон еще летает в поднебесье.— Пророчество Пугачева. Лондон. Вольная русская книгопечатня при польском демократическом товариществе, № 38, Regent Square 1853 г.».

2. Братьям на Руси. О вольном русском книгопечатании[2].

3. Du développement des idées révolutionnaires en Russie.

4. Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Michelet[3].

5. Le servage en Russie[4].

Несмотря на все предосторожности, некоторые из этих брошюр, если не все, при содействии неблагонамеренных людей, тайно проникли в Россию. Можно с вероятностью предположить, что их получают у нас разрозненными в печатных листах, коими обертываются привозимые из-за границы дозволенные книги и вообще товары.

Поставив о том в известность московских гражданского губернатора и исправляющего должность обер-полицеймейстера, я словесно поручил им иметь за сим негласно секретное наблюдение, и буде где-либо появятся, или будут открыты подобные преступные сочинения и вообще пасквили против правительства, тотчас их забирать и представлять ко мне для дальнейшего моего распоряжения.

Долгом считаю уведомить о сем ваше сиятельство с тем, что не изволите ли признать полезным, для недопущения в Россию нравственной заразы этих возмутительных сочинений, усилить меры секретного за сим надзора со стороны таможенного начальства и не найдете ли нужным сообщить мне сведение о сделанных вами по настоящему делу распоряжениях.

К сему имею честь присовокупить, что по дошедшему до меня слуху

---

[1] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, лл. 356—357.

[2] Было издано литографированным листком 21 февраля 1852 г. по поводу основания в Лондоне «Вольной русской типографии».

[3] Брошюры: «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм» (Письмо к Мишеле) были написаны Герценом в Ницце и изданы — первая по-немецки в «Deutsche Jahrbücher» и по-французски отдельной брошюрой.

[4] Очевидно, так названы письма к редактору «The English Republic» В. Линтону, изданные как перевод с французского в 1854 г. на английском языке и в 1858 г. на русском под заглавием «Старый мир и Россия».

с недавнего времени ходит в рукописи история императора Николая, неизвестного сочинения, о негласном разыскании коей мною приняты также меры [1].

Граф А. Закревский.

Циркуляр шефа жандармов, 30 декабря 1855 г., № 2054 [2].

Неоднократно получаемы были мною сведения, что заграничные злоумышленники всеми мерами стараются о распространении в России возмутительных сочинений на русском языке, печатаемых в Лондоне, в типографии изгнанника Герцена.

К предупреждению ввоза сих сочинений в наши пределы сделаны были надлежащие распоряжения, и старания злоумышленников не имели, повидимому, успеха; распоряжения эти не могли однако совершенно воспрепятствовать появлению в России помянутых сочинений, и в недавнем времени оказалось здесь напечатанное в означенной типографии возмутительное воззвание, под заглавием: «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон» [3].

По крайне преступному содержанию сей брошюры, тем более опасной, что способ изложения оной доступен понятиям простого народа, я, во исполнение высочайшей воли, предлагаю вашему сиятельству, в дополнение к отношению III отделения собственной е. и. в. канцелярии от 21 июня 1853 г. за № 1302, приказать всем штаб-офицерам корпуса жандармов вверенного вам округа разузнать строжайше, но совершенно тайно, не успели ли враги наши распространить у нас выше сказанное воззвание, о последующем же донести мне [4].

Генерал-адъютант граф Орлов.

Предписание шефа жандармов начальнику 2 и 7-го округов корпуса жандармов, 3 января 1857 г., № 25 [5].

Несмотря на все меры, принятые правительством к воспрепятствованию ввоза в наши пределы возмутительных воззваний, печатаемых за границей на русском языке изгнанником Герценом, злоумышленники успели, кажется, распространить в России эти воззвания, и ныне получено мной сведение, что оные появились в некоторых из губерний вверенного вашему превосходительству округа, где не только читаются многими, но возбуждают даже, в особенности между литера-

[1] Выяснить, кто был автором рукописи «История императора Николая», не представилось возможным.

[2] III о., 1 эксп., 1854 г., д. № 403, л. 22.

[3] Брошюра была издана в 1854 г. в «Вольной русской типографии» без указания ее на обложке.

[4] 11 февраля 1856 г. ставропольский жандармский подполковник Гробя-Горский рапортовал начальнику 6-го округа корпуса жандармов, а последний в III отделение, что «вредное сочинение под заглавием: «Емельян Пугачев» действительно распространялось, хотя в весьма малом количестве, между старообрядцами, преимущественно в «Прочном-Окопе»; «книжки эти выносятся из Харькова коробочниками и разносятся вместе с другим хламом по станицам, в которых и продаются в дни базарные и ярмарочные». Дальнейшие поиски виновных в продаже брошюры коробочников не увенчались успехом.

[5] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 379. Во 2 и 7-й жандармские округа входили Московская и приволжские губернии. Поводом к данному распоряжению было перлюстрированное III отделением письмо из Петербурга в Москву о высылке Герценом в низовые губернии «Тысячу тысяч воззваний, возмущающих народ русский».

торами и журналистами, сочувствие к Герцену. Вместе с тем сообщено мне также, что у многих находятся рукописные сочинения политического содержания, по разным вопросам, составляющим в настоящее время предмет разговоров и суждений публики.

Считая долгом обратить на это внимание вашего превосходительства, я предлагаю вам предписать подведомственным вам штаб-офицерам корпуса жандармов иметь за вышеозначенными сочинениями самое бдительное и строгое наблюдение и, стараясь всеми мерами к обнаружению этих сочинений, ежели бы оные в самом деле находились у кого-либо, о каждом таком случае немедленно доносить мне.

Генерал-адъютант кн. Долгоруков.

Из записки агента III отделения, 1857 г.[1].

...О сочинениях Искандера (Hertzen), вообще в Москве узнаю следующее: букинисты. предлагающие свои книги в гостиницах, приезжим и продающие оные в углах по улицам, все почти (вероятно, из опасения), отзываются, что не имеют и не знают. Один только из них, постоянно продающий на открытом воздухе свой старый литературный скарб на углу Театральной площади против почтамта, на вопрос, не имеет ли он между прочим чего-нибудь из сочинений Искандера, сказал: «Теперь ничего не имею, а иногда случайно и мне попадаются его сочинения»,— присовокупив: «Недавно продавалась в Москве книжонка Искандера, под названием: «Кто виноват»,— но она мигом была расхвачена. Может быть — продолжал букинист — она и теперь еще здесь есть у книгопродавцев, но и продают ее не иначе, как через коротко знакомых, и то за большую цену». От дальнейших расспросов об этом у разных московских книгопродавцев получены следующие сведения. В Университетской книжной лавке сказали, что в апреле месяце сего года был там один чрезвычайно редкий экземпляр повести Искандера: «Кто виноват», за подписью самого Искандера, но что вскоре продан, а имеющийся еще теперь там один экземпляр весь подклеен, ибо от беспрерывного чтения все листы развалились, он и теперь находится у кого-то на руках, только не помнит, у кого именно и не знает, когда возвратится в лавку. На замечание, что книга, вероятно, развалилась от прилежного чтения студентами сего университета, получено в ответ: не одни только студенты, но и разного другого звания люди любопытствуют прочесть ее.— Здешние книгопродавцы вообще того мнения, что эта повесть и запрещена и не запрещена, наверное сами не знают,— но что она чрезвычайно редка теперь и покупается за большие деньги. От многих других книгопродавцев по Никольской улице узнано, что они этой повести не имеют и что она не составляет собственно отдельного сочинения Искандера, а отрывок повестей его и вообще сочинений, помещенных в журналах: «Отечественные записки» 1845 и 1846 годов и «Современник» 1846 и 1847 гг., особенно в сем последнем, в котором повесть: «Кто виноват», была роздана подписчикам даром, в отдельной книжке.— Далее они говорили, что ни это, ни другие сочинения Искандера не обратили бы такое большое внимание публики, если б не столько теперь говорили об Искандере. Они знают, что он в Лондоне и печатает там русские книги, у нас строго запрещенные, потому что он дурно в них отзывается о России. Теперь,— присовокупляли они,— решительно нельзя найти ни одного полного экземпляра (исключая разве в одних только частных домаш-

[1] III о., II секр. арх., кар. 54, 1857 г., д. № 195, лл. 6—8.

них библиотеках) «Отечественных записок» и «Современника» вышеозначенных годов, где помещены повести Искандера: «Повествования доктора Крупова», «Письма об изучении природы», «Записки молодого человека», «Кто виноват» и проч. — все они вырезаны и вырваны и ходят по рукам особенными книжками.— Вышеозначенные повести (говорят) не запрещены, ибо были в то время цензурою пропущены в журналах, но теперь будто строго запрещено их перепечатывать; потому-то их и ищут с такою жадностью. После многих трудов добились однакож получить от книгопродавца Улитина, на Никольской, подле книжной лавки Богданова повесть «Кто виноват» [1]. О «Полярной звезде» [2] Искандера здешние книгопродавцы слышали, но не берутся достать ее. Один пожилой, весьма прилично одетый человек, вероятно московский житель, заметил, выходя из той же лавки Улитина, что в Москве того мнения, что невозможно, чтобы эти повести Искандера, которые в таком множестве ходят здесь по рукам в отдельных книжках, были все вырваны из тех журналов, потому что здесь подписчиков на них весьма не много,— а думают, не перепечатывают ли их тайно типографщики, наблюдая хитрость: начинать номер первой страницы не с 1-го, а для большего вероподобия с того, которыми сии повести действительно начинаются и кончаются в тех журналах. Далее этот весьма образованный, повидимому, человек заметил, что с повестями Искандера теперь то же самое, что было в 1825 году с «Полярной звездой» и «Думами» Рылеева. Прежде они были позволены, а после уже нашли, сколько заключается в них вредного и преступного для понятливых читателей...

Телеграмма секретаря русского посольства в Дрездене министру иностранных дел (4 февраля) 23 января 1858 г. [3].

Секретарь посольства нашего в Дрездене барон Вельо сообщает министру иностранных дел, что по получении депеши его, кн. Горчакова, от 6 января, он обратился к саксонскому министру иностранных дел об исходатайствовании у саксонского правительства распоряжений, необходимых для воспрещения ввоза и продажи в Саксонии русских сочинений Герцена.

Для оправдания этой меры относительно саксонского законодательства (которое в главных основаниях допускает свободу печатания), г. Бейст [4] просил бар. Вельо доставить ему перевод статей и преступных мест из означенных сочинений. Бар. Вельо удовлетворил этому

---

[1] Достав у букиниста книгу: «Кто виноват», агент, представляя таковую в III отделение, подверг ее «критическому» анализу. Вот что пишет сей «критик» о повести Герцена «Кто виноват»: «заключая в себе картины из русской помещичьей и дворянской жизни, как настоящего времени, так и за полвека тому назад и будучи написана с неотъемлемым у автора талантом, повесть эта очень занимательна. По критическому ее духу можно бы назвать ее даже поучительною, если бы не выглядывала на всех страницах оной вредная цель всех вообще сочинений Искандера. Он не старается о том, чтобы исправлять дурное, а только вскрывает оное, преувеличивает, осмеивает и набрасывает на картину русского духа какой-то мрачный, раздражающий читателя оттенок собственной своей злобы под заглавным восклицанием: «Кто виноват».— Автор — социалист — без сомнения рассчитал, что некоторые станут вкушать вредный плод его воображения, признают виноватыми правительство и гражданский наш порядок, хотя он не выразил прямо всего его сознания» (I.I о., II секр. арх., карт. № 54, 1857 г., № 186).

[2] «Полярная звезда» — журнал, издаваемый Герценом с 1855 до 1869 г. Всего вышло 8 книг.

[3] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, л. 488.

[4] Барон Бейст — министр внутренних и иностранных дел в Саксонии.

желанию, выбрав для того места из 2 и 3 №№ «Колокола»[1], III книги «Голоса из России»[2] и в томе 1857 г. «Полярной звезды» (эти сочинения он имел тогда под рукою).

22 января (депеша от 4 февраля (23 января) 1858 г.) г. Бейст официально уведомил г. Вельо, что министерский указ относительно запрещения торговли сочинениями Герцена подписан 29 января (н. ст.) и сообщил ему копию с этого документа.

Так как в «Dresdens Journal» и в «Leipziger Zeitung» №№ 28 и 30, напечатан этот указ, то бар. Вельо счел долгом прислать по экземпляру каждой из этих газет.

Бар. Вельо присовокупляет, что саксонское правительство превзошло в этом случае прусское. В Саксонии воспрещение простирается на «Колокол», «Полярную звезду» и «Голоса из России», между тем как в Пруссии, только на «Колокол», и что главный директор отделения полиции в Дрездене обещал, ему, бар. Вельо, наблюдать за точным и строгим выполнением означенного указа.

Отношение начальника 5 округа корпуса жандармов в III отделение, 16 мая 1858 г., № 195[3].

В дополнение весьма секретных докладных записок моих к вашему сиятельству, от 16 декабря, за № 422, и от 30 декабря, за № 445, прошлого года, относительно строгого и бдительного наблюдения за ввозимыми в наши пределы, печатаемыми за границею, сочинениями изгнанника Герцена, имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, что штаб-офицер корпуса жандармов г-н генерал-майор Богданович в настоящее время донес мне, что за всеми деятельными его дознаниями об означенных сочинениях, он ничего не мог узнать, и таковых ни у кого не обнаружилось во вверенной его наблюдению губернии. Носится же молва, что сочинение Герцена под заглавием «Голоса из России» и новейшее сочинение «Колокол» будто бы некоторые читали в Петербурге, где эти сочинения ходят по рукам, и что там об них вообще разговор свободен. Говорят также, что сочинения Герцена вывозятся из-за границы нашими же соотечественниками, которыми более всего распространяются слухи об этих сочинениях.

О чем почтительнейше донося вашему сиятельству, имею честь доложить, что штаб-офицеры продолжают строго наблюдать за означенными сочинениями и, если что будет открыто или дознано, то я тотчас буду иметь честь донести о том вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Черкесов.

Отношение жандармского офицера в Херсонской губернии шефу жандармов, 13 июня 1858 г., № 50[4].

Между предметами, занимающими умы различных сословий, после вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян, направление, при-

[1] Герценовский «Колокол» начал выходить в Лондоне 1 июля 1857 г., а с 1865 до 1867 г.— в Женеве. Всего вышло 245 номеров. В 1868 — 1869 гг., вышло 15 номеров «Колокола» на французском языке и 6 номеров «Русского прибавления» к нему. После смерти Герцена друг и соредактор его Огарев передал Нечаеву право на возобновление издания «Колокола». Всего со 2 апреля по 9 мая 1870 г. вышло 6 номеров, переизданных Обществом политкаторжан в 1933 г.

[2] Периодические сборники журнального типа, издаваемые Герценом в Лондоне с 1856 по 1860 г. Всего вышло 9 книг.

[3] III о., 1 эксп., 1834 г., д. № 239, ч. 10, лл. 522—523.

[4] Там же, лл. 527—530.

нятое нашей литературой в периодических изданиях и газетах в особенности обращает на себя тревожное внимание некоторых классов общества и возбуждает в других надежды и стремления безграничные. Приверженцы старинного порядка вещей, с которыми исчезнет для них значительная часть их благосостояния, видят в беспрепятственном выражении частных мнений, в изложении различных проектов, в изобличении злоупотреблений как будто посягательство на их права, основанные доселе лишь на вкоренившемся обычае и на силе привычки. Не решаясь однако высказать свою тайную мысль, они выражают только желание, чтобы переход цензуры от строгости к противоположному направлению не был слишком резок, простирая это желание и ко всем реформам вообще. Они находят, что общество в нашем отечестве еще слишком юно, чтобы пользоваться совершенною свободой слова, и опасаются, чтобы некоторые журналы и газеты, особенно с либеральным направлением, не учредили собственной, пристрастной цензуры, для недопущения в свои листы мнений, несогласных с их программой. Совершенную противоположность составляет та часть общества, у которой нет интересов в прошедшем. Сюда принадлежат люди наиболее развитые умственно, которые, нося в себе свою будущность, не опасаются никаких перемен. Они лихорадочно заглядывают вдаль; для них нет слишком быстрых, слишком полных реформ; по их мнению, как одна гласная адвокатура может пресечь лихоимство в судах, так одна безусловная свобода книгопечатания может служить выражением жизни, потребностей и стремлений общества. Обвиняя защитников старины в холодном расчете, в сопротивлении прогрессу, многие из них не замечают того, что сами готовы впасть в более опасную крайность.

Таковы слухи до меня доходившие. Но если они справедливы и действительно вся мыслящая и образованная часть общества сосредоточит свое внимание на том, что у нас пишется и издается, быть может, это отвратит ее от тех вредных изданий, которыми Герцен и собратия отуманивали многие незрелые умы. Это будет одним из самых благодетельных последствий оживления нашей литературы, которой правительство, без сомнения, не позволит переступить границ и употребить во зло его просвещенную терпимость.

Я упомянул о сочинениях Герцена и его сотрудников. До сих пор все старания мои узнать положительно о путях, которыми они проникают в Россию, не имели успеха, хоть нет сомнения, что все их читают в печати или в рукописях. Официальный характер штаб-офицера корпуса жандармов в губернии так искажен временем, так далек от своего первообраза, а потому так загадочен и можно сказать страшен для читающих слоев общества, что если кто, при личной доверенности, и решится сознаться, что он читал «Полярную звезду», «Колокол», «С того берега»[1], «Голоса из России», то бесполезно и вредно было бы расспрашивать, откуда достались ему эти брошюры. Бесполезно потому, что едва ли кто решится об этом объявить агенту высшей полиции, а вредно, потому что такою попыткою можно внушить к себе совершенную недоверчивость, с которою и без того так трудно бороться. Однако из некоторых разговоров я мог заключить, что если, несмотря на всю бдительность таможен и личную выгоду чиновников, в них служащих, нередко к нам провозится контрабанда, то немудрено, что тою же дорогой проникают и лондонские издания. Мера правитель-

[1] Брошюра «С того берега» издана в 1855 г. и является сборником ряда статей, написанных Герценом в 1848 и 1849 гг. по-русски, но изданных впервые в 1850 г. на немецком языке под названием: «Vom anderen Ufer».

ства, столь благодетельная в своем основании, облегчившая для всех классов путешествие по чужим краям, в свою очередь способствует привозу памфлетов и социалистических софизмов с запада. Наконец, говорят, что с иностранными курьерами, с членами дипломатического корпуса и даже в свите высоких лиц, для которых таможенный осмотр фактически не существует, провозятся и провозились желчные выходки Герцена. Но утешительно то, что ему приходилось печатно жаловаться на недостаток сочувствия в русских к его пропаганде.

Полковник Рындин.

Выписка из письма П. А. Верещагинского из С.-Петербурга от 5 декабря 1858 г. к книгопродавцу Зупанскому в Познань [1].

В последнем письме просил я вас, можете ли вы мне доставить некоторые сочинения на русском языке, изданные Герценом в Лондоне, и за какую цену, но на это не получил никакого ответа. Я слышал, но не очень тому верю, что эти издания у вас запрещены, но, несмотря на то, довольно открыто продаются; может быть, это причина, что вы боитесь упомянуть об этом.

В случае, если вы получили те издания, которые я требовал за № 179 — 186, то прошу вас при присылке оных непременно соблюсти следующую осторожность: прикажите все эти издания сверху оклеить другими обертками, взятыми с каких-нибудь польских, французских или немецких книг, и подходящих под формат терценовских изданий, а как вы занимаетесь изданием книг, то в подобных обертках, конечно, у вас не будет недостатка,— за все это я охотно заплачу. Эта осторожность необходима, дабы при вскрытии тюка, русские буквы не поразили глаз. По этой же причине прикажите все те книги запаковать в тюк в самую середину между книгами, так что, с какой бы стороны ни вскрыли тюка, эти книги не могли бы первыми броситься в глаза. Одним словом, если вы поступите по этой инструкции, то можно ручаться, что эти вещи в целости дойдут до меня.

Отношение горбатовского земского исправника штаб-офицеру корпуса жандармов по Нижегородской губ., 6 сентября 1859 г., № 413 [2].

Из произведенного мною следствия, во исполнение предписания его превосходительства, г. нижегородского военного губернатора, от 18 минувшего августа, за № 10174, о распространении между крестьянами села Богородского газеты «Колокол» открылось: проживающий в селе Богородском крестьянин тайного советника Шереметьева, Васильевского уезда, Юринской вотчины, Семен Сергеев Смыслов, занимающий должность садовника, показал, что в бытность его 16 числа минувшего августа месяца, в лавке крестьянина села Богородского Николая Иванова Маркичева, увидал он газету «Колокол» и по просьбе его, Смыслова, он взял у Маркичева газету «Колокол» к себе на дом читать, на короткое время,— газеты было не более пяти листов; не прочитавши ее всю, возвратил обратно Маркичеву. Что было писано в этой газете, он, Смыслов, не помнит; крестьянин же Маркичев, сознаваясь

[1] III о., II секр. арх., карт. 56, 1858 г., № 709. Это письмо вызвало расследование III отделения о личности автора — чиновника особых поручений при правлении государственного земского банка.

[2] III о., 1 эксп., 1858 г., д. № 208, лл. 5—6.

в даче Смыслову той газеты, сказал, что он ее брал прочитать у крестьянина села Богородского Александра Матвеева Пугина, не зная, что она запрещена и потому держал ее в лавке, была же эта газета у него, Маркичева, не более трех суток; но впрочем сам ее всю не читал, уезжая тогда на Макарьевскую ярмарку. Что было писано в этой газете, он не знает, и более Смыслова у него никто газеты этой не брал. Крестьянин же Пугин, сознавшись в даче крестьянину Маркичеву той газеты, сказал, что таковую ему, Пугину, дал прочитать дворовый человек тайного советника Шереметьева, Михайло Петров Мельников; не читая эту газету и не зная, что в ней было написано, он узнавши, что я делал обыск этой газеты в лавке и в доме Маркичева, сжег ее у себя дома в печи; Мельников же сказал, что он газету эту нашел в доме помещика своего, в комнате, которую занимал племянник его помещика, Василий Петрович Шереметьев, по отъезде его в свое имение Васильевского уезда в село Юрьино, между разными оставленными им бумагами [1]. По учиненному в доме крестьянина Пугина обыску при понятых людях, газеты «Колокол» и других не пройденных цензором газет и книг не отыскано. Произведенное же мною следствие вместе с сим представлено г. Нижегородскому военному губернатору за № 411.

Исправник Подревтеев.

Отношение главного штаба по военно-учебным заведениям в III отделение, 21 декабря 1859 г., № 26 [2].

М. г. князь Василий Андреевич.

Начальник Михайловского артиллерийского училища, генерал-майор Крыжановский донес, что 20 сего декабря в 5 часу утра, инспектор классов сего училища, полковник Платов, зайдя в литографию, застал там семь литографщиков из нижних чинов училища, занятых работою, и двух неизвестных молодых людей в партикулярном платье.

На вопрос полковника Платова: кто эти молодые люди? литографщики отвечали, что они называли себя вольными медицинскими студентами и пришли для заказа частных работ.

Полковник Платов, сделав молодым людям замечание, по какому праву они обращаются с частными работами в казенную литографию, подошел к станкам для осмотра производившейся работы и, в это время, молодые люди, незаметно, из литографии скрылись.

По осмотре станков оказалось, что печатали первый лист «Народный сход в память переворота 1848 г. в S. Martin's-Hall, Long Acre, в Лондоне» [3].

Полковник Платов немедленно отобрал все напечатанные экземпляры листков, всего полных 38, неполных, т. е. напечатанных с одной лишь стороны, 189 и, сверх того, две половинки другого листка, которые литографщики приготовляли: один к печатанию, а другой к переводу на камень. Три перевода на камнях, служившие к напечатанию, были, по приказанию полковника Платова, тут же стерты.

---

[1] По показанию отставного гвардии поручика В. П. Шереметьева в бытность его за границей в 1857 г. им были куплены 2 первых номера газеты «Колокол» и через две недели после возвращения его из-за границы таковые в Петербурге пропали со стола в занимаемом им помещении гостиницы «Демут».

[2] III о., 1 эксп., 1859 г., д. № 266, лл. 1—2.

[3] Брошюра «Народный сход в память февральской революции» была издана «Вольной русской типографией» в 1854 г. и представляла собой перевод речи, произнесенной Герценом на юбилейном собрании 27 февраля 1854 г.

Литографщики не имели, повидимому, никакого понятия о том, что печатали, тогда же сознались, что работали из обещанного вознаграждения и что молодые люди пришли в литографию в первый раз.

Генерал-майор Крыжановский приложил к донесению один экземпляр целого листка, два экземпляра полулистков и два перевода, которых еще не успели печатать,— присовокупил, что упомянутые нижние чины арестованы, а остальные отобранные экземпляры листков хранятся у него.

Государь император, по всеподданнейшему о сем докладу, высочайше повелеть соизволил: о всем вышеизложенном сообщить вашему сиятельству, для принятия, с вашей стороны, нужных мер к отысканию молодых людей [1].

Исполняя такую высочайшую волю, имею честь препроводить при сем вышеозначенные: экземпляр целого листка, два экземпляра полулистков и два перевода. Ростовцев.

Выписка из письма без подписи из Иркутска 30 октября 1860 г. к Варваре Николаевне Мустафиной, в Гатчине [2].

Особенно меня увлекает Герцен. Что за душа у этого человека. Надо благоговеть перед ним. Тут истина, животрепещущая мысль, которая сосредоточена на спасении России и народа. Вот теперь две личности на свете, два поборника добра,— это Искандер и Гарибальди [3]. Один словами от сердца, исполненного любви к родине, другой делом и жизнью,— и тоже действует из любви к родине. Теперь не так трудно достать Искандера. Я прочла его «Тюрьму и ссылку» [4], письма к императору и императрице о воспитании наследника [5], потом еще много других статей. Грустно, больно читать, а влечет, потому что родное сердцу...

Копия письма барона Розена из Нижнего-Новгорода, 1 июня 1861 г., к А. Герцену в Лондон [6].

Пользуюсь поездкою приятеля моего Петра Александровича Рихтера в Лондон, чтобы послать вам, многоуважаемый Александр Иванович, теплое, сердечное приветствие из Нижнего. Рихтер порасскажет вам,

[1] Полиции удалось 23 декабря арестовать одного из заказчиков, который по выяснении личности оказался вольнослушателем Петербургского университета, сыном смоленского помещика, служащим в корпусе внутренней стражи Варшавы, 21 года Эрастом Цявловским. Назвать фамилию товарища, с которым он приходил, по его словам, несколько раз в литографию заказывать печатать листы, а также фамилию студента, давшего ему книгу «Народный сход», Цявловский отказался. После усиленных допросов при III отделении, он был выслан в Вятку, под особый надзор полиции.

[2] III о., 1 секр., арх. карт. № 61, 1860 г., № 565.

[3] Джузеппе Гарибальди (1807—1872) — итальянский национальный герой-революционер, боровшийся за освобождение Италии. Гарибальди был в переписке с Герценом. Его письмо, полное сочувствия польскому народу и проклятия русскому правительству, расстрелявшему в Варшаве 16 апреля 1861 г. безоружных демонстрантов, и ответ на это письмо Герцена помещены в № 97 «Колокола» от 1 мая 1861 г.

[4] «Тюрьма и ссылка» составляют вторую часть «Былого и дум». Отдельным изданием книга вышла в 1854 г. в Лондоне, переиздана в 1858 г.

[5] Два письма Герцена к императору Александру II: первое от 10 марта 1855 г. о необходимости срочных реформ и освобождения крестьян в первую очередь, второе — от 20 сентября 1867 г. по поводу лживости и раболепия книги барона Корфа о восшествии на престол Николая I от 14 декабря 1825 г. и письмо к императрице Марии Александровне о воспитании наследника в «русском духе» и любви к русскому народу, от 1 ноября 1858 г.

[6] III о., карт. № 63, 1861 г. № 438, л. 3. Это письмо было вложено в письмо бар. Розена к Рихтеру, приложенное к письму бар. Розена начальнику первого отделения департамента уделов Н. Тютчеву, Петербург, с просьбой «доста-

что у нас на Руси делается. Для Н. П. Огарева [1] готовится характеристика здешних мировых посредников [2]. Сколько между ними замечательных экземпляров, достойных скотного двора. Жму вам крепко руку и от имени многих желаю вам успеха.

Вечера в Alpha-rood оставили во мне живую, светлую память.

Выписка из письма без подписи, из Вены, 25 сентября н. ст. 1861 г., к студенту Н. Останкову, в Казань [3].

В России что. Университеты в Петербурге, Москве и Казани закрыты [4]; Костомаров [5] и Михайлов в тюрьме [6], аресты, ссылки. Напишите подробности всех дел: здесь мы все читаем, но к сожалению все вкратце номера, головы Герцена и Огарева III отделение оценило; неизвестна только сумма, даже немецкие газеты орут во все горло об этом покушении III отделения на жизнь наших вечевых [7].

17 октября посланы 104, 105, 106, получили ли? [8].

Что у вас делается. Университет закрыт. А? Зачем, почему и как?

Всем кланяюсь.

Отвечайте.

Отношение III отделения министру народного просвещения, 5 февраля 1869 г., № 142 [9].

М. г. граф Дмитрий Андреевич.

В ноябре месяце 1867 года главное управление по делам печати сообщало III отделению собственной его императорского величества

вить приложенную записку верным путем П. А. Рихтеру, если он еще в Петербурге, в противном случае уничтожьте». Бар. Розен занимал должность помощника управляющего нижегородской удельной конторой, П. А. Рихтер состоял в должности управляющего самарской удельной конторой.

[1] Огарев Николай Платонович (1813—1877 гг.) — поэт, публицист, друг и постоянный сотрудник Герцена во всех его литературных и журнальных предприятиях.

[2] Бар. Розен Андрей Евгеньевич (1799—1884 гг.) — возможно родственник автора письма, декабрист, возвращенный Александром II с каторги, состоя с 1861 г. мировым посредником, написал «Очерк действий мирового посредника Харьковской губернии Изюмского уезда 2-го участка», напечатанный в журнале «Русская мысль», кн. 9.

[3] III о., II секр. арх., карт. № 64, 1861, № 643.

[4] В 1861 г. были опубликованы министром народного просвещения правила поведения студентов, прозванные «матрикулами», которыми, между прочим, воспрещались всякие сходки студентам, депутации к начальству и пр. Правила привели к массовому студенческому движению, результатом которого явилось временное закрытие университетов и выработка нового университетского устава, утвержденного царем в 1863 г.

[5] Речь идет о Костомарове, Николае Ивановиче (1817—1885 гг.), русском историке, профессоре Петербургского университета, читавшем публичные лекции по древней русской истории во время закрытия университета в 1861 г., в так называемом «Вольном» или «Подвижном» университете. Постоянное преследование его как участника украинофильского революционного движения дало повод автору письма предполагать, что Костомаров арестован.

[6] Михайлов, Михаил Илларионович (1829—1865 гг.) — революционер, поэт-переводчик. В 1859 г. в Лондоне познакомился с Герценом и в 1861 г. вместе с Н. В. Шелгуновым составил прокламацию «К молодому поколению»; отпечатав ее в Вольной русской типографии, он в августе того же года привез ее для распространения в Россию. 14 сентября 1861 г. был арестован по доносу Всеволода Костомарова, племянника историка, и приговорен к каторжным работам на 6 лет, где и умер от чахотки.

[7] В № 109 «Колокола» от 15 октября 1861 г. Герцен опубликовал свое письмо к русскому послу в Лондоне относительно получаемых им анонимных писем, с угрозами убить по заданию III отделения Огарева и его, Герцена.

[8] Очевидно, №№ 104, 105 и 106 «Колокола» от 1 и 15 августа и 1 сентября 1861 г.

[9] III о., 3 эксп., 1867 г., д. № 176, лл. 11—13.

канцелярии, что в типографии Вульфа отпечатана, без предварительной цензуры, книга под заглавием «Рассказы» [1]. Хотя имя автора семи рассказов, вошедших в состав книги, скрыто под тремя звездочками, но как тем не менее названному управлению известно, что они написаны Герценом, то оно и спрашивало мнения III отделения насчет возможности допущения в обращении означенной книги.

На это ответствованно тогда, что если есть основание предполагать, что упомянутые рассказы написаны Герценом, то, конечно, книга не может быть выпущена в свет и что в таком случае ее следует остановить, несмотря даже на то, что, по существующим узаконениям, она могла бы быть пропущена.

Вследствие сего все экземпляры означенной книги, по распоряжению главного управления по делам печати, арестованы. Причем управление это сообщило III отделению, что по полученным им сведениям книга «Рассказы» представлена в типографию Вульфа московским купеческим сыном Константином Николаевичем Плотниковым. Между тем Плотников, будучи вызван в III отделение, объяснил, что, получив воспитание в одном из низших учебных заведений, он имеет слишком ограниченное образование для того, чтобы быть автором каких бы то ни было литературных произведений; что он однажды только предпринимал издание детской книжки «Сказки Андерсена», которую перевел ему литератор, бывший редактор журнала «Век», негласно заведывавший литературным отделом «Будильника», и ныне профессор русской истории в Варшавской главной школе, Петр Вейнберг; что он знает поэтому г. Вейнберга; но далеко не в близких отношениях с ним и никогда не давал ему права употреблять свое имя, как издателя, а, следовательно, если г. Вейнберг позволил себе это, то сделал самопроизвольно.

Между тем, ныне получено сведение, что Вейнберг намерен жаловаться на задержание означенной выше книги, без возбуждения, по смыслу 14 ст. 3 отд. закона 6 апреля 1865 года, судебного преследования.

Сообщая обо всем этом вашему сиятельству, имею честь покорнейше просить вас, не изволите ли признать возможным приказать присоветовать г. Вейнбергу, чтобы он оставил свое предположение, так как по содержанию здесь изложенного, мнение о том, что «Рассказы» есть произведение Герцена подтверждается еще более и следовательно претензия его, Вейнберга, как совершенно не основательная, ни в каком случае не будет подлежать удовлетворению и скорее может поставить самого его в не совсем ловкое положение. О последующем же позвольте покорнейше просить ваше сиятельство почтить меня уведомлением.

Граф Шувалов.

Отношение главного управления по делам печати шефу жандармов, 18 ноября 1870 г., № 4062 [2].

М. г. граф Петр Андреевич.

В Московский цензурный комитет представлена отпечатанная без цензуры книга, под заглавием «Письма об изучении природы», сочинение автора «Раздумья».

[1] Книга «Рассказы», изданная Плотниковым, явилась первым бесцензурным изданием произведений Герцена в России и, несмотря на невинный смысл рассказов, входивших в нее, была изъята из продажи.

[2] III о., 3 эксп., 1867 г., д. № 176, лл. 21—22.

Комитет, имея в виду, что означенное сочинение принадлежит государственному преступнику Герцену, задержал 24 октября выпуск в свет этой книги и ныне донес главному управлению по делам печати, что по рассмотрении «Писем об изучении природы» по существу, оказалось, что письма эти, как видно из находящихся под ними пометок, составлены Герценом в 1844—1845 годах, когда он жил еще в России, и, по своему содержанию, могут быть дозволены к выпуску в свет, без всякого нарушения ныне действующих правил о печати.

Совет главного управления по делам печати, по рассмотрении книги, и с своей стороны не нашел в ее содержании ничего предосудительного и в этом отношении не усматривал никаких препятствий к выпуску ее в свет.

Между тем из дел главного управления по делам печати видно, что по поводу напечатания в 1867 г. в С.-Петербурге без предварительной цензуры, книги под заглавием «Рассказы», которая была составлена, как сделалось известным главному управлению по делам печати, из сочинений Герцена, сделано было сношение с III отделением собственной его императорского величества канцелярии и от управляющего оною получено уведомление о заключении по сему предмету вашего сиятельства, что если есть основание предполагать, что помещенные в упомянутой книге семь рассказов написаны Герценом, то ни в каком случае она не может быть выпущена в свет и следует ее остановить, несмотря на то, что по существующим узаконениям она могла бы быть пропущена. Вследствие сего книга «Рассказы» и не была выпущена в свет.

В виду таковых обстоятельств, я имею честь сообщить о вышеизложенном вашему сиятельству, покорнейше прося не оставить меня вашим по настоящему предмету заключением, т. к. на основании ст. 14 гл. X законоположений о печати 6 апреля 1865 г., остановить выпуск в свет вышеозначенной книги «Письма об изучении природы» можно не иначе, как начав против виновных в издании оной судебное преследование,— которое, однако, в виду непредосудительного содержания книги, не представляется возможным.

А. Тимашев.

Отношение III отделения в Московское губернское жандармское управление, 21 декабря 1870 г., № 1986 [1].

М. г. Иван Львович.

Московским цензурным комитетом задержана, впредь до особого распоряжения, представленная туда, отпечатанная без предварительной цензуры книга, под заглавием: «Письма об изучении природы, сочинение автора «Раздумья».

Хотя «Письма об изучении природы» по существующим узаконениям и могли бы быть пропущены, но как сочинение это принадлежит государственному преступнику Герцену, а по имеющимся в III отделении собственной е. и. в. канцелярии сведениям, все деньги, выручаемые через продажу сочинений названного преступника предназначаются в пользу русской эмиграции, то граф Петр Андреевич изволил поручить мне покорнейше просить ваше превосходительство постараться склонить издателя означенной книги не выпускать ее в свет.

Исполняя сим поручение его сиятельства, имею честь присовокупить,

[1] III о., 3 эксп., 1867 г., д. № 176, л. 28.

что здесь нет положительных сведений об имени издателя «Писем об изучении природы», есть только частные указания, что это какая-то родственница Герцена (проживающая в Москве). Но как обе книги принадлежат одному автору и следовательно можно предполагать, что и издаются одним лицом, а склад «Раздумья» находится на Арбате, в Афанасьевском переулке в д. Спечинского, то я полагаю, что там можно получить верные сведения по этому предмету.

Н. Мезенцов.

Из записной книжки архивиста

Трудящиеся женщины южной Осетии в борьбе за советы

Мы публикуем документ, характеризующий боевое участие женщин-горянок южной Осетии в борьбе за диктатуру пролетариата в годы гражданской войны. Для угнетенных прежде горянок были особенно ценны свобода и равенство, обеспеченные победой Великой октябрьской социалистической революции. Доклад женотдела при южноосетинской организации Российской коммунистической партии (большевиков) освещает факты исторической борьбы горянок, борющихся наравне с мужчинами за диктатуру пролетариата — за единственную власть, приносящую раскрепощение трудящимся женщинам. В докладе дается характеристика положения трудящихся женщин южной Осетии в дооктябрьский период, а также освещается участие женщин в героической борьбе южноосетинского народа против врагов диктатуры пролетариата.

Подлинник доклада хранится в Центральном архиве Октябрьской революции.

Из доклада женотдела при южноосетинской организации РКП (большевиков) 21 октября 1920 г.[1]

Москва, тов. Ленину, отделу работниц при ЦИК, отделу национальных меньшинств, председателю отдела восточных народов.

Великая русская революция в лице Советской власти кладет прочное начало раскрепощению женщин востока и горянок. Мощная сила Октябрьской революции еще бессмертнее становится, когда сталкиваешься с этим фактом, не встречавшимся на страницах предыдущих революций. Раскрепощение женщин можно считать уже совершившимся фактом, ибо красное знамя революции, знамя освобождения, никто уже не вырвет из рук угнетаемых доселе женщин-горянок и востока.

Несмотря на свое исключительное положение среди женщин остальных народов, женщины востока и горянки как бы инстинктивно почувствовали, что Советская власть несет им желанное освобождение и пошли ей навстречу. Женщины-горянки и востока глубоко убеждены, что недалек тот час, когда черные тучи, омрачающие яркое зарево революционного солнца, исчезнут с мирового горизонта и когда по всему земному шару прогремит мощное слово,— слово окончательной победы мирового пролетариата. Тогда многомиллионные женщины востока и горянки сбросят с себя цепи рабства и будут равноправными членами революционной Советской России. К этой цели женщины-горянки и востока стремятся со всей страстью своей души, это сделалось их заветной мечтой, несмотря на ту непроглядную тьму, которая царит среди них. Чтобы оценить, понять силу революционного движения среди женщин-горянок, я постараюсь вкратце описать положение женщины-горянки.

Что такое женщина-горянка? Женщина-горянка — это покорная раба своего господина — горца. Она его полная собственность, с которой он волен делать все то, что вздумается его грубой, подчас дикой душе. У женщины-горянки нет своего «я», она обезличена до неузнаваемости. Горянка не смеет сама мыслить, думать, проявить свое личное «я». В руках горца она является механической машиной не больше и не меньше. Начну с момента ее появления на свет: когда у горца рождается девочка, он страшно этим огорчен, не может никак примириться с свершившимся фактом, проклинает момент ее появления на свет. Так начинает с проклятия свою жизнь жертва грубой темноты нашего народа. Когда ей исполнится 17—18 лет, ее, помимо ее воли, выдают замуж, берут за нее громадный выкуп, так называемый «калым». Выходя замуж, девица-горянка большею частью не знает даже в лицо того, с кем ей предстоит провести всю свою жизнь. В доме мужа участь ее еще безотраднее. Она не смеет и мыслить создать так или иначе свою семейную жизнь. Все это за нее делают другие — она является лишь немой свидетельницей всего происходящего. Но, несмотря на это свое положение, женщина-горянка доказала, что она способна свергнуть это иго и жить свободной жизнью.

[1] ЦАОР, ф. 13, 18, 1920 г., д. № 305, лл. 1—11.

Тут я постараюсь указать на ту революционную работу, которую вели женщины-горянки. С самого начала революции мы, женщины южной Осетии, стали в ряды активных революционных работников трудового народа и под единым революционным знаменем шли со всем южно-осетинским народом вплоть до последнего момента до уничтожения южной Осетии империалистической Грузией[1].

В начале 1918 года при южно-осетинском Народном совете организовали «трудовой союз женщин-южанок», который стоял на платформе Советской власти. Провели своих представительниц в Народный совет, которые отстаивали интересы трудовых женщин-южанок. В короткий срок своего существования союз рассчитывал на двухсот членов. Был избран так называемый исполнительный комитет, который энергично взялся проводить в жизнь намеченную программу предстоящей работы. По постановлению исполнительного комитета всю южную Осетию разделили на 16 районов. В каждый из этих районов послано было по одному инструктору «из среды членов союза». Инструктора эти должны были ознакомиться с положением женщин данного района, открыть школы грамоты, прочесть целый ряд лекций на тему: «Русская революция», «Положение женщины-работницы в Советской России», «Роль женщины в данный момент» и т. д. Помимо этого, союзом предполагалось открыть в каждом районе нечто вроде приемного покоя с родильным приютом. Надо сказать, что в южной Осетии абсолютно отсутствовала медицинская помощь, и народ погибал массами при появлении эпидемических заболеваний. Кроме того, союз предполагал открыть в каждом из этих 16 районов школы кройки и шитья. Конечно, союз тут преследовал вовсе не ту цель, чтобы из женщин-южанок сделать примерных рукодельниц. Нет. Надо сказать, что горцы обращают большое внимание на рукоделие, и всякая женщина-горянка обязана его знать. Итак, зная, что в эти школы они пойдут с большой охотой, мы решили повести культурно-агитационную работу — подготовить их к новой свободной жизни. Наряду с этим предполагалось открыть и массу других организаций, как-то: прядильные и ткацкие мастерские, которые должны были являться наилучшим средством организовать женщин южной Осетии. Так начала свою работу наша организация, которая при всем своем желании не могла пойти дальше, с одной стороны, за отсутствием материальных средств, а с другой — и рабочей силы. Работа эта велась до 20 мая 1919 года, когда южно-осетинский Народный совет был разогнан грузинским правительством и когда всякая революционная работа как совета, так и нашей организации, была парализована. С этих пор нашей организации пришлось вести почти подпольную работу. Осетия кругом была наводнена агентами грузинского правительства, врагами рабочего народа. Каждое движение, желание раскрыть пред осетинским трудовым народом пагубную политику меньшевиков, свергнуть власть угнетателей трудовой южной Осетии подавлялось с ужасающей жестокостью.

Но, несмотря на все эти ужасы и исключительно тяжелые условия для трудового народа южной Осетии и женщин-южанок, революционный дух не только не был поколеблен, но возрос с удивительно быстрым темпом. Карательная экспедиция меньшевиков сделалась наилучшим фактором революционизировать массы до желанных пределов. Женщины южной Осетии ни на одну минуту не сходили с избранного революционного пути и шли рука об руку со всем трудовым южно-осетинским народом.

Непрерывную борьбу с контрреволюцией они выдерживают с самого начала 1918 года. После Октябрьской революции и Брест-Литовского договора трудовые женщины южной Осетии, а также весь южно-осетинский народ стал перед лицом небывало-возмутительного факта — факта разрыва Закавказья с Россией. В то время, когда русскому пролетариату предстояла тяжелая борьба, когда молодой русской революции угрожала со всех сторон свирепствовавшая контрреволюция, грузинские шовинисты, армянские дашнаки и татарские беки, объединившись в одну «милую» компанию, приносят интересы рабочего народа в жертву закавказской контрреволюции. Трудовой народ южной Осетии был обойден при решении столь важного вопроса — вопроса о выделении Закавказья в самостоятельную единицу. Оставаясь попрежнему на пути защиты интересов революции и Советской России, мы, женщины южной Осетии, вместе со всем южно-осетинским трудовым народом громко протестуем против такого насилия, против изоляции и отторжения нас, помимо нашей воли, от Советской большевистской России. И эту неуклонную стойкую волю, трудовой народ южной Осетии подтверждал на всех своих народных съездах, где бывали и представительницы от женщин-южанок с правом решающего голоса. Таким образом, южная Осетия стала преградой на пути распространения и утверждения в Закавказье царства меньшевизма. Тогда правительство Ноя Жорданья * для окончательного подавления революционного движения в южной Осетии, а в частности в Цхинвале посылает так называемую гвардию во главе с кн. Мачабели. Этот отряд состоит исключительно из мелких и крупных эксплоататоров рабочего народа. Увешанные тремя, четырьмя маузерами, они открывают

[1] Имеется в виду правительство, возглавляемое контрреволюционными бандами интервентов и грузинскими меньшевиками.

ураганный огонь по селам и деревням, разыскивая большевиков и, не имея возможности осуществить свою политику — уничтожить в корне революционный дух в трудовом осетинском народе, они бесчинствуют неимоверно. Насилуют женщин, избивают стариков и детей. Но, несмотря на все это, политика их не удается: народному восстанию нет конца. Восстание произошло одновременно в трех районах: Душетском, Сачхерском и Цхинвальском. Тут восстала не только трудовая южная Осетия, но восстали и грузины, карталинцы и иммеретины. В городе Гори был расформирован одиннадцатый грузинский полк за большевистское настроение. Это было начало гражданской классовой борьбы в Закавказье, а в частности в южной Осетии за Советскую власть. Среди народов Закавказья произошел полный раскол на два непримиримых лагеря — лагеря большевиков и меньшевиков. Подробно не буду останавливаться на всех этих трех восстаниях, отмечу только то, что в решительной схватке в Цхинвальском восстании начальник отряда Мачабели был убит. В Сачхерах также меньшевистские отряды потерпели поражение, и начальник их Гешапели позорно бежал, спасая свою шкуру. Что же касается Душецкого восстания, то оно было ликвидировано путем мирных переговоров. На это повстанцы принуждены были полным истощением боевых припасов, отсутствием живой связи с Россией... В периоде этих трех восстаний мы, женщины трудовой южной Осетии, были в рядах повстанцев. В то время, когда в Цхинвале шли ожесточенные бои, женщины-южанки работали в тылу, поддерживая революционный дух красных бойцов. Потерпев неудачу сломить революционный дух народа южной Осетии силой оружия, меньшевистское правительство избирает другой путь. На Цунарский съезд трудового народа южной Осетии, созванный в июне месяце 1918 года, приезжает Ираклий Церетели. Вместо неорганизованной темной толпы он встречает разделенный по партийным фракциям организованный съезд трудового народа южной Осетии. Большевики в подавляющем большинстве были тут, меньшевики, эсеры и беспартийные. Представитель правительства изложил пред южноосетинским народом меньшевистскую программу, указал на непрочность и неизбежность гибели большевистской власти. Но ни убедительные речи, ни ораторский талант Церетели не могли сдвинуть с революционного пути южно-осетинский народ, который определенно заявил, что Осетия — неотъемлемая часть Советской России. Тогда правительство Ноя Жорданья переносит все эти три восстания на национальную почву, чтобы хотя таким путем уничтожить революционного врага. Но тут мы, трудовые женщины южной Осетии, непосредственно участвовавшие в этой революционной борьбе, категорически заявляем, что это вопиющая ложь. В Цхинвальском восстании в рядах грузинской народной (меньшевистской) гвардии сражались и бывшие стражники-осетины и по настоящее время в народной гвардии Грузии не мало осетин... приспешников старой царской власти. Тут не было ни грузина, ни осетина, тут были революционные повстанцы — большевики и контрреволюционные предатели рабочей революции — меньшевики. Тут мы имели дело с партийно-классовой борьбой, которую правительство Ноя Жорданья старалось с революционного русла направить в националистическое, чтобы окончательно убить революционный дух народа. Но и тут опять пришлось «мудрому» правительству Грузии сдать оружие. Вот в этот опасный момент, момент возможности национальных столкновений, наша женская организация работала, не покладая рук. Наши представительницы разосланы были в повстанческие районы, чтобы разъяснить народу тактику грузинского правительства. Тогда грузинское правительство берется за последнее и наиболее надежное средство. Правительственная пресса забила тревогу о каких-то осетинских анархистах-разбойниках. Посылаются в Осетию карательные экспедиции во главе с горийским уездным комиссаром Карцивадзе. После Цхинвальских событий южной Осетии пришлось испытать ужасы четырех карательных экспедиций. Из всех этих экспедиций, предпринятых в Осетии грузинами[1], особенно выделяется декабрьская экспедиция 1919 года. Меньшевики, заранее втихомолку подготовившись, вторглись в Осетию с трех сторон: через Джавское, Джешкомское и Кударское ущелья. Тогда по приказу окружного комитета большевистской партии, все наши товарищи-большевики заняли высоты входных ущелий. Предводители меньшевистских отрядов полковник Химичев, Менгеля, Карцивадзе и др. потребовали выдачи 18 товарищей, руководителей коммунистических организаций, на что получили категорический отказ. Тогда они начали форменные погромы, напоминающие всем известные еврейские погромы в царской России. Все незначительные запасы хлеба, преимущественно кукурузы, которую бедняки тащили на своих плечах по непроходимым горным тропинкам из Северного Кавказа, отнимались. Этот хлеб, каждое зерно, которое было облито потом трудового народа, бросалось в изобилии в корм и под ноги коней грузинских белогвардейцев. Широко пользуясь услугами мелких осетинских кулаков, белая гвардия обходила дома всех товарищей, творя всякие бесчинства. Было разгромлено больше 400 дворов, насиловали женщин, избивали седых стариков, от которых требовали выдачи сыновей. В эти тяжелые минуты, когда народ мог легко поддаться агентам

[1] Меньшевиками.

грузинской республики, женщины южной Осетии повели наиболее усиленную работу в смысле поддержания революционного духа в массах трудового народа южной Осетии. Были неоднократно случаи, когда в одном и том же селе встречались мы, работницы, и тут же на митингах открыто разоблачали их политику. Больших трудов стоило руководителям сдержать революционный дух защитников трудового народа. Южная Осетия и на сей раз могла справиться с контрреволюционными силами Грузии, но боялись одного. Меньшевистское правительство, как видно, хотело вызвать Осетию на сепаратный бой и уничтожить ненавистную революционную силу, как это они проделали со многими татарскими селами в Ахалтинском уезде. Принимая во внимание все эти данные и имея в тылу контрреволюционного врага в лице Деникина, решили в бой не вступать, а рядовым работникам партии было предложено остаться в местных селах, держась в стороне. И эту экспедицию трудовая Осетия выдержала стойко. Революционный дух не только не был сломлен, но с 1918 г. по 1919 г. в южной Осетии насчитывается 17 организационных партийных комитетов Р. К. П. во главе с южно-осетинским окружным комитетом Р.К.П.

Меньшевистское правительство жестоко расправилось с руководителями юго-восточных и юго-западных повстанческих групп. Наши лучшие товарищи: Айдаров, Тибелов, Такаев, Шах-Назаров, Ломидзе и др. погибли в неравной борьбе в Меджоисхевских и Келедских лесах...

В то время, когда к нам вплотную подошла победоносная Красная армия, занявшая всю Терскую область, трудовая пролетарская и полупролетарская южная Осетия, соприкасаясь непосредственно с Советской Терской областью, свергла у себя жалкую меньшевистскую власть, которая, кроме презрения, среди нашего народа ничем не пользовалась...

Женщины южной Осетии со всей южной Осетией решили остаться под флагом Р.К.П. и иметь непосредственное сношение с центром. Получив возможность непосредственно говорить о своих нуждах с центром и будучи глубоко убеждены в том, что Советская власть всегда пойдет навстречу нуждам трудового народа, мы, женщины южной Осетии [решили] довести до сведения центра и хлопотать о скорейшем проведении Цхинвало-Зарагамагской перевальной дороги. Дорога эта начата была еще в 1918 г., когда на Северном Кавказе была Советская власть, которая отпустила средства на постройку этой дороги, оказывая всемерное содействие к успешному проведению ее. Но с приходом на Северный Кавказ Деникина, с одной стороны, и постоянным давлением контрреволюционной Грузии работа эта прекратилась. Меньшевистское правительство и на этот раз забило тревогу. В прессе была помещена статья под заглавием «Опасный путь», где Грузия предусматривает проведение этой дороги, как стремление Осетии к теснейшему объединению с Советской Россией; существовать же без этой дороги южной Осетии крайне трудно и почти невозможно, ибо южная Осетия всегда питалась северо-кавказским хлебом, который приходилось тащить через главный кавказский хребет на спине с величайшими трудностями, опасаясь каждую минуту слететь в пропасть. Теперь же при советской власти, которая всецело на страже интересов рабочего народа, мы, женщины революционной южной Осетии, глубоко убеждены, что при первой же возможности будет возобновлена постройка этой дороги. Продолжая начатую революционную работу под флагом Р. К. П. и для успешного проведения ее в жизнь среди женщин-горянок южной Осетии родилась мысль ходатайствовать при Центральном бюро народов Востока: 1) отпустить средства отделу работниц при южной осетинской организации Р.К.П.; 2) снабдить необходимой литературой; 3) открыть во Владикавказе школу-коммуну и «дом ребенка» для детей беженцев южной Осетии; ввиду отсутствия нужного инвентаря для открытия «дома ребенка» и школы-коммуны в Терской области, просить центр сейчас же отпустить: 6000 теплых одеял, 6000 матрацов и 6000 кроватей, ибо детей беженцев, по последним статистическим данным, в Терской области сейчас находится свыше 6000; 4) предписать отделам национальных меньшинств и властям Терской области оказывать всемерное содействие по проведению в жизнь перечисленных пунктов как материально, так и морально.

Представительница женотдела при южно-осетинской организации РКП большевиков.

Содержание

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. (Доклад товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.) 3

Заключительное слово товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1337 г. 22

«Звезда» и «Правда» и царская цензура. 34

В царской армии накануне февральской буржуазно-демократической революции. Вводная статья *П. Билык* 105

Требование народа о заключении Николая Романова в крепость. Вводная статья *Г. К.* 121

Продовольственное положение в Москве в марте — июне 1917 г. 128

Из документов по организации Красной армии. Вводная статья *П. Анисимовой* 147

Ленский расстрел 1912 г. Вводная статья *М. Л. Л.* 153

Царизм в борьбе с А. И. Герценом. Вводная статья *Д. Заславского* 207

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Трудящиеся женщины южной Осетии в борьбе за советы. 228

Редакционная коллегия

Сдано в производство 2—11/IV 1937 г. Подписано к печати 31/V 1937 г. Статформат Б. 176×250 14¹/₂ ц. л. 60 480 зн. в п. л. О.-Э. (п.) № 15. Зак. 444. Уполномоч. Главлита Б—13714. Техред-выпуск. А. Налимов. Тираж. 4 400 экз.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

14